

А. ШИШОВ
МИНИН И ПОЖАРСКИЙ

Воениздат
Москва, 1990
OCR А.Бахарев

СОДЕРЖАНИЕ

От автора
Смутное время
Интервенция
Московское восстание
Первое земское ополчение
Призыв нижегородского веча
На пути к победе
Освобождение Москвы
Служение Родине
Навечно в памяти народной

ОТ АВТОРА

Смутным временем называли русские люди лихую годину конца XVI – начала XVII века, когда страна оказалась в глубоком социальном кризисе. Шел процесс становления крепостнической системы, который вызвал резкий протест широких масс крестьянства и городских низов. Истоки Смуты надо искать и в войнах, и в тирании и репрессиях царя Ивана IV, и в боярской междоусобице, которые подорвали экономику, моральные силы народа. Наследники Грозного не смогли противостоять разрушению сильной государственной власти, натиску ожидавших легкой добычи врагов.

Молодое централизованное Российское государство в результате польской и шведской интервенции было поставлено на грань национальной катастрофы. В течение двух лет его столица находилась в руках иноземцев. Пали главные пограничные твердыни – города-крепости Смоленск и Новгород. Страна, которой изменила правящая боярская верхушка, подверглась страшному опустошению.

Казалось, что России не пережить «великого разорения». Но смертельная опасность заставила граждан забыть свои личные беды, подняться на защиту Отчизны. Преодоление Смуты высветило лучшие черты русских людей – стойкость, мужество, беззаветную преданность родной земле, готовность ради нее пожертвовать жизнью.

Мощная патриотическая волна, родившаяся в Нижнем Новгороде, поставила во главе народного движения простого горожанина Кузьму Минина и князя Дмитрия Пожарского. Во многом благодаря их верности Родине, организаторским способностям и полководческому таланту было создано земское ополчение, освободившее Москву от захватчиков.

Величайшая заслуга двух героев России начала XVII века состоит в том, что в переломный момент развернувшейся исторической драмы они сумели стать у руля созидательных сил, отстоявших государство от польско-шведского нашествия. Тогда (как и двумя веками позже, в 1812 году, а затем в 1941–1945 годах) решалась судьба нашей Родины, завершалась, в сущности, первая отечественная война, в ходе которой народ сумел защитить национальную независимость и право суверенно распоряжаться своей судьбой.

В разные годы было написано немало книг о Кузьме Минине и Дмитрии Пожарском. К их образам обращались С.Ф.Платонов, П.Г.Любомиров, С.В.Бахрушин, В.В.Данилевский, П.И.Березов, Р.Г.Скрынников и ряд других историков и писателей. Однако труды о Минине и Пожарском издавались весьма ограниченно

тиражом. Сегодня они уже не удовлетворяют в полной мере повышенный интерес массового читателя к истории Отечества, вызванный перестройкой всей нашей общественной жизни.

В предлагаемой книге в популярной форме рассказывается о Минине и Пожарском, показывается сложность и противоречивость Смутного времени на Руси, прослеживается борьба нашего народа против польских и шведских интервентов, насыщенная напряженными, порой драматическими событиями.

СМУТНОЕ ВРЕМЯ

От Смутного времени нас отделяют почти четыре столетия. Но интерес к тем событиям не ослабевает. Все новые и новые поколения советских людей черпают в отечественной истории образцы мужества и героизма, стойкости и верности воинскому долгу, познают исторические корни глубокого стремления народов России к единению, сплочению перед лицом чужеземных агрессоров.

В 1584 году в Москве умер царь Иван IV Васильевич, прозванный за свой крутой нрав Грозным. С его смертью в истории Российского государства, по определению современников, наступило Смутное время. Под Смутным временем. Смутой, подразумевались события, происходившие на протяжении почти трех десятилетий – до 1613 года, когда на русском престоле воцарился Михаил Федорович Романов.

С именем Ивана Грозного связано укрепление самодержавной власти в Российском государстве, сопровождавшееся решительной борьбой с боярщиной. Крупнейший государственный деятель, Иван IV понимал, что только объединенная страна может рассчитывать на утверждение своей независимости, хозяйственный и культурный рост.

Совершенно естественно, что такой исторически прогрессивный процесс вызвал яростное сопротивление врагов объединения и усиления Российского государства. А их было немало: крымские ханы, поддерживаемые турецким султаном, шведские феодалы, магнаты Речи Посполитой (объединенного польско-литовского государства), немецкие, рыцари. И всегда, и всюду были среди них пронырливые, жестокие, ни перед чем не останавливающиеся иезуиты, воинствующие агенты папы римского, мечтавшего распространить католичество на обширные русские земли.

В постоянном единоборстве с врагами утверждалась национальная независимость Российского государства. Особенно упорная борьба разгорелась за выходы к Балтийскому морю. Ливонскую войну, начатую Иваном Грозным в 1558 году, Российскому государству пришлось вести против мощной коалиции стран – Дании, Швеции и Польши. Силы их комплектовались в основном за счет германских и других наемников. Война велась в условиях жесточайшей и упорной борьбы внутри страны – с боярскими заговорами и изменами, которые были направлены на ослабление самодержавия и восстановление порядков периода феодальной раздробленности.

Ливонская война, длившаяся более двадцати лет, постоянные набеги крымских ханов достигли своей цели: к концу царствования Ивана Грозного Российское государство было сильно экономически ослаблено. С установлением самодержавия шел усиленный процесс закрепощения, разорения и обнищания крестьян.

Запустение центральных областей государства к 80-м годам XVI века приняло катастрофические размеры. В Московском уезде осталось всего лишь 25 процентов жилых крестьянских дворов, в Новгородской области их пустовало до 92 процентов. По всему государству необрабатываемыми было до 40 процентов пахотной земли. Оставшиеся крестьяне и посадские люди вынуждены были платить подати и налоги, нести повинности за бежавших от крепостной неволи. И в деревне, и в городе обостряется борьба между боярами, дворянами, богатыми купцами, которые опирались на царскую власть, с одной стороны, и разоряющимся крестьянством и городской беднотой – с другой.

После смерти Ивана IV Грозного царский престол перешел к его слабоумному, болезненному сыну Федору, который был не способен управлять таким огромным государством, находящимся к тому же в состоянии тяжелого хозяйственного кризиса и надвигающейся крестьянской войны против феодальной эксплуатации. Всеми государственными делами при Федоре ведали его

родственники и приближенные к нему бояре. Особенно большим влиянием пользовался боярин Борис Годунов, на сестре которого (Ксении) был женат царь Федор. Фактически Годунов являлся полновластным правителем России. Он, безусловно, выделялся среди предводителей боярства властолюбием, умом и государственными способностями. Будучи одним из ближайших помощников Грозного в последние годы его жизни, Борис Годунов пользовался поддержкой сторонников сильного централизованного государства, и прежде всего дворянства.

Во времена правления царя Федора вновь усилилась борьба внутри правящей верхушки. Князья и бояре, избежавшие террора опричнины, естественно, решили, что теперь наступил благоприятный момент, воспользовавшись слабостью нового царя, взять реванш, восстановить свое бывшее могущество, вернуть утерянную при Грозном политическую власть. Свои надежды они связывали с царевичем Дмитрием.

Дмитрий – сын Грозного от последней жены Марии Нагой, а Федор – от Анастасии Романовой. Когда Федор занял царский престол, Нагие с двухлетним царевичем выехали в город Углич, где он и воспитывался. 15 мая 1591 года девятилетний Дмитрий был найден во дворе мертвым, с ножом в горле. Назначенная Годуновым следственная комиссия пришла к выводу, что он погиб в результате несчастного случая. В составленном акте указывалось, что во время игры со сверстниками царевич в припадке падучей болезни сам наткнулся на нож. Так ли было в действительности, по сохранившимся историческим документам установить трудно. По свидетельству же летописцев, Дмитрий погиб от руки наемных убийц, подосланных Годуновым, – Михаила Битяговского, его сына Данилы и Никиты Качалова, которые в тот же день были убиты жителями Углича.

Смерть царевича Дмитрия, который был главным претендентом в борьбе за престол, была использована врагами Годунова в противоборстве с ним. По городам и селам распространились слухи о намеренном убийстве малолетнего царевича.

В 1597 году умер царь Федор, не оставив после себя наследника. В среде боярско-княжеской знати началась ожесточенная борьба за царский престол, победителем в которой вышел Борис Годунов, опиравшийся на поддержку дворян-помещиков. Об избрании его царем современник писал: «Боярами и придворными овладел великий страх. Они постоянно изъявляли желание избрать царем Федора Никитича Романова». Между тем народ повсюду кричал: «Сохрани господи царя Бориса!» Бояре, «опасаясь, чтобы народ не схватил их, стали присягать» новому самодержцу.

В годы царствования Бориса Годунова резко ухудшилось положение крестьянских масс. За годы его правления к концу XVI века оброчные повинности сельских тружеников выросли почти в три раза, а лучшие их земли и покосы экспроприировались помещиками. Крепостная зависимость крестьян усилилась: теперь ими по своему произволу могли распоряжаться и бояре, и дворяне. Крестьяне жаловались, что помещики их «били и имущество грабили и всякие насильства чинили». Уйти же от своего хозяина после отмены Юрьева дня они не имели права.

Вот почему в конце XVI века усиливается бегство крестьян и мелких посадских людей на окраины Русского государства – в Поволжье и придонские степи, на Яик (Урал) и Терек, в Запорожье, на Север и в Сибирь. Бегство стало одной из наиболее распространенных форм протеста трудящихся масс против усиливающегося угнетения. Наиболее показательной является обстановка на Дону, где с давних пор скапливались вольные люди, занимавшиеся различными промыслами, торговлей и войной. Они получили название «казаки» (от тюркского – удалец, свободный человек) и жили самоуправляющимися общинами, основывая станицы, слободы, хутора.

Возникновение вольного казачества в значительной степени ослабляло феодально-крепостническую систему. Все большее число крепостных покидали своих господ и уходили к казакам. Казачьи области стала представлять реальную угрозу для крепостнического государства. Казаки всегда были готовы противостоять своим врагам с оружием в руках. Вот почему и русское, и польское правительствa в те годы вели ожесточенную борьбу против казаков, стараясь истребить их, вернуть в неволю, не допустить дальнейшего укрепления казачьих окраин, распространения их влияния. Но в то же время правительствo Годунова вынуждено было прибегать к помощи казаков при отражении набегов крымских татар, выплачивая им за это государево жалованье «за службу», снабжая «огненным зельем» и хлебом.

Часть казаков хотя и поступала на службу в гарнизоны украинских городов (так назывались южные пограничные города; от слова «окраина», «украина»), но в любой момент была готова выступить против московского правительства.

В начале XVII века положение трудового населения страны резко ухудшилось в связи с большими неурожаями при существенном сокращении посевных площадей, особенно в центральных областях. В 1601 году посевы были залиты дождями. Столь же суровым был и следующий год. В 1603 году, теперь уже от сильной засухи, посевы тоже были уничтожены. Страну поразили страшный голод и мор. Люди ели все, что могло хоть как-то утолять голод, — лебеду, древесную кору, траву... По свидетельству современников, только в одной Москве погибло от голода 127 тысяч человек.

Спасаясь от голодной смерти, крестьяне и горожане покидали родные места. Толпы людей заполнили дороги, устремляясь на Дон и Волгу. Бедствие усугублялось еще и тем, что помещики и бояре, чтобы не кормить голодающих и таким образом поднять цены на хлеб, часто сами гнали своих крестьян с обжитых земель, не выдавая им, однако, отпускных грамот.

Несмотря на неурожай, в стране было достаточно хлебных запасов, чтобы предотвратить голод. Но боярам и помещикам не было дела до страданий народа, они стремились к личному обогащению и продавали хлеб по баснословным ценам. За короткое время цены на хлеб возросли в десятки раз. Так, до 1601 года 4 центнера ржи стоили 9–15 копеек, а во время голода четверть (центнер) ржи стоила свыше трех рублей. Прекрасно понимая, что страшный голод может явиться последним испытанием и что со дня на день может вспыхнуть народное восстание, царь приказал бесплатно выдавать в Москве хлеб из государственных запасов. Однако дьяки, ведавшие раздачей, занимались взяточничеством и всячески мошенничали. Более того, враждебное Годунову боярство пыталось направить против царя народный гнев и распространяло слухи, будто голод послан богом в наказание Борису, убившему, чтобы захватить царский престол, царевича Дмитрия. Таким образом, меры, принятые Годуновым, почти не облегчили положение простого люда. Дороги по-прежнему были забиты многочисленными толпами гонимых голодом людей. Часто они объединялись в крупные отряды, которые нападали на боярские и помещичьи усадьбы и силой отбирали хлеб. Вооруженные отряды голодающих крестьян и холопов действовали и под самой Москвой, создавая серьезную угрозу устоям крепостнического государства. Особенно крупным был отряд Хлопка Косолапа.

Выступление крестьян под руководством Хлопка Косолапа было неединичным. Так, правительственные войска с непомерной жестокостью подавили народное возмущение в Комарицкой волости, принадлежавшей царской семье. К крестьянам присоединялся городской люд, эксплуатируемый посадской верхушкой. Население ряда городов отказывалось подчиняться правительству Бориса Годунова. В числе восставших городов были такие важные центры юга страны, как Чернигов, Путивль, Кромы. Волна восстаний прокатилась по Донской области, Поволжью.

Движение крестьянства и городской бедноты, к которым присоединилось донское казачество, широко разлилось по Северной Украине, в юго-западной области страны, граничащей со шляхетской Польшей. Польские магнаты и католическая церковь во главе с папой римским зорко наблюдали за событиями, происходившими в Московском государстве, только и ожидая момента, когда можно будет без особого риска вторгнуться в русские земли, захватить и присоединить их к Речи Посполитой, распространить католичество. (В первую очередь их интересовали Смоленск и Чернигово-Северская земля.) Подобные планы в отношении Руси строили и правящие круги Швеции, давно зарившиеся на северо-западные и северные земли своего восточного соседа.

В такой «бунташный» век, в предгрозовые для Русского государства годы, начался жизненный путь князя Дмитрия Михайловича Пожарского. Он вошел в историю как видный военный и государственный деятель России первой половины XVII века. Вместе с нижегородским посадским человеком Кузьмой Мининым он стал организатором земского ополчения и внес огромный личный вклад в разгром польской и шведской интервенции.

Москва была родиной Пожарского. Здесь 1 ноября 1578 года в семье князя Михаила Федоровича, носившего прозвище Глухой, и Марии (Евфросинии) Федоровны Берсеновой-Беклемишевой родился сын, которого нарекли Дмитрием. Дальние предки Дмитрия Михайловича были владельцами Стародубского удельного княжества, располагавшегося на Клязьме и Лухе. Фамилию Стародубские они получили по названию родовой вотчины — городища Стародуба-Суздальского.

Позже, через пять поколений, Стародубские стали называться Пожарскими – по имени унаследованного ими городка в Суздальском княжестве. Прежде этот городок назывался Родогостью. В одном из своих нашествий татары полностью сожгли его. Восстановленный заново городок стал называться Погаром или Пожаром.

Род Дмитрия Пожарского имел славную ратную историю. Так, родоначальник фамилии Пожарских князь Василий Андреевич сражался под славными знаменами Дмитрия Донского на Куликовом поле. Отец участвовал в походах Ивана Грозного, но особенно отличился во время штурма Казани, в Ливонской войне. Удостоился чести быть одним из тысячи «лучших слуг» царя. Семейное благополучие Пожарских сильно пострадало во время опричнины, когда дед Дмитрия по приказу царя был сослан в ссылку и лишен вотчинных земель. Род Пожарских обнищал, утратил свое положение в среде московской знати. Последующие его представители превратились в мелких землевладельцев. К истории семьи Пожарских как нельзя лучше подходили слова – «родов дряхлеющий обломок».

В девять лет Дмитрий лишился отца. Жить семье стало совсем плохо. В Москве, на Сретенке, Пожарские имели свой дом. На лето выезжали в село Мугреево, что на Суздальщине. В семье Пожарских ценили образование, поэтому дети (Дарья, Дмитрий и Василий) рано научились писать и читать.

Семейные дела Пожарских несколько улучшились после того, как княжна Дарья (старшая дочь) вышла замуж за князя Никиту Хованского, влиятельного царедворца. Через Хованского и вся семья приблизилась к царскому двору. Как и поучала православная церковь, Мария Пожарская женила сына Дмитрия в пятнадцать лет на девице Прасковье Варфоломеевне.

В 1593 году Дмитрий Пожарский, за которым Поместный приказ после долгих хлопот матери закрепил часть отцовского имения, был вызван на дворянский смотр. Со временем молодой князь привлек внимание Бориса Годунова и по его приказу получил придворное звание стряпчего с платьем. Стряпчих при дворе было несколько сот человек, и в их обязанности входило помогать царю, когда тот одевался или раздевался. В ночное время стряпчие несли караул на постельном крыльце кремлевского дворца. Звание стряпчего и по своему придворному положению, и по жалованью было незначительным. В то время еще сильны были обычаи «местничества»: людей ценили не по уму и деловым, нравственным качествам, а по знатности рода. Такое отношение к себе прославленный воевода будет чувствовать до конца своей жизни.

Служба при царском дворе не пришлась по душе молодому Пожарскому, обладавшему крутым и прямым нравом. Возможно, его недовольство местничеством и послужило причиной опалы. В 1599 году, вскоре после воцарения Бориса Годунова, он был отстранен от двора и до 1604 года служил на южных окраинах государства.

Здесь, в степных просторах юга, Дмитрий Пожарский с отрядом стрельцов нес дозорную службу, отражая набеги разбойничьих шаек крымских татар. В жарких пограничных схватках закалялся характер будущего полководца, крепло его мужество, обреталось воинское искусство.

Ратные подвиги молодого Дмитрия Пожарского не остались незамеченными. В 1604 году царь жалует ему более высокое и почетное звание стольника.

Несмотря на вернувшееся царское расположение, князь Дмитрий охладил к Борису Годунову. Он ясно видел бедственное положение Русского государства и, как многие люди того времени, связывал это с правящей верхушкой. Тем не менее Пожарский был готов защищать власть царя Бориса, занявшего российский трон в силу земского избрания, считая его власть законной. Служение московскому «законному» царю было для Дмитрия Михайловича служением Российскому государству, русскому народу.

В то время когда Пожарский начинал свою ратную службу, Кузьма Минин был уже немолодым человеком, много старше князя Дмитрия. Полное его имя – Кузьма Минич (Минин сын) Захарьев-Сухорук. Дата рождения его неизвестна. Проживал Минин в нижнем торговом посаде Нижнего Новгорода и слыл небогатым человеком. Занимался мелкой торговлей – продавал мясо и рыбу. Как и его будущий боевой соратник, являлся убежденным патриотом, выразителем русского народного характера и беды Родины воспринимал всем сердцем, за что и уважали Кузьму нижегородцы, верили ему.

И Пожарский, и Минин вошли в историю Российского государства в Смутное время, когда появились первые самозванцы.

Думается, что самозванство как явление российской действительности выросло, во-первых, из потребностей народа в добром, справедливом царе, способном решить накопившиеся проблемы, во-вторых, из коварного стремления противников России использовать в борьбе против нее своих ставленников, надевших маску законной власти. Самозванцы, выдававшие себя за сыновей и внуков Ивана Грозного, обещавшие на словах удовлетворить чаяния народные, на деле выступали ловкими демагогами, защищавшими чуждые интересы. Остановимся подробнее на двух из них – Лжедмитрии I и Лжедмитрии II, ставших одиозными фигурами российской истории.

Вошедший в историю под именем Лжедмитрия человек русского происхождения объявился впервые в Киево-Печерском монастыре в 1602 году. Там он открыл свое «царское имя» монахам. Те указали самозванцу на дверь. Так же поступил и хлебосольный православный князь Константин Острожский, воевода киевский, едва гость заикнулся о своем царском происхождении. Затем тот появился в Братчине – имении князя Адама Вишневецкого, одного из крупнейших польских землевладельцев. Здесь беглец из Московского государства объявил, что он чудом спасшийся младший сын Ивана Грозного – царевич Дмитрий.

Адам Вишневецкий доставил «царевича» к своему брату – кременецкому старосте князю Константину, крупнейшему магнату Польши. А тот – к своему тестю Юрию Мнишеку, сандомирскому воеводе. Хозяин Братчина отправил письмо королю Сигизмунду III, в котором убеждал, что все свидетельствует за то, что этот москвитянин – законный сын царя Ивана, а значит, полноправный наследник царского трона из династии Рюриковичей. Папский нунций в Кракове Рангони немедленно послал в Рим восторженную депешу. Весть о «царевиче» Дмитрии быстро распространилась и достигла русских пределов.

В ответ на это в Москве объявили, что под личиной самозваного царевича скрывается молодой галицкий дворянин Юрий Богданович Отрепьев, принявший после пострижения в монастырь имя Григория. До побега за рубеж чернец Григорий жил в Чудове монастыре в Кремле.

И неизвестно, чем бы закончились притязания Отрепьева на царский престол, если бы магнаты Речи Посполитой не смекнули быстро, что с помощью самозванца можно подчинить себе богатые московские земли. Поэтому они не прислушались к заявлению гонцов русского царя, разоблачавшего Гришку Отрепьева.

В Польше Лжедмитрий оказался у всех на виду. Получив поддержку в стремлении отвоевать царский престол у Вишневецких и Юрия Мнишека, решивших в войне против Российского государства поправить свои денежные дела, самозванец 5 марта 1604 года был принят королем Сигизмундом III и римским послом. Вскоре Лжедмитрий по их настоянию перешел в католичество, совершив тайно от всех необходимые обряды. 24 апреля 1604 года, в пасхальную ночь, он пишет верноподданническое послание Клименту VIII, испрашивая помощь для борьбы за московский престол, раболепно заверяя папу в своей покорности, в полной готовности усердно служить богу и Риму.

Суд инквизиторов католической церкви, заседавший в Риме, одобрил послание Лжедмитрия и посоветовал папе благосклонно ответить ему. 22 мая 1604 года Климент VIII отправил свою грамоту «любезному сыну и благородному синьору». В ней папа благословлял самозванца на подвиги и желал ему полного успеха в делах. Так Гришка Отрепьев получил поддержку могущественной силы в Речи Посполитой – католической церкви.

Но самую горячую поддержку самозванцу оказал ясновельможный пан Юрий Мнишек, человек честолюбивый и корыстолюбивый. В доме магната Отрепьев увлекся дочерью сандомирского воеводы Мариной. На официальное предложение Лжедмитрия выйти за него замуж Марина и ее отец согласились лишь после того, как самозванец выдал семейству магната вексель, в котором обязывался по восшествии на московский престол выплатить будущему тестю огромную денежную сумму – сто тысяч злотых и оплатить все его долги. Кроме того, самозванец поклялся наделить Марину обширными земельными угодьями в Русском государстве. Вскоре он пообещал Юрию Мнишеку отдать «в вечные времена» земли Смоленского и Северского княжеств.

Лжедмитрий I выдал векселя также польскому королю и папе римскому. Лишь после этого Сигизмунд III разрешил шляхтичам вступать в отряды самозванца. Начала формироваться армия вторжения.

Отрепьев ясно понимал, что продолжительный голод и начавшиеся народные волнения будут способствовать свержению Бориса Годунова. И несмотря на это,

попытка силой оружия завладеть московским трон и царской шапкой Мономаха явно пахивала заведомо обреченной на провал авантюрой: наемников было слишком мало. Поэтому самозванец обратился за помощью к запорожцам и донским казакам, недовольным политикой царя Бориса. Лжедмитрий не скупился на обещания.

О появлении в Польше «царевича Дмитрия» узнали на Дону, где собрались за последние годы тысячи беглых крестьян и холопов, испытавших на себе большие притеснения со стороны правительства Годунова. Донцы отправили к самозванцу гонцов. Они заявили, что войско Донское примет участие в войне с Годуновым – обидчиком «законного царевича». Самозванец немедленно послал на Дон свой штандарт – красное знамя с черным орлом.

Вербуя войска в Польше, самозванец одновременно рассылал через своих лазутчиков «прелестные письма» (от слова «прельщать») и грамоты в Московское государство в каждый город, адресуя их боярам, окольниковым, дворянам, гостям торговым и черным людям. Он призывал их целовать ему крест, «от изменника Бориса Годунова отложиться», обещая при этом, что никто не будет казнен за прежнюю службу, что бояр пожалует старыми вотчинами, дворянам и приказным людям будет оказывать милости, а гостям, торговым людям и всему населению даст облегчение в пошлинах и податях. И не случайно, что Отрепьев добился победы не столько оружием, сколько с помощью «царских» своих обещаний.

Хотя правящая верхушка Речи Посполитой всячески стремилась осуществить свои планы захвата Российского государства, однако на открытую вооруженную интервенцию пойти в то время не могла, Причин было несколько. В сейме у короля Сигизмунда, не обладавшего большой властью в стране, не нашлось достаточного числа сторонников: мешал мирный договор с Москвой, заключенный на 22 года. Часть магнатов выступала за его соблюдение. Среди украинского белорусского и литовского населения, нещадно эксплуатируемого польскими вельможами, постоянно вспыхивали волнения и восстания. Против Польши была готова выступить Швеция, на чей престол претендовал Сигизмунд III. Но главное – интервенты боялись силы русского народа.

13 октября 1604 года самозванец начал свое вторжение в Московское государство через Северскую Украину. Область в то время была охвачена волнениями и восстаниями, вызванными крепостнической политикой боярского правительства Годунова. Это предоставляло Лжедмитрию возможность пополнить свое войско казаками и беглыми крестьянами, поскольку местное население поверило воззваниям самозванца и ждало от него, как от «хорошего царя», избавления от непосильного гнета. Кроме того, такое направление движения к Москве избавляло от необходимости штурмовать Смоленск – сильнейшую русскую крепость.

Его обещания через «подметные письма» и воззвания к северским городам сделали свое дело. «Хороший царь» звал «свой» народ к восстанию против узурпатора Бориса и обещал всем тишь и благодать. Северский край был полон людей, бежавших от голода и виселицы. С появлением «законного» царя «злодейственные гады» (так называли беглецов боярские летописцы) взяли за оружие.

Сигналом к повсеместному восстанию, направленному против правления Годунова, послужила сдача Путивля. Восстали мужики обширной и богатой Комарицкой волости, которая принадлежала царю Борису и его семье. Затем Годунову отказались повиноваться многие южные города.

Войско Годунова под руководством князя Дмитрия Шуйского, сосредоточившись под Брянском, бездействовало, ожидая подкреплений. Чтобы усилить его, царь Борис объявил сбор общего земского ополчения в Москве.

Приказ явиться в полки получил и князь Дмитрий Пожарский. По прибытии в столицу он как стольник получил двадцать рублей годового жалованья и прежде всего позаботился о приобретении боевого коня. (В родовой вотчине Мугреево за три года голодного лихолетья не удалось уберечь даже лошадей.) В Конюшенном приказе Пожарский купил за двенадцать рублей отличного иноходца. Но князю Дмитрию не пришлось участвовать в войне против Лжедмитрия I. Следует отметить, что в условиях боярской измены Годунову Пожарский остался верен присяге первому «выборному» царю.

21 января 1605 года в окрестностях села Добрыничи Комарицкой волости произошло решительное сражение. Разгром был полный: войска Лжедмитрия потеряли свыше 6 тысяч человек убитыми, было взято много пленных, захвачены пятнадцать знамен, вся артиллерия и обоз. Сам самозванец случайно спасся от

плена. Однако нерешительность некоторых царских воевод, приостановивших погоню, не позволила окончательно разгромить армию Отрепьева.

В этот критический для самозванца период, 13 апреля 1605 года, внезапно скончался от удара царь Борис, и на престол вступил его 16-летний сын Федор.

Бояре не признали нового царя. Был составлен заговор. 7 мая на сторону Лжедмитрия I перешло все царское войско во главе с воеводами Петром Басмановым и князьями Голицыными. Самозванец двинулся к Москве. Заговорщики спровоцировали в столице народное восстание. Царь Федор был свергнут и вместе с матерью задушен.

20 июня 1605 года «царский поезд» Григория Отрепьева прибыл в Москву. В окружении изменников-бояр, под сильной охраной наемников и казаков Лжедмитрий I въехал в Кремль. Так, не выиграв ни одного сражения, он завладел шапкой Мономаха.

С первых же дней царствования Лжедмитрия I широкие народные массы стали убеждаться в жестоком обмане, в несбыточности обещаний самозванца. Вместо «справедливого царя», правящего «по своему царскому милосердному обычаю», они увидели на русском престоле иноземного ставленника. Чужеземцы, наводнившие Москву, вели себя, как в завоеванном городе.

Зимой 1605/06 года положение Лжедмитрия I, окружившего себя в Кремлевском дворце усиленной охраной из иноземцев, резко ухудшилось. Англичанин Джером Горсей писал о том времени: «Поляки – высокомерная нация, заносчивая в счастье, – стали проявлять свою власть над русским боярством, вмешивались в православную религию, нарушали законы, мучили, угнетали, грабили, опустошали сокровищницы». Не только в Москве, но и по всей стране народ открыто заговорил, что на царском престоле находится беглый монах.

Русское боярство, много натерпевшееся от царской власти во времена Ивана Грозного и Бориса Годунова, лишивших их ряда привилегий, желало видеть в Лжедмитрии I игрушку в своих руках или создать свое боярское правительство. Знать составила против самозванца заговор. Возглавили его князья Шуйские, Мстиславский, Голицыны, бояре Романов, Шереметев, Татищев. Их горячо поддержала православная церковь, обиженная крупными поборами.

Чувствуя непрочность своего положения, Лжедмитрий заигрывал с Боярской думой, стремился всячески привлечь на свою сторону служилых людей. Одной из его вынужденных мер была раздача придворных званий и должностей. В числе других и князь Дмитрий Пожарский был повышен «царским» указом: в 1606 году из стольника он стал дворецким.

8 мая Лжедмитрий I праздновал свою свадьбу с Мариной. Католичка была увенчана царской короной православного государства, и это сильно возмутило народ. Недовольство вызывало и нарушение исконных московских обычаев во время церемонии. Столица бурлила.

Восстание вспыхнуло в ночь на 17 мая. В два часа ударила в набат. Москвичи, вооруженные холодным оружием, пищалями и даже пушками, в разных концах города атаковали отряды польских панов, укrywшихся в каменных столичных дворцах. Толпа заговорщиков (до 200 вооруженных дворян во главе с Василием Шуйским и братьями Голицыными) ворвалась в Кремль. После непродолжительного сопротивления иноземцев-алебардшиков из личной охраны Лжедмитрий был убит. Через несколько дней труп его был сожжен. Московские пушкари, зарядив огромную пушку его пеплом, выстрелили им в те ворота, коими он вступил в Москву, чтобы и праха его не осталось. Только одиннадцать месяцев продержался на московском престоле чужеземный ставленник. Пленные поляки были разосланы по русским городам. Пана Мнишека и Марину отправили в Ярославль.

Спустя три дня после гибели Лжедмитрия I царем был «избран» родовитый боярин князь Василий Иванович Шуйский – организатор заговора против самозванца. Бояре, зная, как их ненавидит народ, не решились на созыв Земского собора для избрания нового царя. Они вывели Шуйского на Лобное место к «выкрикнули» его царем перед собравшимися москвичами. По личным качествам современники характеризуют его как коварного и беспринципного политика.

Таким образом, Российское государство оказалось в руках кучки знатного боярства. Простой люд, сбросивший самозванца, оказался в еще большей кабале, чем при Годунове. Начались массовые розыски крестьян, бежавших от своих бояр и помещиков, тюрьмы заполнялись «крамольниками», замелькали топоры палачей.

Против боярского царя началось широкое народное движение. В первый же месяц своего правления Шуйскому пришлось подавлять несколько попыток

выступлений московских городских низов. Летом 1606 года стихийные восстания охватили весь юг страны, который будоражили слухи о «спасении доброго Дмитрия». Центром борьбы против нового царя на Северской Украине стал город Путивль. Здесь восставшие крестьяне и посадские люди избрали «большим воеводой» прибывшего к ним с отрядом запорожцев атамана Ивана Исаевича Болотникова.

Летом 1606 года Болотников во главе 10-тысячного ополчения восставших из района Путивля начал поход на Москву. Были взяты крепости Кроны и Елец, богатые арсеналы которых позволили восставшим хорошо вооружиться. Под этими городами царские войска под командованием воевод князей Воротынского и Трубецкого потерпели поражения. Умело используя ошибки царских воевод, Болотников стремительно продвигался к Москве, пополняя свое войско все новыми и новыми отрядами восставших крестьян. По пути к нему примкнули крупные отряды служилых дворян, выступавших против боярского царя Шуйского. Старший рязанский воевода Прокопий Ляпунов и младший – Григорий Сунбулов привели рязанское ополчение, стрелецкий сотник Истома Пашков – крупный отряд служилых людей.

Повстанцы так и не смогли овладеть осажденной столицей. В решающем сражении под селом Коломенское болотниковцы были разбиты царскими войсками, чему немало способствовала измена дворянских отрядов, перешедших на сторону царя Василия.

Отряды восставших собрались в Туле под защиту каменного кремля. В мае 1607 года Василий Шуйский объявил «всенародное ополчение» и собрал огромную рать, которую лично повел к Туле. Четыре месяца повстанцы успешно обороняли город. Осаждавшие не смогли взять город-крепость силой. Тогда они построили запруду на реке Упа и затопили осажденный город. Положение болотниковцев стало отчаянным.

Болотников, поверив клятвенному обещанию Шуйского не причинять вреда сдавшимся тульским сидельцам, сдал город. Однако царь не сдержал своего слова и жестоко расправился с восставшими. Ивана Болотникова отправили в ссылку в город Каргополь. Там царь Василий повелел его сначала ослепить, а затем утопить...

Дмитрий Пожарский не принимал участия в сражениях против Ивана Болотникова. Оставаясь верным Шуйскому и будучи служилым человеком, Пожарский боролся против остатков тех войск, которые пришла в столицу вместе с первым самозванцем. В те годы они еще в немалом количестве бродили в разных районах страны, занимаясь грабежами.

Второй Лжедмитрий объявился летом 1607 года, когда крестьянская война уже затухала. Кто скрывался на сей раз под именем царевича, вновь выдвинутого польскими магнатами, осталось неизвестным. В царских грамотах нового претендента на московский трон называли «стародубским вором», Современники строили немало догадок, кем он мог быть. Наиболее подробно о первоначальном появлении этого самозванца говорится в «Баркулабовской летописи». По словам белорусского летописца, этот человек учил детей сначала у Шкловского попа, затем у могилевского, был человеком незначительным, старавшимся всем угодить, одетым очень бедно. Из Могилева он перебрался в Пропойск, где был посажен в тюрьму как русский лазутчик. По приказанию старосты пана Зеновича его освободили и препроводили за московскую границу. Новый самозванец попал в поле зрения польских шляхтичей, решивших выдвинуть нового претендента на царский трон. Очутившись в районе Стародуба, он начал писать грамоты по всей Белоруссии, чтобы к нему собирались «люди рыцарские, люди охотные» и даже «гроши брали его». С отрядом наемников он и двинулся на Стародуб.

Население восставшей Северской Украины целый год ждало прихода «доброего царя» из Польши, чему во многом способствовали слухи «о чудесном спасении» Лжедмитрия. Путивль, Стародуб, другие города не раз посылали гонцов за кордон на поиски царевича. Писал письма и Болотников, который для встречи Дмитрия прислал из осажденной Тулы в Стародуб с отрядом расторопного казачьего атамана Ивана Заруцкого.

С самого начала новый самозванец получил поддержку и материальную помощь со стороны польских магнатов. Он был в их руках послушной марионеткой. Летом 1607 года в Речи Посполитой закончился очередной шляхетский рокош (мятеж) против короля Сигизмунда III. Потерпев в начале июля серьезное поражение и боясь королевской мести, рокошане потянулись к самозванцу, надеясь поискать славу и добычу на русской земле. Короля это устраивало.

Польские правящие круги исподволь готовили новое вторжение в Русское государство, стремясь воспользоваться его внутренними затруднениями.

За зиму войско Лжедмитрия II значительно пополнилось бывшими болотниковцами. «Донские и волжские казаки и все те люди, которые в Туле сидели, — свидетельствует летописец, — к нему же, вору, присоединились, не хотя у царя Василия Ивановича в покорности быть...» В южных пограничных областях вновь вспыхнуло крестьянское восстание, заставившее местных помещиков частью перейти на сторону самозванца, частью бежать в Москву.

Взросшее войско самозванца двинулось к Брянску, осадило его, но после двух месяцев безуспешных военных действий отступило на зимовку к Орлу. Здесь к нему прибыл с крупным отрядом поляков, нанятых на взятые в долг деньги, гетман Роман Ружинский который быстро взял верх в лагере Лжедмитрия II, полностью подчинив его себе. Появился у самозванца с отрядом и польский шляхтич Александр Лисовский, приговоренный у себя на родине к смертной казни за участие в мятеже против короля.

Готовясь к борьбе с новым самозванцем, царь Василий Шуйский за зиму и весну 1608 года собрал свое войско под Волховом. Здесь 30 апреля — 1 мая произошло решающее сражение. Брат царя воевода Дмитрий Шуйский вновь показал свою полную бездарность: в самый разгар сражения, когда исход его еще не определился, он вдруг приказал отводить «наряд» (артиллерию) к Болхову. Перебежчик донес об этом Ружинскому, и тот смело бросил в бой все наличные силы, тем самым предрешив его исход. Дорога на Москву оказалась открытой.

Шуйский выслал навстречу самозванцу новое войско, в рядах которого обнаружилась «шаткость». Лжедмитрий II обошел его с правого фланга и в начале июня вышел к столице. Штурм ее с ходу не удался, и самозванцу пришлось отступить. Ратных людей в Москве было немного (в основном московские стрельцы), но они были полны решимости сражаться до конца.

Самозванец устроил свой лагерь на высоком холме за селом Тушино между реками Москва и Сходня в 17 верстах от столицы и решил взять ее измором. Он создал здесь свои приказы, Боярскую думу. Согнанные со своих мест крестьяне выстроили укрепления. Раздавались чины, жаловались поместья и вотчины, устраивались приемы. В дальнейшем самозванца стали называть не «стародубским вором», а «тушинским царьком», «тушинским вором», а его сторонников — тушинцами.

25 июля 1608 года Шуйский заключил с Сигизмундом III договор о перемирии на 3 года и 11 месяцев. Он обязался отпустить на родину поляков, задержанных после майского восстания 1606 года в Москве, в том числе Марину с отцом. Польша обязывалась отозвать из России поляков, сражавшихся на стороне самозванца. По мысли царя Василия, «тушинский вор» тем самым лишился польской помощи. Но вместо Польши Мнишеки оказались в Тушино.

Там и Марина, и ее отец признали в самозванце якобы спасшегося русского царя. За это Юрию Мнишеку Лжедмитрий II жаловал 14 городов, в том числе Чернигов, Брянск и Смоленск, и обещал при вступлении на престол 300 тысяч рублей золотом. Супружеский союз поднял авторитет самозванца. Однако реальной власти у него не было: в тушинском лагере управляли действовавшие при «царьке» так называемые «децимвиры» — десять шляхтичей — представители польского войска — и крупнейший литовский магнат Ян Сапега, пришедший с большим отрядом в 7,5 тысячи человек шляхты. Польская сторона не выполнила условий перемирия.

Тушинцы, стремясь полностью заблокировать Москву, решили перерезать к ней все дороги и тем самым прекратить подвоз продовольствия. Сил для этого у них было достаточно. Войско самозванца оценивалось в 40 тысяч человек (не считая запорожских казаков). Ян Сапега отмечал, что одной только конницы было свыше 16 тысяч. Это превышало численность регулярной королевской армии.

В начале сентября на север от столицы отправилось войско гетмана Сапеги, насчитывавшее около 30 тысяч пехоты и конницы, чтобы перерезать дороги на Ярославль и Владимир. Войска Хмелевского из Каширы пошли на юг с целью овладеть Коломной. Восточнее Москвы они должны были соединиться.

Разбив войско царского брата Ивана Шуйского, Сапега 23 сентября подошел к Троице-Сергиеву монастырю. Интервенты предвкушали обильную поживу, надеясь разграбить богатую монастырскую казну. На предложение сдаться русские воины гордо ответили, что не откроют ворота, даже если бы им пришлось сидеть в осаде и терпеть лишения десять лет. Началась знаменитая 16-месячная оборона монастыря.

В Смутное время Нижний вновь приобрел свое былое военное значение. Не раз вражеские отряды приближались к стенам Нижегородского кремля, но всегда встречали достойный отпор. Впервые Нижний Новгород выступил зимой 1608 года, под начальством своих воевод Андрея Алябьева и князя Александра Репнина. Нижегородцы смело бились с тушинцами. Они не только отстояли свой город, но и помогли Балахне, Мурому, Владимиру и другим замосковным городам прогнать интервентов. В январе 1609 года Алябьев разбил у Нижнего отряд тушинцев и повесил воеводу самозванца князя Вяземского. Зима 1608/09 года была ратной для нижегородцев.

2 декабря 1608 года городские ополченцы под предводительством Алябьева разбили под Балахной «воров» и захватили у них «наряд» (артиллерию) и знамена. 5 декабря разгромили крупный отряд тушинцев под самым Нижним. В плен было взято более трехсот человек, а остальных гнали по зимней дороге более пятнадцати верст. Только ночь прервала преследование тушинцев.

Историки предполагают (хотя и нет письменных источников), что в ополчениях воевод Андрея Алябьева и Александра Репнина был Кузьма Минин. Такой человек просто не мог стоять в стороне от вооруженной борьбы с вражеским нашествием. Об этом косвенно свидетельствуют и его ратная закалка, и умение командовать ратниками, и его прозвище – Сухорук. Так обычно в те времена называли людей, получивших в бою тяжелую рану в руку, отчего рука высыхала.

Народное сопротивление не позволило Яну Сапеге и Александру Лисовскому замкнуть кольцо блокады вокруг Москвы, так как они расплыли свои силы на борьбу с ополчениями отдельных городов и на осаду Троице-Сергиевой лавры. Еще хуже сложилась для интервентов обстановка к югу от столицы. Направленный к Коломне отряд пана Хмелевского был разбит, сам он попал в плен. Тушинцев отогнали от крепости.

Вскоре поляки вновь стали угрожать Коломне – этому боевому форпосту Москвы, стоявшему на важном торговом перекрестке. Отсюда пролегал тот единственный путь на столицу, который еще оставался свободным для ее снабжения. Со стороны Владимира на крепость двигался большой отряд тушинцев под командованием воеводы Лисовского, одного из лучших польских военачальников.

По просьбе коломенских воевод Ивана Пушкина и Семена Глебова царь Василий Шуйский решил отправить на помощь крепости опытного и надежного военачальника. Выбор пал на князя Дмитрия Пожарского. Так он в тридцать лет получил первый воеводский чин. Пожарский быстро собрался и с небольшим войском выступил по Коломенской дороге.

На четвертые сутки рать Пожарского, не зная отдыха, пришла в Коломну. Выслав навстречу противнику конную разведку, Дмитрий Михайлович ознакомился с системой обороны Коломенского кремля (это входило в обязанность каждого вновь назначенного воеводы) – одного из самых мощных укреплений Русского государства. Длина стен кремля была более двух километров, толщина их превышала четыре метра, наибольшая высота составляла восемнадцать метров. В крепостную стену впаяно шестнадцать боевых башен.

Вскоре вернулись разведчики. Они сообщили воеводе, что отряд Лисовского остановился табором в 40 верстах от Коломны, возле села Высоцкое (ныне город Егорьевск Московской области), расположенного на правом песчаном берегу речки Гуслица. Лисовский остановился в ожидании подхода других польских отрядов. Вокруг села – дремучие леса. Коломенцы выжидали, чтобы провести туда войско Пожарского к утру следующего дня.

Пожарский принял решение совершить скрытый ночной марш и, упредив врага, атаковать его. Оставив часть сил для обороны Коломны, воевода приказал немедленно выступить. Конница переправилась через Москву-реку вплавь, остальные войска были перевезены на дощатых паромах, плотах и лодках.

Ночью войско Пожарского подошло к лесу, с трех сторон окружавшему село Высоцкое. С опушки хорошо просматривался табор тушинцев. Воевода разделил своих ратников на несколько отрядов и разослал их в разные концы, чтобы одновременно со всех сторон ударить по врагу. Наступать приказал попозже, на утренней заре.

В назначенный час раздался пушечный выстрел – сигнал для общего наступления. Из леса с разных сторон русские войска ринулись на тушинцев. Застигнутые врасплох, они не смогли оказать организованного сопротивления. Много врагов было изрублено саблями и мечами, погибло от огня пищальников.

Большая их часть сдалась в плен. Самому Лисовскому с горсткой польских солдат удалось спастись. Он бежал во Владимир.

Не успели ратники Пожарского уйти с Коломенской дороги, как ей вновь стали угрожать разбойные шайки тушинцев. Оставаясь в Москве во время осады, князь Дмитрий был верен Шуйскому. Честно выполняя все его поручения, не раз возглавлял вылазки и громил противника. Весной 1609 года поляки решили попытаться еще раз овладеть Коломой, но все штурмы большого отряда пана Млоцкого были отбиты. Однако дорога к Москве осталась за тушинцами. Подвоз продовольствия в столицу совсем прекратился.

Особенно свирепствовала шайка тушинского атамана Салкова. Царь несколько раз снаряжал против нее отряды, но она либо ускользала от погони, либо побеждала в схватках. Тогда был послан Пожарский. Прослышав об этом, Салков сбежал с Коломенской дороги на Владимирскую. Преследуя тушинцев, воевода решил окружить их так, как было в бою у села Высоцкое.

Организовав тщательную разведку, Пожарский определил, что Салков бродит в лесах вблизи речка Пехорка. Разделив свое войско на четыре части, князь Дмитрий настиг и окружил тушинцев. Произошел ожесточенный бой, в котором почти вся шайка была перебита. Только тридцать человек вместе с атаманом сумели убежать. Впрочем, вскоре и они, раскаявшись, явились в Москву с повинной.

Не сумев добиться полкой блокады Москвы, тушинцы попытались захватить как можно большую территорию государства. Подпали под их власть Псков, новгородские области – пятины. Белая, Торопец, Ржев и другие «порубежные», тверские и смоленские города. Многие из них были застигнуты врасплох. Отряды интервентов глубоко вклинились в страну.

На захваченной территории тушинцы вели себя как завоеватели. По городам и селам разбрелись отряды «загонных людей» – фуражиров Сапеги, Лисовского, Ружинского и других польских магнатов. Все они именем «царя Дмитрия» разоряли страну. Бесперывные военные контрибуции, тяжкие правежи, попытки возродить худшие времена удельных своеволий порождали глубокое недовольство широких народных масс. Начался подъем национально-освободительной борьбы.

Царь Василий Шуйский, не пользовавшийся популярностью ни у бояр, ни у дворян, держался у власти потому, что его противники в среде московской знати, боясь крестьянской войны, не решались на государственный переворот. Правительство, видя, что ему не справиться собственными силами с самозванцем, боясь своего народа, решило просить помощи у шведов.

Еще летом 1608 года в Новгород был послан талантливый военачальник царский племянник князь Михаил Скопин-Шуйский, Ему поручалось собрать на русском Севере на помощь осажденной Москве ратную силу, в том числе и иноземную (имелось виду нанять на русскую службу шведов). Установив связи с земской властью от Перми до Соловецкого монастыря, Скопин сумел собрать до 5 тысяч русских воинов из дворян, посадских людей, крестьян. На службу к нему прибыли даже «вольные казаки приказа Дмитрия Шарова, в прошлом сражавшегося в армии Болотникова.

Одновременно Скопин-Шуйский вел переговоры со Швецией о получении военной помощи, которую король Карл IX предлагал еще три года назад. (На самом деле он искал лишь повод для вмешательства во внутренние дела Русского государства.) 28 февраля 1609 года был подписан союзный Выборгский договор, согласно которому в обмен на наемное войско царь Василий отдавал Швеции город Корелу с уездом. Иностранная военная помощь приобреталась дорогой ценой. Еще больше опасности она таила в будущем. Военный союз с Карлом IX привел к резкому ухудшению отношений с Польшей, лишь искавшей предлога, чтобы начать открытую интервенцию.

Царь Василий рассчитывал на помощь обученной и закаленной в боях шведской армии. Карл IX, не желая бросать в огонь свои полки, прислал отряд наемников в 7 тысяч человек (немцы, шведы, французы, англичане, шотландцы и другие) под командованием француза Якова Делагарди (граф Яков Понтус де-ля-Гарди).

В мае 1609 года ополчение Скопина-Шуйского вместе со шведским наемным войском выступило из Новгорода к Москве. Заняв по дороге Старую Руссу, Скопин под Торжком в июне одержал победу над польскими отрядами Зборовского и Кернозицкого. Здесь к нему присоединились отряды служилых людей из Смоленска, Вязьмы, Торопца, Белой и других западных городов.

11 июля под проливным дождем войско Скопина атаковало польское войско пана Зборовского на подступах к Твери. В первый день боя, воспользовавшись тем, что русские и шведы действовали порознь, поляки опрокинули конницу Делаярди. Русским пришлось отойти за Волгу. В лагере тушинцев уже праздновали победу, но воевода, умело перегруппировавший свои силы, нанес 13 июля под покровом ночи внезапный удар по противнику. Поляки бежали. После боя шведские наемники взбунтовались, требуя жалованья, и, не получив денег, повернули назад. Верным Скопину остался лишь один их отряд, не превышавший одной тысячи человек.

Покинутый наемниками, воевода Скопин-Шуйский не пошел прямой дорогой, занятой тушинцами, к Москве, а повернул к Калязину. Благодаря этому его отряд пополнился ополчениями из Ярославля, Костромы и других поволжских городов. В числе первых пришли ратники из Нижнего Новгорода. Был улажен и конфликт с наемниками, которые вернулись, получив в счет жалованья мехов на 15 тысяч рублей.

Собрав ополчение в 20 тысяч человек, Скопин начал поход к Москве. Недалеко от Александровской слободы он разбил войско Сапеги и Ружинского. Используя систему острожков, Скопин теснил польские отряды. Вражеская конница оказалась бессильной перед тактикой русского полководца.

Положение Лжедмитрия II стало безнадежным. Тушинский лагерь разваливался на глазах. 12 января Ян Сапега снял осаду с Троице-Сергиева монастыря. Самозванец, Марина Мнишек и казацкий атаман Иван Заруцкий с небольшим отрядом тайно бежал в Калугу.

12 марта 1610 года Москва торжественно встречала победоносное русское войско, в которое влились земские ополчения из многих городов, поднявшихся на борьбу с интервентами. Скопин въезжал в столицу в расцвете своего полководческого таланта. В свои 24 года он пользовался большой любовью служилых людей, имел непререкаемый авторитет. Поэтому его дяди – братья Шуйские – питали к племяннику ненависть и зависть. Во время пира одну из чаш воеводе преподнесла жена Дмитрия. Шуйского княгиня Екатерина, дочь Малюты Скуратова. Молодой воевода впал на пиру в тяжелый недуг. «И была болезнь его зла, – отмечает летописец, – беспрестанно шла кровь из носа». Народная молва указывала на отравителей – царя и его братьев.

Москва была освобождена, но борьба с иноземными захватчиками не кончилась. Уже началась открытая интервенция Речи Посполитой против Российского государства. Эта акция была одобрена папой Павлом V. Страна оказалась как бы под тройным ударом: с запада начал наступление польский король Сигизмунд III, с северо-запада готовил вторжение шведский король Карл IX, южные районы опустошались набегами крымского хана.

ИНТЕРВЕНЦИЯ

В сентябре 1609 года, когда Скопин-Шуйский еще только приближался к Москве, Сигизмунд III приказал своим войскам, сосредоточенным под Оршей, перейти русскую границу и осадить Смоленск. После провала попытки тушинцев захватить Москву и поражений войск Сапеги, Хмелевского и Ружинского правящие круги Польши со всей очевидностью поняли, что добиться поставленных целей по завоеванию Российского государства при помощи Лжедмитрия II им не удастся. Тогда они пошли на открытую интервенцию.

Выступив 9 сентября в поход, польский король, чей меч и шлем как нового крестоносца был благословлен папой римским, и его окружение надеялись на молниеносный успех. Смоленский гарнизон, сильно ослабленный посылкой крупных отрядов стрельцов и дворян на помощь Скопину-Шуйскому, должен был, по их мнению, быстро сдаться. Сигизмунд III пытался замаскировать свои агрессивные планы, заявив в королевской грамоте в Москву, что цель его похода – не пролитие русской крови и не захват территории, а умиротворение страны.

Внезапного удара по городу-крепости Смоленск не получилось. Благодаря предусмотрительности воеводы Михаила Борисовича Шеина, имевшего в Польше своих лазутчиков, город не был застигнут врасплох. Окрестное население успело укрыться за крепостными стенами, посады были сожжены, гарнизон приведен в боевую готовность. На предложение капитулировать («стать под высокую королевскую руку») Шеин, руководивший обороной, опираясь на земский

общепосадский совет, ответил, что русская крепость будет обороняться до последнего человека.

Гарнизон Смоленска к началу осады состоял из: посадских людей – 2500 человек; даточных людей (крестьян) – 1500; дворян и детей боярских – 900; стрельцов и пушкарей – 500 человек. Всего – 5400 человек.

Была составлена «осадная городова роспись», в которой гарнизон расписали по башням и «пряслам» (участки стены между башнями) крепостной стены. Весь гарнизон воевода Михаил Шеин разделил на осадную (около 2 тысяч человек) и вылазную (около 3,5 тысячи человек) группы. Осадная группа состояла из 38 отрядов примерно по 50 ратников в каждом. Каждый отряд получал для обороны башню и прилегающий к ней участок стены. Вылазная группа составила общий резерв, имевший очень большое значение для обороны столь обширной крепости. Резерв был в полтора раза сильнее осадной группы. В ходе обороны Смоленска гарнизон пополнялся из населения города, численность которого составляла примерно 40–50 тысяч человек, включая и жителей сожженного при подходе поляков пригородного посада. Оборона началась 19 сентября 1609 года.

Интервенты сосредоточили против немногочисленного гарнизона крепости до 50 тысяч конницы и пехоты. Король, гетман Станислав Жолкевский, литовский канцлер Лев Сапега, магнаты Потоцкий, Дорогостатский сравнивали Смоленск со зверинцем, который легко будет взять. Но в польском стане недооценивали мощи крепости, готовности смолян биться до последней капли крови, твердости их воеводы.

Трехдневный штурм крепости не принес успеха Сигизмунду III. Он решил принудить гарнизон к капитуляции голодом. Началась 20-месячная героическая оборона Смоленска, вошедшая славной страницей в историю нашей Родины.

Город стал подвергаться методическому обстрелу, на что смоленские пушкари отвечали не без успеха. Началась минная война. Поляки подвели подземные минные галереи, защитники – контрминные и взрывали вражеские. 16 января 1610 года смоленские минеры докопались до польской галереи, установили пищаль, встретили противника огнем, а затем взорвали подкоп. 27 января под землей произошла новая встреча с врагом. Смоленские ратники установили теперь в галерее более мощную пищаль и зарядили ее ядром со «смрадным» составом (селитра, порох, сера, водка и другие вещества). Подкоп был взорван.

Защитники крепости постоянно беспокоили стан врага дерзкими вылазками, в том числе и для добывания воды и дров. Однажды горстка храбрецов переправилась через Днепр, проникла в польский лагерь, захватила там штандарт одного из отрядов и благополучно вернулась назад. В лесах под городом действовали многочисленные партизанские отряды смоленских крестьян. Один из них, под командованием Трески, насчитывал почти 3 тысячи человек. Партизаны уничтожали польских фуражиров, смело нападали на интервентов.

Сигизмунд III за время осады заметно увеличил свои силы. С мая 1610 года из Риги стали прибывать орудия крупного калибра. Подошла основная масса шляхтичей из тушинского лагеря. Увеличилось количество ландскнехтов – немецких наемников. Но, несмотря ни на что, защитники крепости отбивали штурмы королевских войск, нанося им ощутимый урон.

Свыше двадцати месяцев смоляне мужественно обороняли свой город. То, что не смогли сделать войска интервентов и дипломатия польского короля через предателей-бояр, которые убеждали Шеина сдаться, сделали свирепствовавшие в осажденной крепости голод и цинга: из многочисленного населения Смоленска в живых осталось едва ли 8 тысяч. К началу июня 1611 года в гарнизоне насчитывалось всего 200 человек, способных сражаться. Каждому ратнику приходилось наблюдать и оборонять 20–30-метровый участок крепостной стены. Резервов не было. Надежды на помощь извне тоже.

Вечером 2 июня 1611 года начался последний штурм города. Изменник-перебежчик смоленский помещик Дедешин указал слабое место в западной части крепостной стены. Один из рыцарей Мальтийского ордена взрывом обрушил часть стены. Через пролом поляки ворвались в город. Одновременно в другом месте немецкие наемники по лестницам забрались на ту часть крепостной стены, которую даже по ночам некому было охранять.

Горсточка защитников Смоленска во главе с воеводой Михаилом Шеиным оказала героическое сопротивление врагу. Последним опорным пунктом обороны был собор, в подвалах которого хранились запасы пороха. Смоляне, укрывшиеся в соборе (около 3 тысяч человек), подожгли его и взорвали себя вместе с

врагами. Раненого Шеина, засевавшего с горсткой воинов в одной из крепостных башен, поляки взяли в плен и подвергли жестоким пыткам. Во время допроса мужественного воеводу спросили, кто ему советовал и помогал так долго держаться в Смоленске? На что он ответил: «Никто в особенности, потому что никто не хотел сдаваться». Шеина отправили в Литву. Там его в течение девяти лет держали в кандалах.

Оборона Смоленска показала, на какой героизм и самопожертвование способны русские люди, поднявшиеся на борьбу с иноземными захватчиками. Героев Смоленска ставил в пример своим ратникам воевода Дмитрий Пожарский. В Нижнем Новгороде, как и во всех уголках русской земли, с тревогой и болью следили за ходом обороны города-крепости. Его защитники стали для Кузьмы Минина и нижегородцев образцом воинского мужества, доблести в славы, вселяя веру в грядущее освобождение страны от интервентов.

Пока шла осада Смоленска, тушинский лагерь развалился окончательно. Самозванец бежал, за ним ушли в Калугу донские казаки и те, кто не желал служить королю. Поляки и наемники пополнили войско Сигизмунда III под Смоленском. К ним примкнули и русские тушинцы из бояр, дворян и дьяков во главе с Михаилом Салтыковым. Чувствуя, что почва ускользает у них из-под ног, они обратились к королю с просьбой посадить на русский престол королевича Владислава.

Дальнейшие события развивались с поразительно быстротой. В середине января 1610 года Салтыков «со товарищи» выехал из Тушина под Смоленск. 21 января его принял король, а уже через две недели был готов договор, незамедлительно посланный Сигизмундом в Москву к боярам.

Договор от 4 февраля представлял собой акт национального предательства. Суть его состояла в легализации польской интервенции, борьба против которой объявлялась «незаконной». А сын Владислав был нужен Сигизмунду III лишь как ширма для собственных притязаний на русский престол.

Василий Шуйский оказался в критическом положении. После поражения царских войск под Клушино народное возмущение достигло такой силы, что даже бояре поняли, что царю на престоле не удержаться. С запада на Москву двигалось польское войско гетмана Станислава Жолкевского, усиленное наемниками и действовавшее от имени короля. С юга столице вновь угрожал Лжедмитрий II, расположившийся у села Коломенское. На призыв о помощи царя Василия служилые люди городов не откликнулись, а предводитель рязанских дворян Прокопий Ляпунов ответил дерзким отказом. Это ускорило падение Василия Шуйского. 17 июля 1610 года он был свергнут боярами с престола и пострижен в монахи.

Власть в Москве перешла в руки Боярской думы – «седмочисленных бояр», в просторечии «семибоярщины», во главе с князем Федором Мстиславским (кроме него в Боярскую думу входили Иван Воротынский, Василий Голицын, Иван Романов, Федор Шереметев, Андрей Трубецкой и Борис Лыков). Страшась собственного народа и ища защиты от него, боярская клика провозгласила царем малолетнего сына Сигизмунда III королевича Владислава «Лучше государю служить, – говорили бояре, – нежели от холопов своих побитыми быть». На кандидатуру Владислава согласился и патриарх Гермоген при условии, что королевич примет православие. Национальные интересы были принесены в жертву узкосословным. 17 августа 1610 года оформили соответствующий договор.

Бояре, заключившие с интервентами договор, чувствовали себя в Москве как на углях. Каждую минуту они опасались возмущения москвичей. Потеряв доверие народа и столичного гарнизона, они пошли на невиданное в русской истории национальное предательство. В ночь на 21 сентября они впустили в Москву 8-тысячное польское войско гетмана Станислава Жолкевского, которое заняло Кремль, Китай-город, Белый город и Новодевичий монастырь. Перед тем как войти в Москву, Жолкевский уговорил Боярскую думу послать 18 тысяч войск (преимущественно стрельцов) для борьбы со шведами, которые в это время перешли к открытой интервенции и захватывали русские земли. Москва лишилась последних своих защитников.

В октябре 1610 года Жолкевский покинул Москву и уехал в королевский лагерь под Смоленск, возложив командование интервентами, в рядах которых было много немецких ландскнехтов, на пана Гонсевского, одного из военачальников королевского войска. По дороге в Смоленск гетман в нарушение договора захватил с собой из Иосифо-Волоколамского монастыря в качестве пленника бывшего царя Василия Шуйского.

Гетман Гонсевский отверг тактику своего предшественника, сочетающую военную угрозу с переговорами, обещаниями, поисками компромиссных решений, и прибег к грубому диктату. Управление Москвой полностью перешло в его руки. В Кремле были размещены роты немецких солдат, перешедшие на сторону противника в бою под Клушино (каждая рота ландскнехтов насчитывала до 600 человек), у ворот поставлена стража, артиллерия приведена в полную боевую готовность. Чтобы обеспечить продвижение по улицам польских войск в случае народных волнений, были сломаны все решетки, запиравшие улицы на ночь. Москвичам запрещалось ходить с саблями. Нельзя даже было продавать в городе дров ибо из них могли изготовить колья. По вечерам в столице жизнь замирала. По улицам разъезжали польские патрули и убивали всех, кто попадался на пути.

С оккупацией в Москве начались грабежи, убийства в насилия. «...Наши, — писал польский ротмистр Маскевич, — ни в чем не зная меры, не довольствовались миролюбием москвитян и самовольно брали у них все, что кому нравилось, силою отнимая жен и дочерей». Интервенты не давали ходить к заутрене не только мирянам, но и священникам. Они грабили купцов, своевольничали. Среди московского населения росло возмущение. В Москве Гонсевскому прислуживали М.Салтыков, Ф.Андронов, ведавший казной, и другие изменники, заседавшие в важнейших приказах. Пан Гонсевский самолично раздавал чины, поместья и вотчины. «Семибоярщина» послушно санкционировала все его распоряжения, ставя подписи под написанными им грамотами, посылавшимися в города. Московские бояре дошли до последней степени унижения.

В это время к столице стал подбираться Лжедмитрий II, опиравшийся теперь преимущественно на отряды донских и волжских (из Астрахани) казаков. Чувствуя, что его позиции стали ослабевать, он поспешил объявить себя защитником православной веры. Стан его заметно поредел. Те польские отряды, которые не пожелали служить королю Сигизмунду (наиболее крупным из них был конный отряд пана Лисовского), рассыпались по стране, предпочитая грабить на свой страх и риск, не подчиняясь никому. Из тушинских бояр остались только трое: князь Д.Трубецкой и Д.Черкасский в Калуге и атаман И.Заруцкий в Туле. Последний развернул энергичную войну с интервентами. Тогда король и «семибоярщина» отвели бывшему гетману самозванца Сапеге роль ударной силы в борьбе с казацким лагерем у Калуги. Но войска атамана Ивана Заруцкого в ноябре и декабре 1610 года нанесли полякам два поражения.

Лжедмитрий II погиб 11 декабря 1610 года. Незадолго до этого он приказал убить и сбросить в Оку служилого татарского царя из Касимова Ураз-Мухамеда, оговоренного собственным сыном. Когда самозванец по привычке после обеда с обильными возлияниями выехал на санях на прогулку, его сопровождала личная конная охрана из касимовских татар. Князь Петр Урусов выстрелил в Лжедмитрия II в упор из пистолета, а затем саблей отсек ему голову. Обезглавленного самозванца отвезли в Калугу. Там в его вещах кашли талмуд, письма и бумаги написанные по-еврейски. Тогда и начали толковать на счет еврейского происхождения убитого «царька».

Но в после гибели самозванца Калуга решила не признавать власть Владислава, пока тот не прибудет в Москву, а все польские войска не будут выведены из России. У жившей в Калуге Марины Мнишек вскоре родился сын. Казаки торжественно нарекли его царевичем Иваном Дмитриевичем, а народ — «воренком». Однако современники поставили под сомнение отцовство самозванца. «Царевичу» не суждено было сыграть в последующих событиях какой-либо роли.

Положение Российского государства в те годы описал в своем донесении в Лондон представитель английской торговой компании Джон Меррик: «Довольно известно, в каком жалком и бедственном положении находится народ Московии последние восемь-девять лет... Большая часть страны, прилегающая к Польше, разорена, выжжена и занята поляками. Другую часть со стороны пределов Швеции захватили и удерживают шведы под предлогом оказания помощи». Меррик предложил английскому правительству захватить северную часть Российского государства: «Эта часть России, которая еще более всех отдалена от опасности как поляков, так и шведов, самая выгодная для нас и самая удобная для торговли... Россия... должна стать складом восточных товаров для Англии».

Действительно, Российское государство переживало один из наиболее тяжелых периодов своей многовековой истории: стоял вопрос о том, быть ли русскому народу свободным или подпасть под иноземное владычество.

Открытая интервенция Речи Посполитой против Российского государства, изменнически захваченная Москва вызвали широкий подъем патриотически-

настроенных народных масс. Истекая кровью, все еще непоколебимо стоял Смоленск, приковав к себе лучшие полки Сигизмунда III. Героически оборонялся Троице-Сергиев монастырь-крепость, выдержавший 16-месячную осаду. Устоял и Нижний Новгород, хотя под его стенами не раз появлялись отряды тушинцев. Упорно сопротивлялись многие другие русские города-крепости.

Не хотел покориться интервентам и Зарайск, где с февраля 1610 года на воеводстве сидел князь Дмитрий Михайлович Пожарский.

Крепость не раз отражала набеги крымских татар. Жарко было под Зарайском и в годы польской интервенции. Желая удержать такой важный для обороны Москвы город, царь Василий Шуйский назначил Дмитрия Пожарского зарайским воеводой, дав ему небольшой отряд стрельцов.

Воевода изучил систему обороны крепости и остался доволен. Одно огорчало его – мало было воинов в кремле. С таким гарнизоном невозможно не только делать вылазки и вести наступательный бой, но и выдержать осаду. В этом вскоре пришлось убедиться.

В соседней Рязани воеводил честолюбивый думный дворянин Прокопий Ляпунов, в прошлом случайный «союзник» Болотникова, давний враг царя Василия. Ляпунов защищал интересы князя Михаила Скопина-Шуйского. После его смерти воевода стал рассылать по городам грамоты, обвиняя в них царя в умышленном отравлении Скопина и призывая все к восстанию против Василия Шуйского.

С грамотой от Прокопия Ляпунова приехал в Зарайск его племянник – Федор Ляпунов. Пожарский решительно отверг предложение рязанского воеводы, затеявшего междоусобную борьбу, которая грозила еще большим ослаблением государства. В ответ на это Прокопий Ляпунов собрал войско и двинулся на Зарайск. Но, услышав о подошедшем в крепость по просьбе князя Дмитрия из Москвы подкреплении, отступил.

В июле 1610 года мирная жизнь зарайцев был нарушена. Тушинцы прислали в город грамоту с требованием присягнуть Лжедмитрию II. Пожарский отверг требование. В ответ на это в Зарайске вспыхнул мятеж. Воевода с немногими людьми укрылся в кремле, где горожане хранили продовольствие и наиболее ценное имущество, и, закрыв ворота, «сел в осаду». Через несколько дней мятежники, видя твердость и решимость своего воеводы, сдались. На переговорах решили: «Кто царь в Москве, тому и служить».

В январе 1611 года Прокопий Ляпунов вновь обратился к Пожарскому, на этот раз с предложением объединиться и изгнать из Москвы интервентов. Он призывал зарайского воеводу «со всею землею стать вместе, как один, и с иноземцами биться до смерти» Местом сбора рати предлагался рязанский город Шацк. Грамота обрадовала Пожарского. Но к воеводе Ляпунову было у него недоверие: тот служил Болотникову, и царю Василию Шуйскому, и «тушинскому вору», присягнул и королевичу Владиславу. В то же время он знал Прокопия Петровича Ляпунова как отважного и опытного военачальника. И Пожарский решил принять предложение.

За сборами заканчивался январь, когда от Ляпунова прискакал гонец с просьбой о помощи. Поляки, хозяйничавшие в Москве, выслали против него большой отряд, который вместе с присоединявшейся по пути разбойной шайкой запорожских казаков атамана Исаака Сумбулова настиг рязанского воеводу в Пронске и осадил этот слабо укрепленный город. Тревожно загудел сполошный колокол Зарайска. Быстро собрав свое войско и оставив небольшую часть его для обороны крепости, Пожарский быстрым маршем пошел к Пронску. Прослышав о подходе к Ляпунову помощи из Зарайска и других городов, сельские шляхтичи и сумбуловцы сняли осаду и бежали. Подоспевший отряд зарайского воеводы с коломенскими и рязанскими воинами их уже не застал. Едва Пожарский успел возвратиться в Зарайск, как в ту же ночь запорожцы Сумбулова, надеясь на внезапность в малочисленность гарнизона города, ворвались в острог. Но князь Дмитрий сам повел из кремля в атаку своих стрельцов. В остроге разгорелся жаркий бой. По приказу воеводы была закрыты ворота города. Сумбуловцев беспощадно истребляли. Часть из них все же сумела вырваться из Зарайска. Пожарский организовал преследование. Лишь немногим разбойным казакам удалось скрыться под покровом ночи в лесу.

Дмитрию Пожарскому еще до призывной грамоты Прокопия Ляпунова довелось читать письма, приходившие в Москву, в которых рассказывалось о бедствиях, чинимых интервентами по всей стране. Особенно взволновали его грамоты осажденных смолян.

Надо отметить, что в начале 1611 года чрезвычайно окрепла и расширилась патриотическая переписка между городами. Еще при организации князем Скопным-Шуйским северного ополчения в 1608–1609 годах города договаривались об общем сопротивлении врагу. В 1611 году число таких призывных грамот заметно возросло. Они во многих списках шли во все концы страны. Специальные гонцы ездили от города к городу, из уезда в уезд, вызывали колоколом народ на общий сход, зачитывали письма и призывали всех подняться для изгнания иноземных захватчиков с Русской земли. На сходе же всем миром писали грамоты, призывая идти «на государевых изменников», на интервентов.

Население городов и сел с воодушевлением откликалось на эти призывные грамоты. Росло национальное сознание широких народных масс. На сходах обсуждали вопросы об организации ополчения и самообороны. Люди целовали крест, они клялись дружно встать на борьбу за Родину, не служить польскому королю, биться насмерть с чужеземными захватчиками. На сборные пункты отправлялись ратники, туда же свозилось воинское снаряжение.

Немало таких грамот приходило и в Зарайск. Пожарский, как городской воевода, читал их и был полон надежды в победном завершении начатого дела. Дмитрий Михайлович свой организаторский талант, опыт военного руководителя направил на подготовку зарайского ополчения.

На призывы Ляпунова, патриарха Гермогена главы православной русской церкви с 1606 года – откликнулись многие города. К рязанцам присоединились ополченцы Нижнего Новгорода (в рядах которых, по всей вероятности, находился и Кузьма Минин), Ярославля, Владимира, Суздаля, Костромы. Сразу же откликнулись Тула и Калуга. По заснеженным дорогам к Москве из этих городов шли пешие и конные отряды, чтобы принять участие в освобождении столицы. Примкнуло к первому земскому ополчению и значительное число казаков – бывших тушинцев во главе с боярином Дмитрием Трубецким и донским атаманом Иваном Заруцким. Присоединился к рязанцам и тушинский стольник Просовецкий, отряд которого стоял к северу от Москвы. Некоторые из этих бывших отрядов «тушинского царька» вошли в состав народного ополчения только потому, что со смертью Лжедмитрия II не знали, кому служить, и теперь надеялись продолжать безнаказанно совершать грабежи и насилия. Но большинство, разумеется, было таких, кто хотел постоять «за землю и православную веру».

Прокопий Ляпунов давно и хорошо знал характер своих союзников из числа бывших тушинцев. Самоуверенный и властолюбивый, рязанский дворянин считал, что сумеет держать в руках эти отряды. Поэтому он не только стоворился с атаманами, стоявшими под Калугой и Тулой, но и звал к себе всех окраинных, понизовых казаков, обещая жалованье и военное снаряжение. Благодаря таким призывам под Москвой собирались со всех сторон большие массы казаков, численно превысивших провинциальное служилое дворянство, на которое опирался Ляпунов.

Рязанский воевода не стал собирать отряды ополчения в единое войско на дальних подступах к Москве, Торопила весна – наступающие оттепели грозили превратить наезженные зимние дороги в непролазную грязь.

МОСКОВСКОЕ ВОССТАНИЕ

В марте 1611 года по последнему зимнему пути ополченцы стали стягиваться со всех сторон к Москве. Князь Пожарский во главе своего отряда выступил из Зарайска в начале марта. Подойдя к столице, его ратники небольшими группами и поодиночке проникли в московские слободы. То же самое сделали воины из других отрядов, первыми подошедших к окраинам города.

Через несколько дней москвичи ожидали подхода главных сил земского ополчения, но дожидаться их не удалось. 19 марта на улицах Москвы начались ожесточенные бои с интервентами. Так долго, терпеливо и тщательно готовившиеся к восстанию москвичи выступили стихийно.

Гонсевский, русские изменники знали, что на южных подступах к Москве собирается земское ополчение. Они принимали меры предосторожности. Купцам было запрещено продавать топоры, ножи и другое холодное оружие. Подозрительным казался даже русский обычай подпоясывать рубахи и кафтаны: опасались, что москвичи могли прятать за пазуху оружие. Поэтому патрули задерживали всех и заставляли распоясываться. Интервенты тщательно обыскивали

каждую повозку, прибывавшую в город. «...Мы... день и ночь стояли на страже, — писал поляк Маскевич, — и осматривали в городских воротах все телеги, нет ли в них оружия: в столице отдан был приказ, чтобы никто из жителей под угрозой смертной казни не скрывал в доме своем оружия и чтобы каждый отказал его в царскую казну. Таким образом случалось находить целые телеги с длинными ружьями, засыпанными сверху каким-либо хламом; все это представляли Гонсевскому вместе с извозчиками, которых он приказывал немедленно сажать под лед». Но и под страхом смерти на дворах и подворьях Москвы ковалось оружие.

В самой Москве постепенно накапливались силы для выступления против интервентов. Руководители венского ополчения задумывали двойной удар — извне и изнутри столицы. В Москву задолго до восстания из подмосковных местечек и деревень сходились люди пол предлогом поиска защиты, тайно принося с собой оружие, приходили и ополченцы Ляпунова, переодетшись в городское платье, их никто не узнавал, так как они смешивались с городское чернью. Изменник боярин Салтыков советовал польскому командованию спровоцировать преждевременное выступление московского населения, с тем чтобы расправиться с патриотами до подхода земского ополчения. 17 марта после традиционного шествия патриарха в Кремль во время церковного праздника в вербное воскресенье Салтыков говорил польские панам о том, что она упустили удобный случай для расправы с москвичами: «Ныне был случай, и вы Москвы не били, ну так они вас во вторник будут бить».

Иноземные захватчики была всерьез обеспокоены надвигающимися событиями и планировали свои контрмеры против земского ополчения. Вот что по этому поводу писал одна из них, польский ротмистр Маскевич: «Мы были осторожны; везде имели лазутчиков... Лазутчики извещали нас, что с трех сторон идут многочисленные войска к столице. Это было в великий пост, в самую распутицу. У нас бодрствует не стража, а вся рать, не расседывая коней ни днем ни ночью... Советовали нам многие, не ожидая неприятеля в Москве, напасть на него, пока он еще не успел соединиться, и разбить по частям. Совет был принят, и мы уже решились выступить на несколько миль от столицы для предупреждения замыслов приятельских».

Но осуществить такой план противнику не удалось: отбить ополчение у интервентов, засевших в Москве, не хватало войск. Оставить столицу — жалко: рушился давний план завоевания Российского государства, терялась надежда на дальнейшее личное обогащение. Гетман Гонсевский решил остаться в осаде, надеясь, что к нему в скором времени подойдут подкрепления из Польши, куда были посланы гонцы за помощью.

Интервентов очень беспокоило и то, что на стенах Белого города и Деревянного (или Земляного) города находились многочисленные пушки, которые москвичи в случае восстания могли повернуть против польских войск. Гонсевский приказал стащить всю артиллерию со стен и перевезти в расположение своих войск. Туда же свезли все запасы пороха, изъятые из лавок и селитряных дворов. Отныне пушки, установленные на кремлевских и китайгородских стенах, держали под прицелом весь обширный Московский посад.

И все же, несмотря на все меры предосторожности, интервенты трепетали. «Уже нельзя было спокойно спать среди врагов, таких сильных и жестоких, — признавался тот же Маскевич. — Все мы утомлялись частыми тревогами, которые были по четыре и по пять раз в день, и непрестанною обязанностью стоять по очереди в зимнее время на страже: караулы надлежало увеличить, войско же было малочисленно. Впрочем, товарищество сносило труды безропотно: дело шло не о ремне, а о целой шкуре».

Москва в то время была разбита на четыре обособленные части. Каждая из них была обнесена оборонительными стенами. Если старую Москву уподобить живому существу, то Кремль можно назвать головой, а окружавший его посад — руками. Кремль окружали каменные стены с грозными башнями. Расположенный на треугольной площади, он с двух сторон омывался Москвой-рекой и ее притоком Неглинкой, а с третьей стороны по Красной площади от Неглинки к Москве-реке тянулся глубокий ров, наполненный водой. В Кремле находились царские дворцы, приказы, другие государственные учреждения.

К Кремлю примыкал Китай-город (от слова «кита», означавшего ограду, плетень), стены которого составляли единую цепочку. Первоначально Великий посад — улицы вне Кремля — был обнесен земляным валом, увенчанным вязками жердей, своего рода заградительным плетнем. Затем поставили каменные стены, которые с двух сторон подходили к Кремлю. Если стены Кремля огораживают около

30 гектаров, то стены Китай-города охватывают площадь около двух тысяч гектаров.

Вместе с кремлевским холмом Китай-город являлся единой крепостью. Это было крупнейшее в Русской земле, да и в Восточной Европе, военно-оборонительное сооружение. Китай-город исследователи сравнивают со знаменитыми гнуэзскими крепостями. Здесь находилась торговая часть столицы, помечались торговые ряды и жилые дома бояр, дворян и богатых купцов.

Кремль и Китай-город с севера полукругом опоясывал Белый город. Он также был окружен каменными стенами, которые у Москвы-реки смыкались с кремлевскими и китайгородскими. Вокруг Кремля, Китай-города и Белого города широко размещались московские слободы, окруженные земляным валом деревянными стенами. Отсюда и название этой четвертой части столицы – Деревянный, или Земляной, город.

Восстание началось стихийно 19 марта. По городу прошел слух, что Гонсевский собирается выступить со своим войском из Москвы навстречу ополчению, напасть на его разрозненные отряды и уничтожить их поочередно, пока они не успели соединиться. С утра на улицах Белого города и Китай-города скопились сотни возниц с явным намерением преградить своими санями и повозками проход польским полкам.

Волнение возникло на торгу, где польские пехотинцы попытались силой заставить возниц помогать им таскать пушки со стены Китай-города. Те ответили отказом. Вспыхнула распря, поднялся шум. Поляки стали избивать возниц. Но за них заступилась толпа горожан, заполнивших Китай-город. На помощь польской пехоте прискакал отряд немецких наемников, затем польские драгуны, стоявшие в боевой готовности на Красной площади. В конном строю они врзались в толпу, топтали людей, рубили их саблями и учинили страшное побоище над безоружной толпой. В Китай-городе было вырезано, около 7 тысяч москвичей. Избиение жителей Москвы сопровождалось повальным грабежом. Интервенты громили лавки, врывались в дома, тащили все, что попадалось под руку.

Спасаясь, толпа хлынула в Белый город. Там всюду раздавался набатный звон, призывая всех к восстанию. Разгромив Китай-город, интервенты, двинулись в Белый город, но встретили здесь упорное сопротивление. Русские имели возможность подготовиться к защите. Когда вражеская конница попыталась ворваться в Белый город, то натолкнулась на баррикады. Люди выносили из домов столы, скамьи, доски, бревна и все это сваливали поперек улиц, загромаждая путь. В интервентов стреляли из-за укрытий, из окон, с крыш и заборов, поражали их холодным оружием, а те, кто не имел его, бились кольями и камнями. Над Москвой 'гудел набат.

О тактике восставших наиболее полно сообщает ротмистр Маскевич, участник боев с москвичами. «Русские, – пишет он, – свезли с башен полевые орудия и, расставив их по улицам, обдавали нас огнем. Мы кинемся на них с копьями, а они тотчас загородят улицу столами, лавками, дровами; мы отступим, чтобы выманить их из-за ограды, – они преследуют нас, неся в руках столы и лавки, и, лишь только заметят, что мы намереваемся обратиться к бою, немедленно заваливают улицу и 'под защитой своих загоронок стреляют по нас из ружей, а другие, будучи в готовности, с кровель и заборов, из окон бьют по нас из самопалов, кидают камнями, дрекольем...»

Особенно ожесточенными были схватки на Никитской улице и Сретенке. В полдень, в самый разгар боя, здесь появились ратники Пожарского. Зарайский воевода, в числе первых подошедший к столице и сумевший скрытно от поляков расположить своих ратников в слободах, внимательно следил за развитием событий в Москве. Князь Дмитрий держал воинов в постоянной готовности к схватке с интервентами. Услышав набат в городе, он с небольшим конным отрядом поспешил на помощь сражающимся москвичам. Его дружина первой из земского ополчения вошла в Белый город. Сказалась высокая ратная выучка воинов зарайского гарнизона. Мгновенно оценив обстановку, воевода отправился в стрелецкую слободу, стоявшую неподалеку. Собрав стрельцов и посадских людей, Пожарский дал бой наемникам, появившимся на Сретенке возле церкви Введенской богородицы. Вслед за тем он послал своих людей на Трубу (Пушкарский двор). Пушкири тотчас пришли на подмогу и привезли с собой несколько легких орудий. С их помощью князь Дмитрий отбил наступление наемников и «втоптал» их назад в Китай-город. Но в Кремль пробиться не удалось – сил было недостаточно. Ратники Пожарского, бившегося в первых рядах с саблей в руках, вернулись в Белый город, на Сретенку.

Повсюду в разных концах Московского посада главными узлами сопротивления стали стрелецкие слободы. Против Ильинских ворот стрельцы под командованием воеводы Ивана Бутурлина не позволили Гонсевскому прорваться в восточные кварталы Белого города и не пропустили врага к Яузским воротам. На Тверской улице роты наемников были отброшены от Тверских ворот. В Замоскворечье сопротивление возглавил воевода Иван Колтовский. Здесь восставшие, соорудив высокие баррикады у наплавного моста, обстреливали Водяные ворота Кремля.

Пожарский приказал построить острожек у церкви Введенской богородицы и поставить в нем пушки. Ополченцы и москвичи быстро вырыли ров и насыпали вал. Из бревен и досок сбили крепостные стены, поставили частокол. Гонсевский вывел из Кремля на помощь коннице пехоту. Часть всадников была спешена. Интервенты вновь атаковали восставших. Отряд зарайского воеводы сражался целый день с численно превосходящим противником. О том, действовали пушки Пожарского, читаем у того же Маскевича: «Жестоко поражали нас из пушек со всех сторон. По тесноте улиц мы разделились на четыре или на шесть отрядов; каждому из нас было жарко; мы не могли и не умели придумать, чем пособить себе в такой беде, как вдруг кто-то закричал: «Огня, огня, жги дома!»

История донесла до нас имя человека, который подал пример интервентам, – им оказался русский изменник Михаил Салтыков. Отступая от своего подворья, боярин приказал холопам сжечь хоромы, чтобы нажитое им богатство никому не досталось. Пожар заставил повстанцев отступить. Его «успех» оценили. «Видя, что исход битвы сомнителен, – доносил Гонсевский королю, – я велел зажечь Замоскворечье и Белый город в нескольких местах».

Исполнителями этого варварского решения стали немецкие наемники, взявшие на себя обязанности факельщиков. Ветер гнал огонь на повстанцев, те отступали. Вслед за пожаром шли вражеские солдаты. В деревянной Москве в обстановке уличных боев пожар принял громадные размеры и выгнал из засад защитников города. Это помогло Гонсевскому сломить сопротивление на Кулишках и подле Тверских ворот.

В тесноте охваченных пожаром московских улиц, но словам гетмана Жолкевского, «происходило великое убийство; плач, крик женщин и детей представляли нечто подобное дню Страшного суда; многие из них с женами и детьми сами бросались в огонь, и много было убитых и погоревших...». В горящей Москве русские не могли долго обороняться и побежали навстречу подходившему к Москве земскому ополчению.

До конца держались лишь возглавляемые Дмитрием Пожарским отряды, которые успешно отбивали попытки поляков зажечь ту часть города у Сретенки, где они оборонялись. В жестокой сече ратники отбивали одну за другой атаки польской конницы и наемной немецкой пехоты. 20 марта в бою в укреплении около своего двора на Лубянке Дмитрий Михайлович был трижды равен. Падая на землю, он простонал: «Лучше мне было бы умереть, чем видеть все это».

Оставшиеся в живых боевые соратники Пожарского увезли тяжело раненного воеводу сперва в Троице-Сергиев монастырь, затем в его вотчину Мугреево в Суздальском уезде.

Москва продолжала гореть и 20 марта, так как накануне вечером польское командование отдало приказ «зажечь весь город, где только можно». Да выполнения этого приказа были выделены две тысячи немцев, отряд польских пеших гусар и две хоругви (отряды) польской конницы. Поджигатели выступили из Кремля за два часа до рассвета. Пламя, раздуваемое жестоким ветром, охватывало дома и улицы, Вся столица пылала. Пожар был так лют, что ночью в Кремле было светло, как в самый ясный день. Интервенты были в безопасности: их охранял огонь.

21 марта интервенты продолжали жечь город. Один из них вспоминал: «Мы действовали в сем случае по совету доброжелательных нам бояр, которые признавали необходимым сжечь Москву до основания, чтобы отнять у неприятеля средства укрепиться... Смело могу сказать, что в Москве не осталось ни кола ни двора». Пожар и уличная битва вошли в историю как «московское разорение».

Во время пожара восставшие послали за помощью в Коломну и Серпухов. Земские воеводы Иван Плещеев и Федор Смердов-Плещеев немедленно двинули свои отряды и прибыли в Замоскворечье. Подошедший в это время на помощь Гонсевскому из Можайска полк Струся не смог пробиться в столицу: москвичи захлопнули прямо перед носом его гусар ворота Деревянного города. Тогда на помощь пришли факельщики, которые подожгли стену. С приходом свежего полка

гарнизон интервентов заметно усилился и теперь мог за крепостными: стенами выдержать длительную осаду в ожидании спасительной помощи из Речи Посполитой.

Москвичи, видя, что последние очаги сопротивления восставших, за исключением Симонова монастыря, подавлены, начали покидать выгоревшую столицу.

Огромная, богатая и многолюдная Москва в три дня была обращена интервентами в пепелище. Гетман Жолкевский засвидетельствовал, что «столица московская стореда с великим кровопролитием и убытком, который и оценить нельзя. Изобилен и богат был этот город, занимавший обширное пространство; бывшие в чужих краях говорят, что ни Рим, ни Париж, ни Лиссабон величиною окружности своей не могут равняться сему городу. Кремль остался совершенно цел, но Китай-город во время такого смятения негодяями... разграблен был и расхищен; не пощадили даже храмов; церковь св. Троицы, бывшая у москвитян в величайшем почитании, (собор Василия Блаженного. – А.Ш.), также была ободрана и ограблена негодяями». Так польский гетман отозвался о действиях своих недавних солдат и наемников.

Сожжение древней Москвы потрясло русский народ. Из уст тысяч беженцев люди узнавали подробности неслыханной трагедии, услышали и имя отважного, мужественного воеводы князя Дмитрия Пожарского. Весть о гибели столицы разнеслась по стране, вселяя в сердца русских людей ненависть к иноземным захватчикам, зовя на борьбу с ними.

Долетела страшная весть и до Нижнего Новгорода, до его ополченцев, которые по призыву Прокопия Ляпунова спешили к Москве, чтобы объединиться в одну земскую рать. Для Кузьмы Минина дело освобождения столицы стало смыслом всей его дальнейшей деятельности. В своих обращениях к народу великий патриот нашей земли спасение Русского государства прямо связывал с очищением Москвы от интервентов.

Поруганная честь Отчизны призывала к отмщению.

ПЕРВОЕ ЗЕМСКОЕ ОПОЛЧЕНИЕ

Подошедшим к столице 21 марта передовым отрядам земского ополчения открылась страшная картина. На месте Москвы еще дымилось пожарище, от домов остались одни печные трубы, закопченными стояли кремлевские, китайгородские стены и стены Белого города. Лишь кое-где среди заснеженных полей темнели уцелевшие слободы.

Зная о подхитившем к Москве ополчении, Гонсевский решил разбить его по частям. Прежде всего против казаков Просовецкого выступил полк Струся. Казачий отряд шел с «гуляй-городом», представлявшим собой подвижную ограду из огромных саней, на которых стояли щиты с несколькими отверстиями для стрельбы из самопалов. При каждом сане находилось по десять человек: они и санями управляли на поле боя, и, остановившись, вели огонь из пищалей. Окружая войско со всех сторон – спереди, с тыла, с боков, эта ограда препятствовала польским копейщикам добраться до русских. Конникам Струся пришлось спешиться. Только таким образом противнику удалось прорвать один из фасов «гуляй-города», и казаки вынуждены были отступить, не проявив особого упорства в бою.

По последнему зимнему пути шли к Москве земские отряды. Не позднее 23 марта в предместьях столицы прибыл Прокопий Ляпунов с рязанцами. Немного запоздали Заруцкий с казаками и Трубецкой со служилыми людьми. Их задержало присутствие на зимних квартирах недалеко от Калуги наемного войска Яна Сапеги, отказавшегося служить королю и предложившего земскому ополчению свои услуги, но за непомерно высокое вознаграждение.

В первом земском ополчении были представители всех городов Русского государства, кроме Смоленска, захваченного поляками, и Новгорода, сражавшегося против шведов. Ополченцы стали лагерями вдоль стен Белого города. У Яузских ворот разместилось дворянское ополчение Ляпунова, рядом ним, у Воронцова поля, разбили свои таборы казачьи отряды Трубецкого и Заруцкого, дальше, от Покровских ворот к Трубе, расположились ополченческие дружины из Замосковья и других мест. Московские повстанцы во главе с воеводой Федором Плещеевым прочно удерживали в своих руках Симонов монастырь. Рядом расположились отряды Просовецкого и Измайлова.

27 марта Гонсевский вывел свои войска из Яузских ворот и попытался потеснить ополченцев и повстанцев в окрестностях Симонова монастыря, эта проба сил успеха ему не принесла. Интервентам пришлось отказаться от наступательных операций обороны внешней крепостной стены Белого города. В начале апреля ополченцы штурмом взяли большую часть Белого города, в июле овладели им полностью. Уже первые бои показали, что в земском ополчении казаки и дворяне не доверяют друг другу.

В мае развернулись бои с наемниками подошедшего Яна Сапеги. Он вел перед этим торг и с борами, и с Ляпуновым. Когда гетман получил от Мстиславского три тысячи рублей, а столичное рыцарство пообещало поделиться кремлевскими сокровищами, наемники Сапеги вышли в поход на помощь осажденным. От Поклонной горы, где был разбит их лагерь, они двинулись к Лужникам. Стараясь деблокировать осажденный гарнизон, гетман попытался овладеть тверскими воротами. Но ополченцы наголову разбили немецкую пехоту и захватили ее знамена. В боях отличился муромский воевода Мосальский, завоевавший себе славу храбреца. После неоднократных попыток потеснить ополченцев Сапега отступил. Поняв, что победы ему не добыть, он отправился в район Переславля-Залесского собирать продовольствие для осажденного кремлевского гарнизона. У ополченцев не было достаточно сил, чтобы замкнуть кольцо осады Кремля и Китай-города, они сумели лишь перекрыть дороги, ведущие из Москвы. Снабжение осажденного гарнизона продовольствием прекратилось. Во время восстания запасы продовольствия в городе сторели в огне. В мае осажденные уведомили Сигизмунда III о том, что смогут продержаться в Москве не более трех недель, если им не будет оказана немедленная помощь и они не получат фураж для лошадей.

После нескольких вылазок интервентов с целью нанести поражение ополченцам и вялых попыток Ляпунова штурмовать засевавших за крепостными стенами поляков московский гарнизон засел в глухую осаду в ожидании помощи от короля.

Поляки удерживали и Арбат, и Новодевичий монастырь, откуда начиналась Большая Смоленская дорога. Но она проходила через уезды, охваченные восстанием. Крестьяне, вооруженные залами, топорами, дубинами, на свой страх и риск вели борьбу с интервентами. Те называли их презрительно «шишами», хотя и несли от них ощутимый урон. Так, в мае «шиши» разгромили дворянский конвой и отбили казну, которую боярское правительство выслало наемникам Яна Сапеги.

Решить стоявшую перед первым земским ополчением задачу, то есть изгнать интервентов и освободить Москву, Ляпунов был не в состоянии еще и потому, что с первых дней осады в рядах земской рати начался внутренний разлад. Классовая неоднородность ополчения, наличие в нем не только служилых дворян, но и казаков, среди которых было много беглых крестьян и холопов, порождали глубокие раздоры. Хотя казаки и «черные люди» с дворянами и детьми боярскими заявляли, что все они «в одной мысли», между ними лежала пропасть. Классовые противоречия не могли не привести к распаду первого ополчения.

При начальниках отдельных отрядов существовали собственные поместные и разрядные приказы, через которые они пытались управлять страной. Воеводы сами раздавали поместья, собирали «корма», отправляя на места своих людей. Такие посылки за «кормами» оборачивались зачастую грабежами и своеволиями.

Возникла необходимость создать временное русское правительство, определить его программу, объединить разрозненные отряды в единое войско. Активную роль объединителя взял на себя рязанский воевода. Временное правительство «троеназначников» (Прокопий Ляпунов, Дмитрий Трубецкой и Иван Заруцкий) было образовано лишь в мае 1611 года. Но единства в ополчении так и не стало: Заруцкий потакал казакам, у Ляпунова появились диктаторские замашки, он себя вел вызывающе высокомерно, князь Трубецкой считал себя по знатности и родовитости выше всех.

Был создан также «Совет всея земли», однако в нем не было посадских представителей. 30 июня 1611 года был принят «Приговор», составленный от имени «Московского государства разных земель царевичей, бояр, окольничих, дворян и детей боярских, атаманов и казаков». Он выражал в основном интересы дворянства и казачьей верхушки и поддерживал существовавшие крепостнические порядки. Большинство ополченцев из числа беглых крестьян и холопов попало в разряд «молодых» казаков. В целом «Приговор» был направлен против них и выражал прежде всего интересы дворянской части земского ополчения. Обещания, данные Ляпуновым в его грамоте при организации ополчения, оказались

нарушенными. Казаки были крайне раздражены этим «Приговором». Назревал социальный взрыв.

Отношения между ними накалились еще более, после того как один из приверженцев Ляпунова, тушинский боярин Матвей Плещеев, учинил самосуд над 28 казаками, уличенными в грабеже, приказав утопить их. К тому же в руках у казаков оказалась грамота, умело подброшенная лазутчиками Гонсевского и якобы подписанная Ляпуновым, в которой они объявлялись разбойниками, врагами Русского государства.

«Приговором» и последующими действиями Ляпунов бросил открытый вызов казакам. Он не хотел считаться с тем, что люди, вкусившие свободу и взявшие в руки оружие, послушно не сложат его, что они не откажутся от воли, не будут слепо подчиняться дворянину-диктатору. 22 июля 1611 года казаки вызвали рязанского воеводу в свои «табор» для объяснений и «разнесли на саблях».

После гибели Ляпунова первое земское ополчение распалось. Большинство служилых дворян, вдоволь натерпевшись от казаков и боясь новых притеснений с их стороны, покинули его. Разошлись также земские рати северных и поволжских городов, в том числе и нижегородская.

С того времени Кузьма Минин, горячо боровшийся за единство рядов народных защитников, требовал сурового наказания для тех, кто вносил разлад в общее дело. В далеком Мугреево с болью в сердце воспринимал залечивающий раны Дмитрий Пожарский вести о распаде ополчения, для организации которого он так много сделал и с которым связывал надежды на скорейшее освобождение Русского государства от иноземных захватчиков.

Наряду с классовыми разногласиями на распад ополчения повлияло намерение Ляпунова, который после смерти князя Михаила Скопина-Шуйского не видел в боярской среде достойного кандидата в цари, просить на русский престол шведского королевича. Заруцкий же, как и Трубецкой, хотел видеть на нем «Маринкина сына», «воренка». Они присягнули сыну Марины Мнишек, в котором, как они считали, текла царская кровь. С распадом ополчений руководящая роль под Москвой перешла к предводителям казачьих «таборов».

Вскоре верховодить единолично стал донской атаман Иван Заруцкий, слабовольный Дмитрий Трубецкой подпал под его влияние. Оставшиеся под Москвой ополченцы были бессильны очистить столицу от интервентов. Они рассылали грамоты по городам, призывая на помощь ратных людей, требовали присылки в казну «пороха и шуб». Но казаки Заруцкого доверия не внушали и объединить народные силы не могли.

После неудачного штурма Китай-города в июне 1611 года Заруцкого и Трубецкого не покидала мысль выбить поляков из Москвы. В июле 1611 года подмосковные казачьи полки вместе с подошедшими из Казани и Свияжска отрядами дворян, стрельцов и поволжских народов – татар, мордвин, чувашей и черемисов (марийцев) – штурмуют Новодевичий монастырь и, неся незначительные потери, занимают его. Казачье войско теперь удерживало в своих руках весь Белый город, не пуская туда поляков. Для перекрытия дорог были поставлены острожки (деревянные укрепленные городки), рогатки и сооружены шанцы.

Казачество в своей массе было «черным людом», все помыслы которого направлялись на освобождение страны от иностранных захватчиков. Не случайно летописец писал о казачьих отрядах, оставшихся под столицей: «Стояли под Москвою таборы очищения ради града Москвы от королевских людей». А Дмитрий Пожарский уже после изгнания поляков из Москвы признавал, что казаки «над польскими людьми... промышленяли всяким промыслом и тесноту им чинили, и на многих боях с ними бились, не щадя голов своих».

Развал ополчения улучшил положение осажденного гарнизона. Отряды Яна Сапеги, Лисовского и Ходкевича стали легко пробиваться к осажденным и доставлять им провиант. Гонсевский таким путем стал получать и подкрепления. Особую активность проявлял Сапега, захвативший в июле–августе Переяславль, Александровскую слободу и вернувшийся с награбленным добром в Москву.

Тяжелое положение Российского государства усугублялось шведской интервенцией. Воспользовавшись поражением царского войска под Клушино, шведы стали прибираться к рукам новгородские земли. После упорных боев им удалось захватить 2 марта 1611 года Корелу, которая защищалась всю зиму и была занята интервентами лишь тогда, когда от защитников в городе осталась в живых только сотня. Но под Ладогой и дважды под Орешком шведы потерпели поражение. Сорвались и планы захвата Северной Карелии. Ни Кола, ни Соловецкий монастырь не сдались неприятелю. Население северных земель развернуло партизанскую

войну против шведов, уходило в леса, прятало продовольствие. Народные мстители переносили боевые действия даже на территорию противника.

Однако летом 1611 года интервенты достигли большого успеха, захватив Новгород Великий. Шведские правящие круги давно вынашивали планы оторвать от Руси богатую Новгородскую землю и превратить ее в зависимое от Швеции вассальное государство. Еще в марте 1611 года наемные отряды Якова Делагарди, предавшие в бою под Клушино русских союзников, расположились у Хутынского монастыря в семи километрах от города. Хотя новгородцы и отказались сдаться, они проявили большую беспечность, не приняв энергичных мер для организации обороны. В городе не было согласия между воеводами, между ратниками и посадскими людьми.

Шведский король обратился в Великий Новгород с универсалом, предлагая свою защиту от поляков. Весной 1611 года в город прибыли посланцы Прокопия Ляпунова, который решил вновь заключить союзнический договор со шведами против Речи Посполитой. Во время переговоров шведы предложили своего королевича на русский престол. Такие переговоры вдобавок ко всему дезориентировали новгородцев.

8 июля Делагарди послал свои войска на штурм города. Новгородцы штурм отбили, но через неделю были захвачены врасплох. 16 июля изменник Иван Шваль, холоп одного из новгородских помещиков ввел врага в город через Чудинцовские ворота. Воевода В.Бутурлин, не принимая боя, со своим отрядом поспешно бежал на города. Сопротивление оказали лишь отдельные отряды стрельцов и казаков. Они отклонили все предложения о сдаче и предпочли плену смерть в бою. Погиб и известный казачий атаман Тимофей Шаров – участник восстания Болотникова и похода Скопина-Шуйского. Упорно сражался с интервентами протопоп Софийского собора Аммос. Он затворился на своем дворе вместе с другими новгородцами и стойко отражал натиск шведов. Тогда наемники подожгли двор протопопа. Аммос и его товарищи погибли в огне, но не сдались.

Одна из самых мощных крепостей Руси – Новгородский кремль был сдан Делагарди митрополитом Исидором и князем И.Одоевским. Вскоре новгородские власти были вынуждены подписать договор, фактически отторгавший северные земли от Русского государства: территория, которая именовалась теперь княжеством Новгородским, отдавалась под покровительство шведского короля, и с ним заключался союз против Польши. Шведский король объявлялся «покровителем».

Заключая договор со Швецией, новгородцы брали обязательства не только за себя, но и за все Российское государство. Они соглашались принять одного из сыновей Карла IX (Густава-Адольфа или Карла-Филиппа) на «Новгородское и Всероссийское государство царем и великим князем». А «до прибытия его королевского величества сына, – говорилось в договоре, – обязуемся повиноваться главному военачальнику Якову во всех его повелениях». Город обязался содержать шведские войска.

Власть в Новгороде перешла к Делагарди, который не замедлил ввести оккупационный режим, по суровости не уступавший польскому. Он чинил суд и расправу, отбирал и раздавал шведским военачальникам поместья. Одной из главных его забот стало распространение королевской власти на другие пограничные города, которые ему до этого не удалось взять. Один за другим пали Копорье, Ям, Ивангород, Орешек. Но хорошо укрепленный город-крепость Псков устоял и стал главным оплотом борьбы со шведской интервенцией на северо-западе России.

Помимо шведов под Псковом долго хищничали разбойные отряды пана Лисовского, грабя и убивая мирных жителей. В марте 1611 года войска гетмана Ходкевича пробовали взять Псково-Печерский монастырь, но приступ поляков был отбит с большими для них потерями.

В это время в Ивангороде объявился еще один самозванец, назвавший себя царевичем Дмитрием, «чудесно спасшимся» в третий раз. Летописец называет его Сидоркой (или Матюшкой) и говорит, что он был московским дьяком «из-за Язуы». Вскоре Лжедмитрий III перебрался в Псков, где его охотно приняли, видя в нем защитника против шведов (таким он представлял себя и обращения к горожанам). Псковичи целовали ему крест. Из Пскова новый самозванец пытался распространить свою власть и на другие города, завязал отношения с подмосковными казачьими «таборами». Впоследствии «чудесно спасшемуся» царевичу присягнули со своими казаками стоявшие под Москвой донской атаман Заруцкий и князь Трубецкой.

К осени 1611 года страна, казалось, стояла на краю гибели. Польские войска взяли Смоленск и засели в спаленной ими Москве. Первое земское ополчение распалось. Шведы захватили Новгород Великий. На огромной территории бесчинствовали многочисленные разбойные отряды польских и шведских интервентов. Паны хвастливо писали в Польшу: «Мы теперь пасемся на Русской земле». Усилились набеги крымского хана. «Семибоярщина» окончательно обанкротилась. Московские бояре, запятнавшие себя сотрудничеством с иноземными захватчиками, сидя вместе с ними в Кремле, потеряли всякий авторитет в глазах народных масс. Их открыто называли изменниками.

Население оккупированных областей «от великих чинов и до малых степеней» предавалось «всеядному мечу». Воспоминания современников, призывные грамоты городов взволнованно рассказывают о погромах, убийствах и разорении: «Иных с башен высоких городских вниз бросали, иных же с берегов крутых во глубину реки с камнями сталкивали, иных же из луков и из самопалов расстреливали... у иных же детей хватали и перед глазами родителей в огонь кидали; иных же от материнской груди отбирали, о землю и о пороги, о камни и углы разбивали; иных же, на копьях и на саблях воткнувши, перед родителями носили».

В этот критический момент усилилось народное сопротивление. Его питали, придавая размах и силу, страдания, обрушившиеся на всех, и гнев за поруганное чувство национального достоинства. Все яснее осознавалась простым людям нетерпимость создавшегося положения. Открытое предательство боярской верхушки и неудача похода первого земского ополчения не сломили решимости русского народа бороться за освобождение своей страны. Повсеместно развернулось широкое партизанское движение против польских и шведских интервентов, основу которого составляло крестьянство. Растущий патриотический подъем широких слоев населения совершил то, чего не смогло сделать боярское правительство, — организовал действенный отпор интервентам.

Ушедшее в леса население организовывало партизанские отряды, активно боровшиеся против захватчиков. Наличие подобных отрядов в годы «великого разорения» отмечается по всей занятой польскими и шведскими интервентами территории. Отряды действовали на севере, в районе Сумского острога, в лесах Новгородской и Псковской областей, в лесах Смоленщины, под Москвой, в Ярославском крае, на Вологодчине... По свидетельству иностранца, «со всех сторон являлись толпы необузданных крестьян, которые истребляли немцев и поляков с неимоверною злобою... народ вооружился и отомстил полякам: иных повесил, других изрубил, а некоторых побросал в воду».

Восставшие ловили гонцов, истребляли фуражиров, нападали на малые отряды иноземцев, создавая невыносимые условия для захватчиков. Взятый в плен поляк Остап Броцкий показал на допросе, что у него в роте было 100 всадников, «а ныне их осталось только на 60 конях, а остальные побиты, и ныне-де они пошли было из Новгорода для кормов, и их поймали». В районе Волхова один из повстанческих отрядов сумел захватить четыре баржи с продовольствием, предназначенным для шведского гарнизона в Старой Ладоге.

Историк Н. Костомаров в своем исследовании о Смутном времени указывает, что в начале октября восставшие заполняли окрестности столицы верст на пятьдесят; они рассеяли и частично истребили отряд Вонсовича в 50 человек, высланный Ходкевичем к Гонсевскому. Точно так же был отброшен повстанцами выехавший из Москвы навстречу Ходкевичу отряд ротмистра Маскевича.

Подобных примеров было немало. В результате засевший за крепостными стенами русской столицы польский гарнизон оказался в сплошном кольце подмосковных повстанческих отрядов. Это заметно ухудшило его и без того тяжелое положение с подвозом продовольствия и получением подкреплений.

19 декабря 1611 года восставшие отбросили шляхетский отряд Каминского от Суздаля, а 22 ноября повстанцами был разбит наголову под Ростовом отряд Зезулинского. Значительно потрепали «шиши» и полк Струся, направлявшийся из Смоленска к Можайску. Они захватили багаж, перебили много жолнеров (польских солдат), а с самого пана Струся сорвали ферязь (верхнюю одежду). Значительный ущерб причинили повстанцы гетману Великому княжества Литовского Яну-Каролу Ходкевичу при доставке провианта осажденному в Москве гарнизону интервентов, перекрыв все идущие к ней дороги. Полякам удавалось продвигаться по ним только крупными отрядами.

Стихийно возникшие отряды восставших действовали в большинстве случаев независимо от представителей местных властей. Когда требовала обстановка,

повстанцы связывались с ратными людьми и общими усилиями истребляли большие отряды интервентов. Именно так, например, поступили ярославцы в 1609 году, когда Ярославль заняло войско Лисовского численностью в девять рот. Горожане разместили незваных гостей на посаде в различных концах, дав им достаточно пищи и кормов, подали весть об их приходе костромичам, галичанам и в другие города. Пришедшие на помощь в Ярославль русские ратники вместе с горожанами разбили наголову польский отряд. Пан Лисовский едва унес ноги. Совместные действия горожан и служилых людей увенчались полным успехом.

Столь же безуспешными оказывались попытки польских отрядов проникнуть и в другие районы Заволжья. Здесь они зачастую встречали решительный отпор со стороны нижегородцев, которые по первому зову приходили на помощь жителям городов и сел, подвергавшихся вражескому нападению.

Таковыми действиями поднимающихся на вооруженную борьбу с интервентами народных масс создавалась условия для освобождения Российского государства. Для польских и шведских захватчиков народное движение было огромным бедствием. Разными путями оно привело в конечном счете к изгнанию интервентов из пределов страны.

Осенью 1611 года Российское государство стояло на грани национальной катастрофы. Но ее, к счастью, не произошло: нашлась сила, которая спасла страну от порабощения. Русский народ поднялся на борьбу с захватчиками. Развернувшуюся народную войну можно по праву назвать войной отечественной – ведь речь шла о существовании самого Российского государства.

В сложившейся исторической ситуации требовалось только одно – чтобы кто-то вновь поднял знамя борьбы за национальное освобождение. Таким знаменосцем стал в Нижнем Новгороде земский староста Кузьма Минин, призвавший горожан, всех русских людей к созданию нового народного ополчения.

ПРИЗЫВ НИЖЕГОРОДСКОГО ВЕЧА

В начале XVII века Нижний Новгород был одним из крупнейших городов Московского государства. Возникнув как крепость-форпост Суздальской Руси на ее восточной границе, он постепенно утратил свое военное значение. Однако в нем имелся довольно большой и достаточно крепко вооруженный «каменный город», верхний и нижний посады его были защищены деревянными острогами с башнями и рвом. Гарнизон Нижнего Новгорода был невелик. Он состоял приблизительно из 750 человек стрельцов, кормовых иноземцев (наемников) и крепостной прислуги – пушкарей, воротников, затинщиков и казенных кузнецов.

Важное географическое положение (он располагался при слиянии двух крупнейших рек внутренней России – Оки и Волги) сделало Нижний Новгород крупным торговым центром. По своему экономическому значению он занимал в то время шестое место среди русских городов. Так, если Москва давала царской казне в конце XVI века 12 тысяч рублей таможенных пошлин, то Нижний – 7 тысяч.

Город был связан со всей волжской речной системой. В Нижний Новгород привозили рыбу из Каспия, меха из Сибири, ткани и пряности из далекой Персии, хлеб с Оки. Основное значение в городе имел торговый посад, в котором насчитывалось до двух тысяч дворов. В городе было также много ремесленников, а в речном порту – достаточно грузчиков и бурлаков. Нижегородский посад, организованный в десятни и объединенный в земский мир с двумя старостами во главе, являлся наиболее крупной и влиятельной силой в городе. По своему торгово-экономическому значению для государства Нижний Новгород стоял в одном ряду со Смоленском, Псковом и Новгородом. Более того, публицист XVI века Иван Пересветов советовал царю Ивану Грозному перенести в Нижний столицу.

В Смутное время Нижний Новгород не раз подвергался угрозе разорения со стороны поляков и тушинцев. Но нижегородцы ни разу не впустили в город иноземных захватчиков; больше того, Нижний посылал свою рать против врагов во время похода Скопина-Шуйского, успешно защищался сам и всегда приходил на помощь другим городам.

Вне всякого сомнения, именно в этих походах и сражениях раскрылся талант посадского человека Кузьмы Минина как умелого и бесстрашного предводителя городских ополченцев. Именно на поле брани нашел он в себе подлинно воинский дух. О таком человеке не мог не услышать князь Дмитрий

Пожарский, чьи владения в Суздальском уезде находились довольно близко от Нижнего Новгорода.

Еще более энергичную борьбу повели нижегородцы против Сигизмунда III, вторгнувшегося со своим войском в русские пределы. Одновременно с Рязанью Нижний Новгород призвал всех русских к освобождению Москвы. Примечательно, что грамоты с такими призывами рассылались не только от имени воевод, но и от имени посадских людей: так возросло в то время значение городских посадов в деле борьбы с польской и шведской интервенцией. 17 февраля 1611 года, раньше других, нижегородские ополченцы выступили к Москве и доблестно сражались под ее стенами в составе первого земского ополчения. Неудача первого ополчения не сломила волю нижегородцев к сопротивлению, наоборот, они еще больше убедились в необходимости всенародной борьбы до полной победы.

С Москвой нижегородцы поддерживали постоянную связь через своих отважных лазутчиков – боярского сына Романа Пахомова и посадского Родиона Мосеева. Они проникали в осажденную столицу и добывали необходимые сведения. Нижегородским лазутчикам удалось установить связь даже с патриархом Гермогеном, томившимся в Московском Кремле в подземной келье Чудова монастыря. Туда польские паны заточили Гермогена за то, что он обличал интервентов и их приспешников, призывал к борьбе русский народ. Озлобленный этим, Гонсевский, не смея открыто расправиться с патриархом, приговорил его к голодной смерти: на пропитание заточенному стали отпускать раз в неделю лишь сноп необмолоченного овса да ведро воды. Однако и это не устрасило русского патриота. Из подземной темницы Гермоген продолжал посылать свои гневные грамоты с призывами к борьбе с иноземными захватчиками. Доходили его грамоты и до Нижнего Новгорода.

Отсюда в свою очередь по всей стране расходились грамоты с призывом объединиться для борьбы с общим врагом. В этом богатом городе зрела решимость людей взять судьбу гибнущей страны в свои руки. Необходимо было воодушевить народные массы, вселить в них уверенность в победе, укрепить готовность идти на любые жертвы. Нужны были люди, которые обладали бы такими личными достоинствами и таким пониманием происходившего, чтобы возглавить народное движение за освобождение страны. Таким вождем, народным героем стал простой русский человек нижегородец Кузьма Минин.

Почему же именно его нижегородцы избрали 1 сентября 1611 года в земские старосты? «Муж родом не славен, – как бы отвечает на этот вопрос летописец, – но смыслом мудр, смышлен и язычен», то есть он подчеркивает ум и красноречие Минина, его боль за общее дело. И эти достойные человеческие качества сумело оценить нижегородское простонародье, выдвигая Сухорука на столь важный пост. Должность земского старосты была весьма почетна и ответственна. Он ведал сбором налогов и вершил судные дела в посадской среде, обладал значительной властью: посадские люди должны были земского старосту «во всех мирских делах слушаться», тех же, кто не слушался, имел право и принудить. Был Минин в Нижнем «излюбленным» человеком и за свою честность и справедливость.

Избрание земского старосты из числа «молодых торговых людей» (мелких торговцев) – лучшее свидетельство авторитета Кузьмы Минина среди горожан. Большой организаторский талант, страстный патриотизм, горячая ненависть к захватчикам выдвинули его в зачинатели второго земского ополчения. Величие Минина состоит в том, что он в нижегородском городском совете сумел увидеть ту организацию, которая способна была создать новое ополчение и поставить его деятельность на практическую основу. Именно поэтому он стал душой нового ополчения.

Свои увещания «помочь Московскому государству» Минин начал и в «земской избе», где он как староста должен был часто бывать, и на торгу, где стояла его лавка, и около своего дома в обычных собраниях соседей, и на сходках, где горожанам зачитывались грамоты, приходившие в Нижний Новгород, и т.д.

В октябре 1611 года Минин обратился к нижегородцам с призывом создать народное ополчение для борьбы с иноземными захватчиками. По колокольному звону сошелся народ к Спасо-Преображенскому собору на сходку. Здесь Кузьма Минин произнес свою знаменитую речь, в которой убеждал горожан ничего не жалеть для защиты родной страны: «Православные люди, похотим помочь Московскому государству, не пожалеем животов наших, да не токмо животов – двory свои продадим, жен, детей заложим и будем бить челом, чтобы кто-нибудь стал у нас начальником. И какая хвала будет всем нам от Русской земли, что от такого малого города, как наш, произойдет такое великое дело. Я знаю, только

мы на это подвинемся, так и многие города к нам пристанут, и мы избавимся от иноплемеников».

Патриотический призыв Кузьмы Минина получил горячий отклик у нижегородцев. По его совету давали горожане «третью деньгу», то есть третью часть своего имущества, на ополчение. Пожертвования делались добровольно. Одна богатая вдова из имевшихся у нее 12 тысяч рублей пожертвовала 10 тысяч — сумму по тому времени огромную, поразив воображение нижегородцев. Сам Минин отдал на нужды ополчения не только «всю свою казну», но и серебряные и золотые оклады с икон и драгоценности своей жены. «То же и вы все сделайте», — заявил он посадку.

Однако одних добровольных взносов было недостаточно. Поэтому был объявлен принудительный сбор «пятой деньги» со всех нижегородцев: каждый из них должен был внести пятую часть своих доходов от промысловой и торговой деятельности. Собранные деньги должны были пойти на раздачу жалованья служилым людям.

В нижегородское ополчение добровольцами вступали крестьяне, посадские люди, дворяне. В противоположность существующим традициям и установившемуся ранее порядку Минин ввел новый порядок в организации ополчения: ополченцам выдавалось жалованье, которое не было равным. В зависимости от военной подготовки и боевых заслуг ополченцы были поверстаны (разделены) на четыре оклада. Поверстаные по первому окладу получали в год 50 рублей, по второму — 45, по третьему — 40, по четвертому — 35 рублей. Денежное жалованье для всех ополченцев, независимо от того, дворянин ли он посадский или крестьянин, делало всех формально равными и соответствовало социальному составу ополчения.

Кузьма Минин не только сам внимательно и чутко относился к каждому воину, пришедшему в ополчение, но и требовал того же от всех военачальников. Так, он пригласил в земское ополчение отряд служилых смоленских дворян, которые после падения Смоленска, не желая служить польскому королю, бросили свои поместья и ушли в Арзамасский уезд. Прибывших смолян нижегородцы встретили очень тепло и обеспечили всем необходимым.

Не знатность происхождения, а умение, ратные способности, преданность Русской земле были теми качествами, по которым Минин оценивал человека.

С полного согласия всех жителей и городских властей Нижнего Новгорода по инициативе Минина был создан «Совет всея земли», являвшийся по своему характеру временным правительством. В его состав вошли лучшие люди поволжских городов и некоторые представители местных властей. С помощью «Совета» Кузьма Минин вел набор ратных людей в ополчение, решал другие вопросы. Нижегородцы единодушно облекли его званием «выборный человек всею землею».

Чрезвычайно важным стал вопрос: как найти воеводу, который возглавил бы земское ополчение? Нижегородцы не хотели иметь дело со своими воеводами. Окольничий князь Василий Звенигородский не отличался воинскими доблестями, состоял в родстве с Михаилом Салтыковым, подручным пана Гонсевского, окольничего (придворный чин и должность) получил по грамоте Сигизмунда III, а на нижегородское воеводство был поставлен Трубецким и Заруцким. Такому человеку не могло быть доверия. Второй воевода, Андрей Алябьев, хотя и всегда служил верой-правдой, но был известен лишь в своем, Нижегородском, уезде. Нижегородцы требовали, чтобы глава ополчения был искусным в военном деле и не прельщался на измену. Однако найти такого воеводу в Смутное время, когда переходы воевод из одного лагеря в другой стали обычным явлением, было не так-то просто. Тогда и предложил Кузьма Минин избрать воеводой князя Дмитрия Михайловича Пожарского.

Его кандидатуру нижегородцы и ополченцы одобрили. В пользу князя говорило многое: не знатен был и далек от продажной правящей верхушки, не имел думного чина, простой стольник. Не сумел сделать придворной карьеры, зато не раз отличался на поле брани. Был верен присяге, не шел на поклон иноземцам. Слава о героических подвигах князя в дни московского восстания весной 1611 года дошла и до Нижнего Новгорода. И жил он в своей вотчине всего в 120 верстах от Нижнего, где с марта по октябрь Дмитрий Михайлович лечился после тяжелых ранений. Особенно трудно заживала рана на ноге — хромота осталась на всю жизнь. Вот почему Пожарский получил прозвище Хромой.

Для приглашения князя Дмитрия Пожарского на воеводство нижегородцы отправили в село Мугреево Суздальского уезда почетное посольство. Есть

сведения, что до и после этого у него неоднократно бывал Минин, вместе они обговаривали вопросы организации второго земского ополчения.

Князь Пожарский не сразу принял предложение нижегородцев. Он прекрасно понимал, что, прежде чем решиться на такое почетное и ответственное дело, необходимо учесть все ошибки в организации первого земского ополчения, которые привели к его распаду. Он также понимал, что организаторам и руководителям нового ополчения необходимо завоевать народное доверие. Кроме того, Пожарский был наслышан о «непослушании воеводам» со стороны нижегородцев. А князь, бывший в свои 30 лет уже опытным военачальником, хотел с самого начала обладать всей властью большого воеводы, ибо в этом он видел один из залогов будущего успеха. К нему присылали из Нижнего Новгорода посольства не раз.

В конце концов еще не совсем оправившийся от ранений Дмитрий Пожарский дал свое согласие. Но и он поставил условие, чтобы нижегородцы сами выбрали из числа посадских людей человека, который бы стал вместе с ним во главе ополчения и собирал казну, и предложил на эту должность Кузьму Минина. На том и порешили. Таким образом, в земском ополчении князь Пожарский взял на себя лишь военное дело – вербовку и обучение ополченцев, руководство ими в походах и боях. А «выборный человек всею землею» Кузьма Минин-Сухорук стал заведовать ополченской казной. Таким образом, во главе второго земского ополчения стояли два человека, избранные народом и облеченные его доверием, – Минин и Пожарский.

В конце октября 1611 года Дмитрий Пожарский с небольшой дружиной воинов приехал из села Мугреево в Нижний Новгород и вместе с Кузьмой Мининым приступил к организации народного ополчения.

Они развили энергичную деятельность по созданию войска, которое, по мысли современников, призвано было окончательно освободить Москву от интервентов и тем самым положить начало всенародному делу изгнания иноземных захватчиков с Русской земли. Минин и Пожарский сознавали, что решить стоящую перед ними столь большую задачу они могут, лишь опираясь на «всенародное множество».

Кузьма Минин проявил при сборе средств большую твердость и решимость. От сборщиков налога на ополчение Минин требовал богатым поблажек не делать, а бедных несправедливо не утеснять. Несмотря на поголовное обложение нижегородцев, денег на обеспечение ополченцев всем необходимым все равно не хватало. Пришлось прибегнуть к принудительному займу и у жителей других городов. Обложению подлежали приказчики богатейших купцов Строгановых, купцы из Москвы, Ярославля и других городов, связанных торговыми делами с Нижним Новгородом. Создавая ополчение, его руководители начали обнаруживать свою силу и влияние далеко за пределами Нижегородского уезда. Были посланы грамоты в Ярославль, Вологду, Казань в другие города. В грамоте, разосланной от имени нижегородского ополчения к жителям других городов, говорилось: «Изо всех городов Московского государства дворяне и дети боярские под Москвою были, польских и литовских людей осадили крепкою осадю, но поток дворяне и дети боярские из-под Москвы разъехали для временной сладости, для грабежей и похищения. Но теперь мы, Нижнего Новгорода всякие люди, сославшись с Казанью и со всеми городами понизовыми и поволжскими, собравшись со многими ратными людьми, видя Московскому государству конечное разорение, прося у бога милости, идем все головами своими на помощь Московскому государству. Да к нам же приехали в Нижний из Арзамаса, смоляне, дорогобужане и ветчане... и мы, всякие люди Нижнего Новгорода, посоветовавшись между собою, приговорили: животы свои и дома с ними разделить, жалованье и подмогу дать и послати их на помощь Московскому государству».

На призыв нижегородцев поволжские города откликнулись по-разному. Такие малые города, как Балахна и Гороховец, сразу же включились в дело, Казань отнеслась к этому призыву поначалу довольно прохладно. Ее «государевы люди» считали, что первенствовать должна «царственная Казань – главный город Понизовья». В этих условиях ядром ополчения наряду с нижегородцами становятся служилые люди пограничных районов, прибывшие в окрестности Арзамаса после падения Смоленска, – смоляне, беляне, дорогобужане, вязьмичи, брэнчане, рославцы и другие. Их собралось до двух тысяч человек, и все они были опытными ратниками, не раз участвовавшими в боях с польскими интервентами. В дальнейшем в Нижний Новгород пришли дворяне из Рязани и Коломны, а также служилые люди, казаки и стрельцы из «украинных городов», сидевшие в Москве в

осаде при царе Василии Шуйском. Все они были пожалованы не хуже смолян. В ополчении наряду с казной была создана и особая канцелярия во главе с дьяком Василием Юдиным.

Узнав о формировании второго земского ополчения в Нижнем Новгороде и не имея возможности противодействовать этому, обеспокоенные интервенты обратились к патриарху Гермогену с требованием, чтобы он осудил подобное начинание. Патриарх отказался это сделать. Более того, по свидетельству летописца, он в сердцах проклял обратившихся к нему по поручению Гонсевского московских бояр как «окаянных изменников». Тогда его и начали «морить голодом». 17 февраля 1612 года Гермоген умер.

Руководителям второго ополчения необходимо было определить свое отношение к подмосковной власти бояр-воевод. Князь Дмитрий Трубецкой, получивший чин боярина в Тушино, и Иван Заруцкий, человек неведомого происхождения (атаман донских казаков), ставший боярином у Лжедмитрия II, не внушали доверия замосковному дворянству и верхушке посадского населения. В подмосковных «таборах» в это время началась скрытая борьба, а взаимное недоверие вождей казацкого войска в конце концов привело к их открытому военному столкновению.

С декабря 1611 года в стране действуют два временных правительства: «Совет всея земли» подмосковных полков, где верховодит атаман Иван Заруцкий, и «Совет всея земли» в Нижнем Новгороде. Если первый являлся в это время лишь военной казачьей организацией, то во второй входили предьявители духовенства и Боярской думы, посадских людей и дворян и даже волостей. Между этими органами власти идет борьба не только за влияние на местных воевод и за доходы, но и по вопросу о том, как освободить столицу. Бояре-воеводы, поддерживаемые властями богатого и влиятельного Троице-Сергиева монастыря, ратуют за скорейший приход ополчения под Москву. Их беспокоит самостоятельность и всевозрастающая сила нижегородской рати. «Совет всея земли» Нижнего Новгорода считает нужным повременить, предпочитая опрометчивым действиям упорную каждодневную работу по организации и сплочению ополчения. Это была линия Минина и Пожарского. Князь Дмитрий в этом политическом противоборстве выступал как «по избранию всей земли Московского государства всяких чинов людей и ратных и земских дел стольник и воевода», а Кузьма Минин – как «выборный человек всею землею».

Взаимоотношения между руководителями второго земского ополчения и подмосковными боярами-воеводами стали откровенно враждебными после того, как Трубецкой и Заруцкий начали переговоры с псковским самозванцем Сидоркой (Лжедмитрием III), которому затем и присягнули. Однако им вскоре пришлось отказаться от своего «крестного целования», так как такой поступок не нашел поддержки у казаков и был резко осужден Мининым и Пожарским.

Не сумев организовать блокаду должным образом, казацкие «таборы» позволили в январе 1612 года прорваться в Кремль большому польскому отряду пана Будилы вместе с обозом продовольствия. Тем самым осажденный гарнизон не только был спасен от голода, но и значительно усилился, получив свежее подкрепление.

Шло время. В результате неутомимой работы Минина и Пожарского уже к началу февраля 1612 года нижегородское земское ополчение представляло собой внушительную силу и достигало 5 тысяч человек.

Несмотря на то что работа по военному устройству народного войска полностью еще не была закончена, вожди ополчения решили начать поход. Первоначально был избран самый кратчайший путь – от Нижнего Новгорода через Гороховец, Суздаль на Москву.

Необходимо подчеркнуть: такой план соответствовал обстановке, которая сложилась к тому времени. Находившийся в Москве польский гарнизон испытывал острый недостаток в продовольствии. Голод заставил большую часть осажденных уйти из города в окрестные уезды на поиски продуктов питания. Из 12-тысячного вражеского войска в Кремле и Китай-городе остался примерно 4-тысячный гарнизон, истомленный голодом и малобоеспособный, но не испытывающий недостатка в вооружении и боеприпасах. Самые отборные отряды интервентов под командованием гетмана Ходкевича (3 тысячи человек) расположились в селе Рогачево недалеко от города Дмитрова; отряд Сапеги (5 тысяч человек) находился в городе Ростове. От Сигизмунда III помощи осажденному гарнизону не было, а «семибоярщина» сколько-нибудь реальной военной силы собой не

представляла. Это был очень удобный момент для выступления ополченского войска.

Воевода Дмитрий Пожарский составил план освободительного похода: воспользовавшись раздробленностью сил интервентов (а она могла быть временной), разбить их по частям. Сначала планировалось отрезать от Москвы отряды Ходкевича и Сапеги, а затем разгромить осажденный польский гарнизон и освободить столицу. Надеялся Пожарский и на помощь казацких подмосковных «таборов».

Но склонный к авантюрам атаман Иван Заруцкий начал открытые враждебные действия. Он решил захватить ряд крупных городов Северо-Восточной Руси и тем самым не допустить туда нижегородцев. Воспользовавшись отводом из Ростова Великого отряда Сапеги, Заруцкий в феврале приказывает своим казакам захватить Ярославль – важный в стратегическом отношении приволжский город. Туда же должен был направиться из Владимира казачий отряд атамана Просовецкого.

Как только стало известно, что Заруцкий начал открытые враждебные действия против нижегородского ополчения, Минин и Пожарский вынуждены были изменить первоначальный план освободительного похода. Они решили двинуться вверх по Волге, занять Ярославль, минуя опустошенные районы, где действовали казачьи отряды подмосковных бояр-воевод, и объединить усилия народа, поднявшегося на справедливую войну с интервентами.

Посланные Иваном Заруцким казаки ворвались в Ярославль. Встревоженные горожане отправляют гонцов к Пожарскому с просьбой о помощи. Тот спешно шлет в Ярославль конный отряд (700 человек) под начальством своего двоюродного брата князя Дмитрия Петровича Лопаты-Пожарского. Ополченцы стремительным ударом заняли город, взяли в плен казаков и посадили их в тюрьму. Отряду Просовецкого, бывшему на подходе к Ярославлю, не оставалось ничего другого, как повернуть назад, к подмосковным лагерям. Боя он не принял.

Получив известие от Лопаты-Пожарского, что Ярославль в руках нижегородцев, Минин и Пожарский в начале марта 1612 года отдают ополчению распоряжение выступить из Нижнего Новгорода в поход для освобождения столицы Русского государства.

НА ПУТИ К ПОБЕДЕ

Хорошо вооруженное и обученное ополчение двинулось в поход по правому берегу Волги через Балахну, Юрьевец и Решму. Погода торопила, наступала весна, грозя дорожной распутицей. Народную рать всюду встречали под звон колоколов, торжественно и с радостью. Войско росло с каждым днем, население городов и сел снабжало ополчение продовольствием, пополняло его казну.

Уже в первых городах, через которые прошло народное ополчение – Балахне и Юрьевце, – к нему присоединились новые отряды: в Балахне – Матвей Плещеев «со многими дворянами разных городов», а в Юрьевце – служилые татары. Новоприбывшие получили денежное жалованье. В районе Плеса ополчение переправилось на левый берег Волги. На подходе к Костроме прибыла делегация костромичей с предупреждением о нежелании воеводы Ивана Шереметева, ярого сторонника «семибоярщины», пускать ополчение в город. Ставленник московского боярина Мстиславского, приверженец королевича Владислава, костромской воевода приказал при появлении ополчения закрыть городские ворота. На крепостных стенах дежурили пушкари, готовые встретить земскую рать пушечными залпами. Возникла угроза военного столкновения.

Однако в Костроме вспыхнуло восстание горожан. Они схватили Шереметева и едва не убили его, не приди на помощь Пожарский. Заменяв враждебного воеводу по просьбе костромичей лояльным князем Р.Гагариным и взяв с собой «многую казну» Пожарский и Минин повели ополчение дальше. В Костроме, да и повсюду в пути, они действовали как правительственная власть.

К Пожарскому прибыли гонцы из Суздаля, в котором бесчинствовал отряд атамана-воеводы Просовецкого. Суздальцы умоляли избавить их от грабежа и разбоя. Князь Дмитрий назначил суздальским воеводой своего родственника князя Романа Петровича Пожарского – брата Лопаты и во главе с ним отправил в Суздаль отряд ополченцев. Просовецкий без боя сдал город и бежал под Москву.

В начале апреля 1612 года ополчение вступило в Ярославль. Здесь ему был оказан торжественный прием: многие жители вышли встречать народное войско далеко за город, а в самом Ярославле его приветствовал весь городской люд.

Ярославль в то время состоял из трех частей. Так называемый Рубленый город был обнесен невысоким валом с деревянным острогом. К нему приминал Земляной город (посад и торговый центр), окруженный глубоким рвом с водой и валом с деревянным тыном. Вокруг были расположены слободы. В военном отношении деревянные укрепления Ярославля не представляли хорошей защиты. Более надежными были каменные стены Спасского монастыря, расположенного около Земляного города. В 1603 году монастырь выдержал длительную осаду при нападении тушинцев.

Ополчение расположилось в Земляном городе и в пригородных слободах. Началось длительное «ярославское стояние». «Поход же их замешкался», — записал летописец. Ополчение задержалось в этом городе на целых четыре месяца. Нужно было пополнить ополчение людьми, казну — деньгами, укрепить связи с богатым северным Поморьем, волжскими городами и с Сибирью, обезопасить себя от возможных ударов в тыл со стороны шведов и казачьих отрядов. Наконец, надо было организовать, окончательно оформиться как временная центральная власть со всеми вытекающими отсюда правами и обязанностями.

Нижегородское войско пришло в Ярославль значительно пополненным за счет присоединения к нему ополчений из других городов и уездов. В Ярославле Дмитрий Пожарский при содействии и помощи Кузьмы Минина немедленно приступил к окончательному формированию земской рати и созданию военной и административной власти.

Уже 7 апреля из Ярославля пошли грамоты по русским городам с подписями, из которых мы узнаем руководителей второго земского ополчения. Главные места выделены людям, имеющим высокий сан: первая подпись принадлежит боярину Морозову, вторая — боярину князю Владимиру Тимофеевичу Долгорукому, третья — окольничему Головину, четвертая — князю Ивану Никитичу Одоевскому, пятая — князю Пронскому, шестая — князю Волконскому, седьмая — Матвеем Плещееву, восьмая — князю Львову, девятая — Мирону Вельяминову и только десятая — князю Пожарскому. На пятнадцатом месте читаем: «В «выборного человека всею землею», в Козьино места Минина, князь Пожарский руку приложил». За Мининым следует еще 34 подписи, в том числе князей Долгорукова и Туренина, Шереметевых, Салтыкова, Бутурлина.

Хотя фактическими руководителями ополчения, избранными народом, были Кузьма Минин и Дмитрий Пожарский, их подписи под грамотой не стоят первыми. Сказались законы местничества: сначала подписывались те, кто имел более высокое происхождение и чин.

Во время «ярославского стояния» Дмитрий Пожарский вместе со своими помощниками проделал огромную работу. В отличие от первого ополчения он создает стройную военную организацию. Пешие ратники объединяются в полки, а конные — в сотни. В каждый полк выделялся наиболее опытный в ратном деле и пользующийся наибольшим авторитетом среди ополченцев воевода. В конные отряды назначались сотни.

Пожарский строго разграничил обязанности воевод в ополчении. Они отвечали за воспитание и обучение ратников и непосредственно руководили действиями своего полка в сражении. Воевода должен был неустанно поддерживать воинскую дисциплину и быть образцом справедливости по отношению к воинам.

Много было сделано для упорядочения дела снабжения ратников жалованьем, продовольствием и снаряжением. Если воеводы в казачьих «таборах» Трубецкого и Заруцкого распорядились казной по своему усмотрению, раздавая ее зачастую только своим приближенным и вызывая тем самым недовольство рядовых казаков, то воеводы Пожарского исполняли только военные обязанности. Выдачу «денежных кормлений», или жалованья, ратным людям осуществляли чети (финансово-административные приказы) земского ополчения. В полку заведовал казной, выдавал жалованье, распределял продовольствие и снаряжение выборный из числа ратников.

Особой заботой Кузьмы Минина и Дмитрия Пожарского было вооружение ополчения. Из Ярославля во все города рассылались грамоты, которые призывали народ вступать в земское ополчение и присылать оружие, «наряд» (артиллерию) и порох для «огненного боя». В Ярославле было организовано производство копий, бердышей, рогатин и доспехов. Здесь огромную помощь Минину и Пожарскому оказали ярославский земский староста Григорий Никитников и богатый купец

Надей Светишников. С ополченцами воеводы и сотники проводили регулярные занятия по военному делу. Ратников обучали владеть в бою и огнестрельным (пищальями и пушками), и холодным оружием.

В целом обстановка благоприятствовала формированию мощной земской рати. Развернувшееся партизанское движение, боевые действия казаков подмосковных «таборов» и раздоры в стане интервентов позволяли Дмитрию Пожарскому и Кузьме Минину продолжать работу по укреплению и организации ополчения.

За четыре месяца пребывания в Ярославле ополчение более чем удвоилось. В него влились дворяне из Вологды, Галича и замосковных городов. Подошли новые отряды служилых татар – поволжских, касимовских и романовских. Царевич Араслан возглавил «сибирскую многую рать» из татар, казаков и стрельцов. К великому делу создания ополчения присоединились и другие народы, входившие в состав многонационального Российского государства. Из подмосковных «таборов» пришли к Минину и Пожарскому 17 казачьих атаманов с отрядами. Кроме того, из различных городов подходили стрельцы, «даточные люди» – крестьяне-ополченцы, служившие во вспомогательных отрядах.

Всего под знаменами Минина и Пожарского в Ярославле собралось свыше 10 тысяч служилых поместных людей, до 3 тысяч казаков, не менее тысячи стрельцов и множество «даточных людей» из крестьян (в своем большинстве последние были участниками партизанской борьбы с захватчиками), число которых в документах не приводится. Это было сильное войско. Вместить всех воинов Ярославль не смог. Пришлось построить дополнительно два особых лагеря.

Заботясь об обеспечении служилых людей, прежде всего дворян, руководители ополчения уже в Ярославле приступили к раздаче поместий. В то же время поместья у казаков отбирались, а вместо них казакам назначалось хлебное и денежное жалованье. В связи с этим возникла необходимость упорядочить земельный фонд, пришедший за период Смуты в расстройство. Начались дозоры (учет) земель, сведения о которых сохранились по ряду уездов. И в отрицательном отношении к казачьему землевладению, в попытках наладить учет земель для широкого наделения ими дворян руководители второго ополчения следовали примеру Прокопия Ляпунова. Восстанавливая крепостной порядок, они стремились укрепить и феодальную законность. Попытки нарушить правило владения крестьянами и землей знатью и дворянами пресекались.

Минину как главному «финансисту» ополчения пришлось приложить немало усилий, чтобы собирать большие денежные суммы для выдачи служилым людям и казакам жалованья. Между тем денег не хватало. Снова пришлось прибегнуть к принудительному займу. Теперь деньги одалживали не только у купцов, горожан и богатых людей в селах, но и у монастырей, в том числе и у такого богатого, как Соловецкий.

Кроме того, Минин и Пожарский наладили в Ярославле чеканку русских денег. Был создан Денежный двор.

В Ярославле окончательно оформилось «земское правительство», которое зародилось в Нижнем Новгороде. Наделять землей и крестьянами служилых дворян, выдавать им хлебное и денежное жалованье нельзя было, не имея Разрядного и Поместного приказов (органов государственного управления Руси того времени). В Ярославле действовал и ряд других приказов. Во главе Разрядного стоял дьяк Михаил Данилов; Поместным ведал Герасим Мартемьянов; Посольский возглавлял Савва Романчуков; Дворцовый, или Большой, – дьяки Никифор Емельянов и Патрикей Насонов. Работал и Судный приказ.

Вся эта огромная военно-организационная и государственная работа велась и направлялась временным правительством, во главе которого стояли Минин и Пожарский. В Ярославле действовал «Совет всея земли». «Священный собор» в нем представляли ростовский митрополит Кирилл, живший на покое в Троице-Сергиевом монастыре и вызванный оттуда в Ярославль особой грамотой, и местное духовенство; Боярскую думу – те немногие бояре и окольные, которые находились в городе. Главенствующую роль в «Совете всея земли» играли представители земской рати и посадских людей. Волостные же крестьяне, главная народная масса страны, в ярославском «Совете всея земли» в отличие от нижегородского уже не присутствовали.

Но и в таком составе ярославский «Совет всея земли» был достаточно представительным, пользовался огромным авторитетом и более значительными полномочиями, чем обычный земский собор при царе. Он распространял свою власть на большую часть территории страны, исключая южные районы, продолжавшие поддерживать подмосковные казачьи «таборы» Трубецкого и

Заруцкого, самоуправляющийся Псков, занятый шведами Новгород Великий и оккупированные Речью Посполитой западные области Российского государства.

Руководители «Совета всея земли» понимали всю трудность одновременной борьбы и с польскими, и со шведскими интервентами. Чтобы отвлечь внимание шведов от действий народного ополчения, с ними были проведены переговоры об избрании на русский престол шведского королевича. Пожарский занял в переговорах со шведским посольством, прибывшим из Новгорода, уклончивую позицию. Пожарский своими переговорами добивался того, чтобы удержать шведов, стремившихся захватить северные русские города.

Тем временем укреплялась северо-западная граница, в первую очередь такие важные стратегические пункты, которым угрожали шведские войска, как Тихвин, Каргополь, Белоозеро. По приказу Дмитрия Пожарского в кратчайший срок были восстановлены в то время полуразрушенные крепости в районе Тихвина и Белоозера. Придавая исключительно важное значение укреплению последней, Пожарский приказал «вкинуть в тюрьму на месяц» тех белоозерцев, которые отказались участвовать в крепостных работах, и предупредил, что в дальнейшем повесит уклоняющихся от работ.

Стратегический замысел Пожарского и Минина на «ярославское сидение» привел к усилению раздоров в лагере польских интервентов. Наемники, в первую очередь немецкие, требовали обещанного непомерно высокого жалованья. Кремлевский гарнизон был истомлен осадой. Положение его осложнялось враждой между польскими военачальниками Гонсевским и Струсем. Получив известия о сборах второго земского ополчения, Гонсевский покинул сожженную Москву. Вместе с ним ушло много польских солдат. В Кремле остались часть отряда Струся и полк Будилы в тысячу человек. В руках интервентов была вся кремлевская и Китайгородская артиллерия. Уход части поляков позволил подмосковным казачьим отрядам более надежно блокировать гарнизон и вести против него более активные бои. Пожарский после изгнания поляков из Москвы признавал, что казаки «над польскими людьми... промышляли всяким образом и тесноту им чинили, и на многих боях с ними бились не щадя голов своих». Подмосковные казачьи полки сумели так плотно обложить Кремль и Китай-город, что полякам оставался лишь тесный проход по берегу Москвы-реки подле Кремля.

Атаман Ходкевич, действовавший в Подмосковье, снабжал «кремлевских сидельцев» нерегулярно. Ему сильно мешали действия русских партизанских отрядов. «Шиши» нападали на фуражиров интервентов, уничтожали или обращали их в бегство, отбирали награбленное ими у населения добро, контролировали дороги из столицы, доставляли разведывательные данные в Ярославль. Шла настоящая народная война.

Вот что рассказывает о действиях повстанцев в своих записках ротмистр Маскевич, который подвергся нападению партизан вблизи лагеря Ходкевича, пробираясь с небольшим польским отрядом в осажденный Кремль. «Едва отошли мы на милю или на две от гетманского лагеря, — писал он, — напали на нас «шиши» и без труда одержали победу, ибо находившиеся при возах наших москвитяне тотчас передалась к своим; а другие загородили путь повозками; дорога же была узкая, а снега безмерно глубокие... Враги разорвали наш отряд надвое: одни из нас воротились к гетману, в другие, шедшие впереди, в числе коих и я был, пробившись сквозь «шишей», с трудом достигли Можайска. Тут, в деревне Вишенце, мы поймали старого крестьянина и взяли его проводником, чтобы не заблудиться и не набрести на Волок (ныне город Волоколамск), где стоял сильный неприятель. Он вел нас в одной миле от Волока; ночью же нарочно повернул к тому месту. Уже мы были в одной только версте; к счастью, попался нам Руцкий, который в то время, проводив товарищей, вышедших из столицы к пану гетману, возвращался под самыми стенами Волока на свои квартиры в Рузу, где стоял с казацкою ротою. От него узнали мы, что сами идем в руки неприятелю, и поспешили воротиться. Проводнику отсекали голову; но страха нашего никто не вознаградит».

Таких народных героев было много. Исторические документы, к сожалению, почти не донесли до нас имен героев из «черного люда», жертвовавших своей жизнью ради освобождения Родины, как и имен казаков-патриотов, целыми отрядами переходивших на сторону Минина и Пожарского.

К концу «ярославского сидения» «Совет всея земли», почувствовав силу, активизировал наступательные действия. Он продолжал придерживаться старой тактики, применявшейся еще в Нижнем Новгороде и по пути в Ярославль, — смещал в городах воевод и назначал своих, прибирал к рукам власть на местах.

Казацкие отряды Заруцкого и Трубецкого изгонялись из все новых и новых уездов. Дорога на север была им закрыта, а самих их загнали на небольшую территорию у Москвы, и имели они только один выход – на юг. Неприятной для бояр-воевод новостью явилась попытка ярославского правительства наладить контакты с южными служилыми дворянами, которые еще поддерживали казацкие «таборы». По мере усиления ярославской власти меняется ее отношение к казакам подмосковных «таборов». Атамана Ивана Заруцкого теперь открыто обвиняют в убийстве Прокопия Ляпунова, в присяге псковскому Лжедмитрию III и в незаконной раздаче своим сторонникам «черных», дворцовых и монастырских земель.

Но и в это время Пожарский и Минин, другие руководители второго земского ополчения согласны были действовать с подмосковными полками совместно, если казаки откажутся от псковского самозванца. Ведь большинство казаков – выходцев из беглых крестьян и холопов – свято верили в дело освобождения Российского государства от иноземных захватчиков. Летописец писал: «Стояли под Москвою «таборы» очищения ради града Москвы от королевских людей».

6 июля в Ярославль прибыло посольство от Трубецкого и Заруцкого с уверениями, что «таборы» больше не будут признавать Сидорку, лишь бы склонить на свою сторону Минина и Пожарского. Однако руководители второго ополчения оказались непреклонны. Верхом унижения для бояр-воевод стал отказ князя Дмитрия от богатого костромского села Воронино, которое они «дарственно» предложили Пожарскому, дабы задобрить его.

Тогда Заруцкий решил расправиться с Пожарским. Прежде чем пустить в ход нож, он попытался «испортить» (отравить) князя. Один из летописцев того времени писал, что Дмитрий Пожарский во время походов страдал, как тогда выражались, «черным недугом», и связывалось это с «порчей» от донского атамана. А покушение на Пожарского было произведено во второй половине июня 1612 года, когда он осматривал на «съездем дворе» пушки, предназначенные к отправке под Москву. Здесь и попытались организовать убийство казаки Обрезок и Стенька, подсланные Заруцким и нашедшие себе в Ярославле за деньги сообщников. В возникшей на дворе толчее Стенька хотел нанести князю удар ножом в живот, но промахнулся и поранил ногу сопровождавшему Пожарского казаку Роману, который заслонил собой воеводу. Покушавшегося схватили и пытали; тот назвал своих сообщников. Они во всем повинились. Их хотели казнить, но Пожарский убедил этого не делать. Решено было одних посадить в тюрьму, других взять с собой под Москву, чтобы уличить Заруцкого в заговоре.

Чтобы окончательно разоблачить «тушинского боярина» Заруцкого, Пожарский разослал ряд грамот, так, в грамоте, обращенной к «украинным» (южным) городам, Дмитрий Пожарский с большим красноречием разоблачал предательские действия атамана Ивана Заруцкого, направленные на гибель Московского государства. Грамота имела успех: из южных городов пошли ратники на помощь второму земскому ополчению. Юг страны стал отказывать в доверии и поддержке подмосковным боярам-воеводам.

В середине июля Пожарский и Минин, учитывая благоприятную обстановку, сложившуюся для их земской рати, начали активные военные действия. Из Ярославля к Москве были высланы передовые конные отряды. Во главе первого, насчитывавшего 400 всадников, находились воевода Михаил Дмитриев и арзамасский дворянин Федор Левашов. Этот отряд ополчения прибыл в столицу 24 июля и расположился у Петровских ворот. 2 августа к Москве подошел отряд в 700 всадников под командованием князя Дмитрия Лопаты-Пожарского и расположился у Тверских ворот. Передовым отрядам князь Дмитрий строго наказал: стоять отдельно от казаков из подмосковных «таборов», построить острожки и укрепиться в них до подхода главных сил земского ополчения. Узнав о приходе в Москву передовых отрядов второго ополчения, Заруцкий понял, что его дело проиграно. Он решился на отчаянный, вероломный шаг. Атаман попробовал вступить в переговоры с гетманом Ходкевичем, но о них стало известно через польского ротмистра Хмелевского, перешедшего на русскую службу. Предательство Заруцкого глубоко возмутило казацкий лагерь. В нем произошел давно назревавший раскол. Большинство казаков ожидали прибытия ополчения, чтобы совместно биться с интервентами и освободить столицу. Остальные, склонные к грабежу и насилию, покинули подмосковные «таборы» и бежали в Коломну. Разграбив город и прихватив с собой Марину Мнишек и «воренка», с которыми он связывал свои далеко идущие честолюбивые планы,

Заруцкий отправился дальше на юг через Михайлов, Переславль-Рязанский, Воронеж, пока не добрался до Астрахани. На своем пути отряд Заруцкого сеял смерть и разрушения, разоряя и помещиков, и крестьян, и посадских людей.

Опасных беглецов захватили позднее, в 1614 году. Им была уготована страшная участь: Заруцкого казнили, посадив на кол, малолетнего «воренка» повесили, Марина Мнишек умерла в заточении в Коломне. Таким образом, одна из задач, поставленных Мининым и Пожарским, получила свое разрешение: земское ополчение почти без вооруженных столкновений избавилось от той части казачества подмосковных «таборов», которая выступала против них.

Пламя войны, многие годы бушевавшее на просторах Российского государства, с самого начала привлекало иностранных наемников, готовых за хорошие деньги служить кому угодно. Предлагались такие услуги и Дмитрию Пожарскому. К нему из Архангельска (уже после выступления ополчения из Ярославля) прибыли англичане капитан Яков Шоу и Артур Астон, представлявшие группу командиров иностранных наемников, собравшихся в этом портовом русском городе. В своей грамоте они изъявляли желание наняться к Пожарскому на воинскую службу и присоединиться вместе со своими солдатами к ополчению, на что князь Дмитрий ответил: «Теперь наемные люди не нужны Московскому государству; польско-литовские войска были опасны, пока само Московское государство было в розни; теперь же московские люди заодно». Тут же Пожарский отметил, что не понимает присутствие в отряде наемников, желающих якобы помочь Москве, француза Маржерета, который служил первому самозванцу, затем «тушинскому вору», вместе с Гонсевским жег Москву. Такому человеку русские люди просто не могут верить. Пожарский посоветовал иностранцам-наемникам в Российское государство не приезжать и «тем себе убытку не делать».

А в Архангельск Дмитрий Пожарский отправил воинский отряд и заменил двинского воеводу, допустившего появление на Севере отряда иностранных наемников, на воеводу князя Федора Татеева, наказав ему крепко беречь северные рубежи.

Завершить полностью подготовку второго земского ополчения к московскому походу Пожарскому и Минину не удалось. В июле 1612 года до Ярославля дошли вести о том, что польский король Сигизмунд III собрал, снарядил и отправил на Москву отборное 12-тысячное войско на помощь осажденному в столице гарнизону интервентов. Войском командовал опытный полководец гетман литовский Ян-Кароль Ходкевич. Он учел опыт предыдущих боев и постарался укрепить свою армию пехотой. Король прислал ему в подкрепление полторы тысячи пехотинцев, многие из которых участвовали в осаде Смоленска. В походе на Москву приняло участие и около 8 тысяч запорожских казаков. Их возглавляли атаманы Заборовский, Наливайко и Ширай. Ходкевич поддерживал постоянную связь с командирами полков осажденного гарнизона Будилой и Струсем. В решающий момент они должны были нанести русскому войску удар с тыла.

Задача Ходкевича состояла в том, чтобы опередить второе земское ополчение и провести свое войско и большой обоз в Москву, соединиться с поляками, засевшими в Кремле и Китай-городе как в неприступной крепости. Если бы это произошло, то выбить врага оттуда было бы очень трудно. Более того, Сигизмунд III не оставил своих планов захвата Российского государства, что он и еще раз попытался осуществить впоследствии.

Пожарский не мог допустить соединения войск гетмана Ходкевича с московским гарнизоном. Он объявил поход на поляков. Борьба за освобождение столицы вступила в заключительную фазу.

ОСВОБОЖДЕНИЕ МОСКВЫ

Дмитрий Пожарский и Кузьма Минин с основными силами народного ополчения выступили из Ярославля 27 июля, послав по городам гонцов собирать в полки всех ратных людей. Войско сопровождали громоздкий обоз и артиллерия, что при плохих дорогах заметно задерживало продвижение земской рати. Позаботился Пожарский и о разведке: передовые конные отряды Лопаты-Пожарского, Дмитриева и Левашова прикрывали смоленское направление, с которого должен был подойти Ходкевич.

Через два дня ополчение дошло до Шепуцкого стана, находившегося в 29 верстах от Ярославля. Здесь Пожарский передал начальство над ополчением своим

заместителям — Кузьме Минину и князю Ивану Хованскому, воеводе с большим боевым опытом, а сам поехал в Суздаль поклониться праху своих предков, похороненных в Спасо-Евфимиевском монастыре.

Выполнив этот обычай древнерусских воевод, отправлявшихся в опасные походы, князь Пожарский догнал ополчение в Ростове. Здесь его застали посланцы из Белоозера, которые просили о помощи. Остерегаясь предательского удара со стороны шведов, он направил Григория Образцова с отрядом ратников в 500–600 человек на Белоозеро. В Ростов к воеводе прибыл из-под Москвы атаман Кручина Внуков с товарищами. Казачий круг, послал их, чтобы уведомить князя Дмитрия о бегстве Заруцкого. Минин и Пожарский наградили Внукова жалованьем и отпустили с добрыми словами. Во время похода к ополчению не раз приезжали казаки из подмосковных «таборов» разведать, не затевается ли что-нибудь против них. Но Дмитрий Пожарский и Кузьма Минин принимали их неизменно приветливо, одаривали деньгами и сукнами и отпускали назад под Москву.

В середине августа 1612 года земское ополчение раскинуло свой лагерь у стен Троице-Сергиева монастыря. Пожарский с Мининым хотели воспользоваться услугами богатого и влиятельного монастыря, чтобы договориться с подмосковными «таборами» о совместных действиях. Однако эта попытка не удалась из-за несогласия Трубецкого.

Известие от воевод передовых отрядов о движении к Москве войск гетмана Ходкевича заставило ускорить движение земской рати под стены столицы. 18 августа Пожарский повел ополчение на столицу. Но перед этим он отправил вперед отряд стольника князя Василия Туренина, приказав ему встать в Москве у Чертольских (ныне Пречистенские) ворот отдельно от казаков. Основные силы Дмитрий Пожарский приказал расположить у Арбатских ворот. Тем самым войско Ходкевича перекрывался основной путь в Кремль. Решение полководца разбить свой лагерь на направлении возможного главного удара свидетельствовало о его желании сражаться до конца.

Дозорные, высланные вперед, провели рекогносцировку местности в районе Арбатских ворот. Воеводы предполагали преодолеть оставшееся до Москвы расстояние за два дня, Земское войско торопилось. На следующий день полки Пожарского подошли к Ростokino, что в пяти верстах от столицы на берегу реки Яузы. Был дан приказ расположиться лагерем на ночлег. Тысячи костров запылали на яузских берегах.

Из казачьих «таборов» Трубецкой беспрестанно слал к Пожарскому гонцов, призывая его в свой лагерь. Подмосковные полки располагались у Крымского двора (близ Крымского моста). Казаки провели под Москвой больше года и успели укрепить свой яузский острог высокими валами. Внутри их лагеря было много брошенных землянок, шалашей и изб. Ярославские ратные люди могли бы удобно расположиться в них, но Пожарский и Минин решительно отвергли предложения «казачьего боярина». «Сонет всея земли», не доверяя казачеству, решил с ним в одном месте не располагаться.

На это решение командования второго земского ополчения повлияло и то, что позиция подмосковных полков не годилась для предстоящего сражения, так как находилась в стороне от Можайской дороги, по которой к Москве подходил Ходкевич. Князь Дмитрий решил расположить свою рать в западных городских кварталах, чтобы преградить путь неприятелю в Кремль.

Переночевав на берегах Яузы, войско Пожарского утром 20 августа вступило в Москву. Прошло полтора года с того дня, как тяжелораненый воевода покинул горящую столицу. Городские руины остались немymi свидетелями бед, выпавших на долю москвичей. Пройдя пожарища, ополчение заняло Арбатские ворота и весь район между Арбатскими и Чертольскими воротами. Пожарский расположил отряды ополченцев у стен Белого города по Земляному валу, господствовавшему над близлежащей местностью. На левом фланге, который у Чертольских ворот и у Алексеевской башни примыкал непосредственно к Москве-реке, расположился отряд под начальством князя Туренина. Правый фланг земской рати прикрывал отряд Дмитриева и Левашова, укрепившийся у Петровских ворот. Тверские прикрывал отряд князя Лопаты-Пожарского.

Пожарский приказал сооружать земляные укрепления, рыть окопы для размещения стрельцов с «огненным боем». Часть пищальников была расположена на стенах Белого города. До глубокой ночи ополченцы, в основном «даточные люди» (пожизненно военнообязанные крестьяне), сооружали деревянный острожек и рыли вокруг него глубокий ров. Множество москвичей помогали ратникам.

Занятые народными ополченцами позиции были сильны тем, что они опирались на каменные стены Белого города, где были установлены пушки, и шли по Земляному валу, который господствовал над всей низиной, тянувшейся по направлению к Воробьевым горам. Пожарский, как главнокомандующий, предвидел, что гетман поведет наступление от Новодевичьего монастыря на Белый город, чтобы затем прорваться в Кремль. Вот почему именно на этом направлении князь Дмитрий сосредоточил свои главные силы и постарался как можно лучше укрепиться. Помощниками его здесь были Кузьма Минин и воевода Иван Андреевич Хованский, в Смутное время принимавший деятельное участие в борьбе с самозванцами и поляками.

Еще при подходе народного ополчения к Москве князь Трубецкой выехал ему навстречу и вступил в переговоры с Пожарским и Мининым. Те вновь отклонили предложение предводителя подмосковных «таборов» объединить силы в единое войско. Свидание воевод закончилось безрезультатно. Князя Трубецкого как аристократа возмутило то, что с ним на равных в переговорах участвовал посадский человек Кузьма, да еще из людей небогатых: «Уже мужик нашу честь хочет взять на себя, а наша служба и радение ни во что будет».

Несмотря на то что Пожарский отказался объединиться с казачьим войском, он дал Трубецкому в помощь по его просьбе пять отборных конных сотен. За это боярин-воевода обязался оборонять Замоскворечье. Казаки подмосковных полков располагались к юго-востоку от Белого города, имея главные силы в укрепленных «таборах» у Яузских ворот и на Воронцовском поле. Было оговорено, что Трубецкой ударит во фланг и в тыл войска Ходкевича с правого берега Москвы-реки из Замоскворечья. Связующим звеном между казачьими полками и вторым земским ополчением стал отряд Туренина.

В Замоскворечье казаки соорудили два опорных пункта – острожка. Один из них находился около церкви Климента (Климентьевская церковь) в конце Пятницкой улицы. Через нее шла большая торговая дорога на Рязань. После пожара здесь остались лишь полуобгоревшие развалины, в которых ютились вернувшиеся в город москвичи. Другой острожек был сооружен вблизи Москворецкого моста, против Китай-города, в Ендове, около пятиглавой краснокаменной церкви Георгия, сохранившейся до наших дней. Ендовой называлась местность, расположенная между Москвой-рекой и старицей – старым руслом реки Москвы (теперешний водоотводный канал). В обоих острожках находились казачьи отряды на случай нападения врага.

20 августа, едва ратники земского ополчения успели возвести острог и выкопать ров, Пожарскому доложили, что гетман Ходкевич выступил из Вязем (поселок в 40 километрах по Смоленской дороге от Москвы). Хорошо организованная конная разведка не позволила польскому войску застать русских врасплох. Размещая свои отряды в столице, Пожарский все время наблюдал за действиями противника, что позволило ему разгадать его замысел.

Без внимания Пожарского не остались и засевшие за крепкими кремлевскими и Китайгородскими стенами полки Струся и Будилы. И в Белом городе, и в Замоскворечье были выставлены крепкие сторожи (сторожевые отряды), наблюдавшие за выходами из Кремля и Китай-города. Русское войско было готово встретить удар осажденного гарнизона в свой тыл.

Утром 21 августа на заре Ходкевич подошел к Поклонной горе, в семи верстах от Москвы. К вечеру все его 12-тысячное войско и запорожские казаки расположились здесь лагерем.

Главнокомандующий польской армией Кароль Ходкевич был опытный воин, сражавшийся ранее в Нидерландах в испанских войсках под знаменами герцога Альбы и против турок, одержавший до похода в Русское государство ряд побед, в том числе при Кирхгольме над шведским королем Карлом IX. Как военачальник гетман пользовался большой известностью и славой в Европе. Основную часть его армии составляла конница: украинские казаки (запорожцы и «черкасы»), конные шляхетские отряды и венгерская кавалерия, которая считалась лучшей в Европе. Пехоты у Ходкевича было сравнительно немного, и состояла она из наемников: немцев, поляков, венгров и других. Личная дружина Ходкевича насчитывала 2 тысячи воинов. Помимо ее он имел в своем войске пять отрядов пехоты и конницу. Украинские казаки были отдельной частью королевского войска. К этому времени осажденный польский гарнизон насчитывал около 3 тысяч хорошо вооруженных воинов. Общие силы врага достигали свыше 15 тысяч человек.

И наемная королевская пехота (около 1500 человек), и шляхетская конница имели неплохое вооружение: ружья, сабли, копья, стальные доспехи. Эти войска

умели сражаться регулярным правильным строем, то есть применять передовую воинскую тактику того времени. Так, тяжело вооруженные польские гусары мчались в атаку шеренгой, выставив вперед ряд длинных копий. Пехота также наступала стройными рядами.

Что касается народного ополчения, то оно было вооружено хуже, особенно ратники-крестьяне и посадские люди. Чуть лучше были экипированы казачьи отряды. Только очень немногие дворяне имели стальные доспехи. Часть служилых людей и казаков имели пищали.

Наиболее правильно определяется соотношение сил сторон в работе исследователя Г.Бибикова «Вои русского ополчения с польскими интервентами 22–24 августа 1612 года». Два передовых конных отряда земской рати Пожарского насчитывали 1100 ратников. В главных силах ополчения, которые подошли к столице, находились пушкари «наряда» (количество орудий неизвестно), около тысячи стрельцов, до 1,5 тысячи казаков, 2–3 тысячи дворян, вооруженных крестьян и посадских людей. Всего второе ополчение могло иметь 6–7 тысяч человек. (Часть сил его несла гарнизонную службу, прикрывала главные силы с севера от шведов, боролась с разбойными отрядами поляков и тушинцев, рыскавших по стране.) У Трубецкого в подмосковных «таборах» находилось примерно 2,5 тысячи казаков, которые в предыдущих сражениях не раз показывали свою низкую дисциплину и боеспособность. Следовательно, общая численность земской рати, находившейся в Москве, не превышала 8–10 тысяч ратных людей.

Положение русского войска осложнялось еще и тем, что в нем не было согласия – Пожарский не мог с полной уверенностью положиться на казачьи отряды Трубецкого. А во время боя в случае вылазки кремлевского гарнизона ополченцы могли оказаться между двух огней. Приближение Ходкевича с войском в Кремле заметили с колокольни Ивана Великого. Осажденные возликовали: появилась надежда на скорое освобождение, на избавление от голодной смерти. Струсь и Будила привели свои полки в боевую готовность. Лазутчики Ходкевича сумели в тот же день проникнуть за крепостные стены и сообщить Струсю план гетмана на предстоящее сражение. Предполагалось, что, в то время как войска Ходкевича атакуют земское ополчение, осажденные должны выйти из-за крепостных стен и ударить в тыл русских.

Следовательно, интервенты имели не только более выгодное расположение своих сил, но и некоторое численное превосходство, которое в коннице, например, было очень заметно. Необходимо отметить и их лучшее вооружение, и большее количество профессиональных воинов и опытных военачальников. Поляки видели свое превосходство. Так, пан Будила с издевкой писал Дмитрию Пожарскому: «Лучше ты, Пожарский, отпусти к сохам своих людей».

Зато важным преимуществом ополченцев был высокий воинский дух ратных людей – патриотов, сражавшихся за родную землю, за освобождение Российского государства, своей столицы от иноземных захватчиков. Русские воины приносили присягу; «Стоять под Москвою и страдати всем... и битись до смерти».

Воины гетмана, сознавая, что в разоренной Москве их ждет не богатая добыча, а ожесточенное сопротивление, не могли похвастаться энтузиазмом в своих рядах. За их спиной, в Варшаве, усилилось недовольство королем Сигизмундом III, обещавшим быстрый успех и большие богатства покоренной России, а в действительности в ней завязшим. Даже такой успех, как захват Смоленска, достался Польше слишком дорогой ценой. Поэтому авантюрная политика короля имела в Речи Посполитой немало противников, часть которых выступала за поддержание добрососедских отношений с Российским государством.

Надо отдать должное Дмитрию Михайловичу Пожарскому – воеводе русского войска, правильно определившему направление главного удара противника. Гетман Ходкевич, как и предвиделось, решил прорываться в Кремль по Смоленской дороге в направлении Чертольских и Арбатских ворот. Поэтому навстречу врагу, к Новодевичьему монастырю, командование ополчения заблаговременно выслало конницу, а пехота изготовилась к бою на валу Стародума (Деревянный город), используя окопы. Были усилены и сторожи, наблюдавшие за западным фасом Кремлевской стены.

Казаки Трубецкого выступили к Крымскому двору, расположенному недалеко от Калужских ворот, с целью преградить путь врагу в Замоскворечье. Посланные вечером 21 августа в помощь Трубецкому пять конных сотен ополченцев заняли позицию на правом берегу Москвы-реки южнее Крымского двора.

К утру 22 августа войска гетмана Ходкевича перешло Москву-реку у Новодевичьего монастыря и изготовилось к бою. Свой удар Ходкевич наносил по

левому флангу ополчения у Чертольских ворот. Здесь Пожарский построил свои войска таким образом: конные сотни выдвинул вперед, а стрельцов и пеших ратников расположил в окопах Земляного вала.

Сражение качалось рано утром, в первом часу дня. (Часы дня в начале XVII века в России считались от восхода, а часы ночи – от захода солнца.) Имея значительное превосходство в коннице, Ходкевич бросил свои отряды против сотен русских, изготовившихся к бою в районе Девичьего поля. Польским тяжело оснащенным гусарам противостояла хуже вооруженные, но более подвижные русские всадники. Бой сразу принял упорный характер, Противники попеременно теснили друг друга. Атаки производились то одной, то другой стороной и долгое время не давали результата.

Бой конницы продолжался семь часов. В конце концов, имея количественное и качественное превосходство, польская конница начала теснить конные ополченские сотни, и им пришлось отступить в направлении Чертольских ворот.

В результате кровопролитного боя противник подошел к Земляному валу. Наступили критические часы сражения. Стремясь развить наметившийся успех, Ходкевич ввел в дело наемную пехоту, до этого помогавшую коннице лишь частью сил. Пехота интервентов во взаимодействии с конницей пошла на штурм Земляного вала.

Профессиональные наемные солдаты, имевшие большой военный опыт и сноровку, сбили ополченцев с вала (хотя и понесли при этом немалые потери) и заставили их отступить в пределы Земляного города, где ожесточенный бой продолжался на улицах среди развалин.

Главный свой удар Ходкевич снова наносил по левому флангу русских войск, прижав их к берегу Москвы-реки. Пожарский, держа в своих руках все нити управления войсками и видя, что сражение переместилось на городские улицы, приказал ополченской коннице спешиться. Это он сделал по двум соображениям. Во-первых, в Деревянном городе, где было много окопов, развалин, различных укреплений, конница не могла эффективно действовать, как в поле, и несла неоправданные потери; во-вторых, спешивая конницу, князь Дмитрий преследовал еще одну важную цель – он решил усилить свою пехоту, которая вела ближний бой. Из окопов русские ратники залпами били по наемникам, а затем сходились в рукопашную.

В разгар сражения у стен Белого города полковник Струсь решил нанести удар в тыл ополчения и соединиться с войсками Ходкевича. Но отряд, который Пожарский заранее выделил для защиты Чертольских ворот с тыла, и сторожи ополчения отбили атаку. В этом бою на глазах Кузьмы Минина был убит его любимый племянник – бесстрашный воин Фотим Еремкин. С трудом удалось отряду костромичей, которым предводительствовал ремесленник Ремень, загнать поляков обратно в Кремль. При этом интервенты понесли большие потери.

Неудачно закончилась также вылазка поляков в районе Водяных ворот (около теперешнего Каменного моста). Несмотря на то что со стен Кремля обстреливали ополченцев из пушек, они не только не отступили, но и захватили у противника знамена, многих поляков перебили, а остальных заставили повернуть вспять. Сторожи ополчения выполнили свою задачу, не позволив осажденному гарнизону в разгар сражения нанести удар в спину русских войск.

В то время как ополчение Пожарского вело упорный, тяжелый бой с интервентами и очень нуждалось в помощи, князь Трубецкой со своими казаками бездействовал. Он стоял на правом берегу Москвы-реки и спокойно наблюдал, как русские ратники, истекая кровью, героически отражали беспрерывные вражеские атаки.

Польские войска начала теснить отряды Пожарского, грозя опрокинуть их в Москву-реку, а Трубецкой на помощь не шел. Некоторые казаки, обозленные нежеланием ополчения стать вместе с ними в «таборах», язвили по поводу ополченцев: «Богаты пришли из Ярославля, так сами одни отбивайтесь от гетмана». Однако когда на глазах у казаков левый фланг ополченцев оказался отрезанным и поляки прижали его к берегу реки, на помощь своим, не ожидая приказа Трубецкого, бросились через реку в бой конные сотни, переданные накануне из ополчения. За ними последовали со своими отрядами атаманы Афанасий Коломна, Дружина Романов, Филат Можанов и Макар Козлов. Перед выступлением они заявили Трубецкому, что «в вашей (к Пожарскому. – А.Ш.) нелюбви Московскому государству и ратным людям пагуба только чинится. Почему не помогаешь погибающим?» Удар пяти свежих конных сотен ополченцев и четырех

отрядов казаков во фланг противнику в конечном счете решил исход сражения 22 августа. Натиск поляков иссяк.

Войско Ходкевича, понеся за день огромные потери, спешно отступило за Москву-реку на Воробьевы горы. Интервенты оставили на поле боя свыше тысячи убитых. Еще больше было раненых. Однако, несмотря на потери в людях и коннице, гетман не терял надежды прорваться в Кремль и оказать помощь осажденному гарнизону.

Теперь план польского военачальника заключался в следующем: начать наступление через Замоскворечье (Ходкевич отметил бездействие и безынициативность Трубецкого) и одновременно вылазкой Струся из-за Кремлевской стены сковать действия ополчения Пожарского. Гетман, видя, что с этой стороны трудно подать осажденным помощь и доставить продовольствие, потому что русские хорошо укрепили Белый город и заслонили путь к Кремлю своим «табором», передвинулся на другую сторону реки Москвы, где русские не столь надежно укрепились и имели лишь два острожка.

В ночь на 23 августа изменник дворянин Григорий Орлов, получивший от Сигизмунда III за донос на князя Пожарского документ на право владения его именем, провел через Замоскворечье 600 гайдуков (пехотинцев) полка Неверовского с небольшим обозом. Они незаметно прошли по правому берегу реки через плодовый государев сад, перебрались по бревенчатому Замоскворецкому мосту и проникли в Кремль, передав продовольствие осажденным.

На обратном пути гайдуки, воспользовавшись беспечностью казаков Трубецкого, захватили острожек и церковь Георгия на Ендове и укрепились там.

Весь день 23-го и ночь на 24 августа происходила, исключая небольшие стычки, перегруппировка сил противоборствующих сторон. Войско Ходкевича, готовясь прорваться в Кремль с юга через Замоскворечье, от Новодевичьего монастыря перешло к Донскому, раскинув там свой временный стан.

Разгадав замысел противника, Дмитрий Пожарский также провел перегруппировку своих сил. Он с Кузьмой Мининым и воеводами перешел к церкви Ильи Обыденного на Остоженке. Главные силы ополчения были переведены к берегу Москвы-реки. Сюда же были оттянуты от Петровских, Тверских и Никитских ворот отряды Дмитриева и Лопаты-Пожарского. Примерно одну треть своего войска (пехоту, конницу и две пушки) Пожарский переправил на правый берег реки, чтобы стать на направлении вероятного наступления Ходкевича.

Оборонять Замоскворечье было значительно труднее, чем левобережье Москвы-реки. Вместо каменных стен Белого города здесь были лишь рвы и валы Деревянного города с остатками полусгоревшей и полуразрушенной деревянной стены да острожек на Пятницкой улице. Второй острожек в Ендове теперь находился в руках пана Неверовского. Надежной защитой ополченцам могли служить также ямы и бугры на месте выгоревших замоскворецких кварталов. В дополнение к этому казаками Трубецкого было вырыто много ям-окопов для людей с огнестрельным оружием.

Зная, что Ходкевич будет вести наступление прежде всего конными отрядами, князь Дмитрий расположил своих стрельцов по рву Земляного города, где были поставлены две пушки. Отборные конные сотни были выдвинуты вперед за Земляной вал с задачей принять на себя первый удар войск гетмана. Трубецкой находился на берегу Москвы-реки (у Лужников). Его ополченцы занимали острожек у церкви святого Климента, на стыке Пятницкой и Ордынки, преграждая здесь путь к Кремлю. Часть казачьих войск была выдвинута вперед Земляного вала.

В это же время Ходкевич построил свое войско для наступления. Он сам командовал левым флангом, где находилась его личная дружина, силы которой были направлены против ополчения Пожарского. В центре расположились венгерская наемная пехота, остатки полка Неверовского и запорожская конница Зборовского. Правое крыло составляло 4 тысячи украинских казаков. Польское войско продолжало сохранять общее превосходство в силах, несмотря на потери в бою 22 августа.

День 24 августа определил исход всего сражения. Длилось оно с рассвета до вечера и было крайне ожесточенным. Ходкевич, продолжая иметь значительный перевес в коннице, вновь применил массированный удар. Интервенты опять атаковала передовые сотни Пожарского. Ополченцы упорно сопротивлялись, сдерживая натиск превосходящих сил врага.

К месту горячей схватки Ходкевич беспрестанно подбрасывал от Донского монастыря подкрепления, с большой настойчивостью стремясь добиться перелома в

ходе боя. Встретив упорное сопротивление русских, гетман бросил против них почти все свои наличные силы.

В течение нескольких часов ратники ополчения сдерживали беспрестанный натиск конницы противника, но к полудню вынуждены были отступить. Ходкевичу удалось в конце концов смять и «втоптать» некоторые русские отряды в Москву-реку. Венгерская пехота прорвалась у Серпуховских ворот. Польские войска отбросили ополченцев и казаков к валу Земляного города. Полк Дмитрия Пожарского, в рядах которого воевода принял участие в бою, выдержал натиск врага и тем самым предотвратил общий разгром ополчения.

Узнав об отступлении казачьих отрядов Трубецкого, оголивших левый фланг русского войска, Ходкевич усилил свой натиск на ополченцев, стал теснить их, стремясь прижать к берегу Москвы-реки. Одновременно гетман начал вводить а (Москву обоз с продовольствием для осажденного гарнизона (400 возов). Опасность прорыва войск Ходкевича к Кремлю увеличилась.

Захватив инициативу в начале боя, гетман Ходкевич приказал своей наемной пехоте и спешившимся запорожцам начать штурм укреплений Земляного города, которые стойко обороняли ополченцы, ведя огонь из пушек, пищалей, луков, и вступать в рукопашные схватки. Пять часов продолжался ожесточенный бой на валу, затем ополченцы начали отступать. В стане русских возникло замешательство.

Значительная часть оттесненных с валов Замоскворечья ополченцев залегла между развалинами полусоженного города и, укрепившись как могла на его улицах, ждала дальнейшего наступления поляков. Отступившие конные сотни ополчения в это время уже были на левом берегу Москвы-реки. Однако русская пехота, засев в ямах и городских развалинах, сумела закрепиться на левом берегу. В уличных схватках движение поляков замедлилось. Кроме того, их маневренность сковал огромный обоз, преждевременно введенный Ходкевичем на отвоеванную часть Замоскворечья.

Чтобы пробиться к Кремлю, гетману Ходкевичу нужно было взять казачий острожек у церкви святого Климента. Венгерская пехота и запорожцы Зборовского, составляя, по существу, передовой отряд войск гетмана, от Серпуховских ворот прорвались в глубь Замоскворечья и с ходу проникли до Климентовского острожка, «взяли этот городок и вырубили в нем русских». Казаки, атакованные конниками, поспешно отступили от своей крепости. Здесь успеху отрядов Ходкевича содействовал осажденный гарнизон Кремля и Китай-города, осуществивший удачную вылазку в направлении Климентовского острожка. По-видимому, интервенты смогли согласовать свои действия.

До Кремля оставалось рукой подать. Польский обоз с продовольствием дошел до церкви Екатерины и расположился в конце Ордынки. Но войско Ходкевича было уже утомлено постоянными ожесточенными схватками и упорным сопротивлением земских ратников.

Однако интервентам не удалось закрепиться на ближних подступах к Кремлю. Заняв Климентовский острожек, поляки водрузили над храмом свое знамя. Вид его на церкви возмутил отступивших казаков и привел их в ярость. Получив подкрепление, они перешли в контратаку. Впереди шел знаменосец Михаил Константинов, воодушевляя товарищей своим примером. Он пал, сраженный пулями, но казаки решительным приступом отбили Климентовский острожек. В бою за него ополченцам активно помогали московские жители. Не только взрослые мужчины, но и женщины, дети шли на приступ, готовые во всем помочь контратакующим.

Бой за Климентовский острожек был кровопролитный. В этой схватке противник потерял убитыми 700 человек. Преследуя по Пятницкой улице уцелевших солдат Ходкевича, ополченцы и казаки с налета ворвались во второй острожек на Ендове. Здесь вместе с пехотинцами Неверовского скопилось около тысячи интервентов. Половине из них удалось спастись бегством в Кремль по Москворецкому мосту.

Таким образом, значительная часть Замоскворечья была очищена от неприятеля. Ожесточенный бой в первой половине дня 24 августа завершился поражением войск Ходкевича.

К полудню наступление королевского войска захлебнулось. Физические и моральные силы гетманского войска иссякали. 22 августа в бою Ходкевич потерял до тысячи человек, в Кремль перебросил 600 гайдуков, затем были немалые потери при штурме Земляного вала, в Климентовском острожке и при преследовании отступавших ополченцев. Численность интервентов заметно

сократилась, особо ощутимые потери понесла наемная пехота. Но и Пожарский понес немалый урон, и, кроме того, силы ополчения были распылены.

Взятие вновь Климентовского острожка означало, что гетман так и не смог сломить сопротивление русских, и закрепить свой успех. Однако положение оставалось крайне тяжелым. Казаки после своей героической атаки заволновались. Они укоряли дворян-ополченцев в их богатстве, сравнивая с собой, и стали покидать поле боя. В сражении наступила короткая пауза: гетман Ходкевич начал приводить в порядок потрепанные полки, не отказавшись при этом от своей цели – разгромить русские войска и прорваться в Кремль.

Отступление оборонявшихся русских войск к Москве-реке еще не означало их поражения. Активный оборонительный бой и контратаки истощили наступавшего противника. В этом отношении немалую роль сыграли пешне ратники, засевшие по ямам и рывинам Замоскворечья. Отдельные неудачи в действиях ополчения и казачьих отрядов не повлияли на исход сражения в целом. Но эту возможность победы над интервентами необходимо было видеть и умело реализовать. Именно в эти моменты проявился полководческий талант и решимость Дмитрия Михайловича Пожарского. Он вместе с Кузьмой Мининым и воеводами ополчения решил воспользоваться задержкой наступления польского войска, организовать общую контратаку и разгромить противника. Ближайшая задача заключалась в том, чтобы перегруппировать и сосредоточить силы на направлении главного удара.

Надо было вернуть на поле боя отряды Трубецкого, ушедшие в свой «табор». Тогда Пожарский и Минин обратились за помощью к келарю Троице-Сергиевой лавры Авраамью Палицину, который был посредником между «таборами» и ополчением. Они уговорили его пойти к казакам и вновь поднять их в наступление. Есть сведения, что в переговорах с казаками, выражавшими недовольство отступлением дворянских сотен ополчения, участвовал и Кузьма Минин, призывавший казаков сражаться до победного конца.

Троицкий келарь справился с задачей оказать моральное воздействие на недовольных казаков и призвал их во имя спасения Родины и православной веры напрячь все силы для участия в общей контратаке. Рассыпавшиеся отряды собирали колокольным звоном. Умные речи Авраамия Палицина и Кузьмы Минина имели успех. Большинство казаков потребовали от Трубецкого переправить свое войско в Замоскворечье, заявляя: «Пойдем и не воротимся назад, пока не истребим вконец врагов».

Войско Трубецкого повернуло назад на «ляхов» и, соединившись со стойко оборонявшимися ополченцами, восстановило оборону. Русская пехота, засев в ямах и «крапивах» Замоскворечья, перекрыла интервентам дороги к Кремлю. Вечерело, а исход боя 24 августа все еще был неясен.

К этому времени Дмитрий Пожарский и Кузьма Минин смогли привести в порядок отступившие конные сотни ополчения, собрав их против Крымского двора. Как только казаки заняли брошенные позиции в Замоскворечье, князь Дмитрий принял решение перейти в общее наступление. Сигналом для этого и была стремительная атака Кузьмы Минина, который в этот ответственный момент боя взял инициативу в свои руки.

Главные силы своего войска в минуты затишья Дмитрий Пожарский сумел сосредоточить на правом берегу Москвы-реки в районе государевых садов. Это была преимущественно спешившаяся конница.

Чашу весов в пользу русских склонили решительные действия Кузьмы Минина. Он обратился к Пожарскому с просьбой дать ему людей, чтобы ударить по врагу. Тот сказал: «Бери кого хочешь». Кузьма Минин взял из резервных отрядов ополчения, что стояли у Остоженки, три сотни конных дворян. Они не погнушались встать под начальство простого посадского человека, настолько любовь его к Родине вдохновила всех. Пожарский в помощь дворянским сотням выделил еще отряд ротмистра Хмелевского – литовского перебежчика, личного врага одного из польских магнатов.

В сумерках небольшой отряд Минина незаметно переправился через Москву-реку для нанесения удара с левого берега реки во фланг войску Ходкевича. Это был очень смелый замысел, так как русское командование уже знало, что гетман ввел в бой все свои резервы и что в районе Крымского двора им выставлен лишь небольшой заслон из двух рот – конной и пешей. Удар был настолько внезапным, что польские роты не успели даже принять боя и, преследуемые, бежали к своему лагерю, сея панику. Так «выборный человек всею землею» Кузьма Минин в решающий час сумел добиться перелома в битве.

Воспользовавшись замешательством в рядах королевских войск, пешие ополченцы во главе с князем Пожарским тотчас покинули свои укрепления в городских развалинах и ринулись в контратаку. Они решительно «пошли натиском» вперед к польскому лагерю. Удар главными силами ополчения по левому флангу войск Ходкевича был нанесен сокрушительный. За пехотинцами в бой устремилась конница.

Одновременно с атакой Пожарского в охват правого фланга войска Ходкевича пошли казаки Трубецкого. Все источники отмечают крупные силы русских, участвовавших в общей контратаке, их энергичные и одновременные действия. Так, в своем дневнике пан Будила отметил: «Русские... всею силою стали налегать на табор гетмана...» Ратники Пожарского развернутым фронтом продвигались вперед и метко разили противника.

Гетманское войско не выдержало столь решительного удара русских и побежало. Деревянный город был очищен от интервентов. Огромный обоз с продовольствием, стоявший в районе Ордынки, был окружен, а защитники его полностью перебиты. В руки победителей попали артиллерия, польские знамена и шатры.

В результате общей дружной контратаки интервенты были опрокинуты. Гетман Ходкевич стал спешно отводить свое войско из района Земляного вала. Его разгром завершила русская конница, которую воеводы Пожарский и Трубецкий бросили на преследование противника. Наступление русской конницы сочеталось с мощным огнем из пушек и пищалей. Гетман потерял при этом 500 человек убитыми; много польских панов было захвачено в плен.

Понеся большие потери, гетманские отряды в беспорядке отступили к Донскому монастырю, где простояли «в страхе всю ночь». Оттуда Ходкевич ушел к Воробьевым горам. Королевское войско было окончательно обескровлено. Кроме того, оно лишилось обоза в 400 возов с продовольствием.

Ополченцы хотели и дальше преследовать врага, но воеводы проявили осторожность и сдержали наиболее горячие головы, заявив, что «не бывает на один день две радости». Для устрашения отступающего в панике противника стрельцам, пушкарям и казакам было приказано вести непрерывную стрельбу. Два часа они палили так, что, по словам летописца, не было слышно, кто что говорил.

На рассвете 25 октября гетман Ходкевич со своим заметно поредевшим войском «с великим срамом» побежал через Воробьевы горы к Можайску и далее через Вязьму в пределы Речи Посполитой. В пути его войско заметно поредело. С ужасом наблюдали его уход с кремлевских стен осажденные поляки. «О, как нам горько было, — вспоминал один из осажденных, — смотреть, как гетман отходит, оставляя нас на голодную смерть, а неприятель окружил нас со всех сторон, как лев, разинувши пасть, чтобы нас проглотить, и, наконец, отнял у нас реку».

Так закончилось сражение под Москвой, увенчавшееся полной победой народного ополчения над хорошо вооруженными и превосходящими в силах, особенно в коннице, войсками интервентов под командованием гетмана Ходкевича — одного из самых прославленных полководцев Европы того времени.

Победа над врагом в боях на подступах к Кремлю была достигнута прежде всего благодаря высокой моральной стойкости народного ополчения. Воодушевленные любовью к родной земле, ополченцы проявили в решающих боях изумительную отвагу, стойкость, крепкую спаянность — качества, искони присущие русским воинам.

Численное превосходство, особенно в коннице, дало противнику некоторые преимущества в начальный период боев, 22 и 24 августа. Но в самые решительные моменты сражения сказался несравненно более высокий моральный дух народного ополчения и полководческий талант его руководителей — Кузьмы Минина и Дмитрия Пожарского. Они показали умелое руководство боевыми действиями, не терялись в сложной обстановке, проявляли распорядительность и быстро восстанавливали нарушенный в ходе сражения боевой порядок своих войск.

Воевода Дмитрий Пожарский в ходе сражения спешил конников-ополченцев, благодаря чему создал в нужном месте перевес пехоты. Конники среди развалин сожженного города не могли действовать с должной эффективностью. Талант Пожарского и Минина, как военачальников, проявился и в том, что они учитывали возможности воздействия на врага различных родов русского войска: пехоты, конницы, артиллерии. И они умело поднимали ратный дух сражающихся ополченцев, всячески поддерживая в них стойкость, мужество, показывая примеры личной

храбрости. В этом воины – патриоты родной земли имели неоспоримое превосходство над противником.

Командование русской рати умело проникало в замыслы противника. Пожарский и Минин своевременно и правильно реагировали на все его действия. В этой обстановке польское командование не проявило необходимой выдержки, и переброска гетманом войск с одного направления главного удара (22 августа) на другое направление (24 августа) не сопровождалась маневрированием непосредственно в ходе боя.

Интервенты, не сумев проявить тактической гибкости, упорно вели фронтальную атаку, не закрепив и не развив ее успех, как это было после взятия Климентовского острожка.

Расположение воеводой Дмитрием Пожарским главных сил земской рати на пути движения войск гетмана Ходкевича говорит о неустрашимости русских воинов и об их желании разбить врага, не допустить его до Москвы. Как воины Пожарский и Минин проявили в боях исключительное мужество. Непосредственно руководя ходом сражения, они появлялись в наиболее опасных местах и своим примером воодушевляли ратников на героические подвиги. А нижегородский земский староста Кузьма Минин решительно взял на себя ответственность за нанесение того удара по врагу, который в конечном счете переломил ход сражения в пользу русского войска.

В ходе сражения под Москвой с войсками гетмана Ходкевича «выборный человек всею землею» был правой рукой воеводы Дмитрия Пожарского. Кузьма Минин постоянно находился среди русских воинов – призывал их не щадить своей жизни во имя освобождения Родины, ободрял в трудные минуты, напутствовал идущих в бой, наводил порядок в рядах отступавших.

Инициатива и взаимовыручка обеспечивали русской рати стойкость в обороне и успех в контратаках. Ополченцы в ходе сражения нашли способ успешной борьбы с конницей противника, засев в ямах, развалинах и одиночных окопах, ведя из них «огненный» и лучный бой. Конница земского ополчения проявила в сражении завидную стойкость и ратное искусство, несмотря на то что численное превосходство было на стороне польской кавалерии.

Бои 22–24 августа со всей очевидностью показали, что ни второе земское ополчение, ни казаки подмосковных «таборов» самостоятельно, только своими силами интервентов разбить бы не смогли. Несмотря на тяжелые потери войска гетмана Ходкевича (так, из кавалерии у него осталось не более 400 человек), поляки имели на Русской земле довольно-таки крупные воинские силы. Еще сидел за крепкими кремлевскими стенами польский гарнизон, бродили по стране многочисленные разбойные отряды иноземцев. Поэтому таким насущным стал вопрос об объединении разрозненных патриотических сил второго земского ополчения и казачьих «таборов».

Это хорошо понимали Дмитрий Пожарский и Кузьма Минин. Однако прибывшие в столицу в лагерь Трубецкого старые «заводчики всякого зла» Иван и Василий Шереметевы, первого из которых Пожарский спас от народного гнева в Костроме, князь Григорий Шаховский, приближенный «тушинского вора», выступили против объединения, но поддержки не получили. Власти влиятельного и богатого Троице-Сергиева монастыря, и среди них келарь Авраамий Палицин, видевшие корень зла в те дни в разъединении подмосковных полков Трубецкого и ополчения Пожарского и Минина, прилагали немалые усилия к достижению соглашения между ними. Посланная из монастыря грамота на сей раз возымела действие, и воеводы стали склоняться к единению.

Плотным кольцом окружив осажденный польский гарнизон, руководители второго земского ополчения вступили в переговоры с казачьим атаманом о выработке плана совместных действий. Трубецкой, ссылаясь на знатность своего происхождения, требовал, чтобы вожди земского ополчения подчинились ему. Пожарский и Минин во избежание раздора пошли на компромисс. В конце сентября 1612 года обе рати и власти соединились.

Для решения вопросов государственного характера организовывались приказы, а для обсуждения военных вопросов – единый стан (штаб) на Неглинной речке у стен Кремля (на месте теперешнего Манежа). Общие приказы и стан размещались на нейтральной местности – посредине между двумя лагерями – казачьим и ополченским. Сюда съезжались на совет руководители русских войск. Все грамоты подписывались обязательно и Трубецким, и Пожарским. Имя Трубецкого оказалось на первом месте, потому что он имел боярство, полученное в Тушино у Лжедмитрия II, а Пожарский был лишь стольником. Фактически же

Дмитрий Михайлович, как более даровитый и энергичный деятель, имел большее влияние и больший авторитет.

В результате договора между двумя воеводами ратники объединенного войска были уравнены в правах. И казаки Трубецкого, и ополченцы стали получать одинаковое количество продовольствия. Каждому из них на год выдавалось по три пуда муки (48 килограммов), по три пуда сухарей, по четвертой части мясной туши, по пуду круп, по пуду толокна. Кроме того, всадники получали на лошадь по шести пудов овса и по возу сена.

В совместной грамоте Трубецкой и Пожарский оповещали города и села страны, что они вместе с «выборным человеком всею землею» Мининым по просьбе и решению освободителей столицы приняли на себя управление Московским государством. Из этого документа видно, что в состав временного органа государственной власти помимо Трубецкого и Пожарского входил и народный герой Кузьма Минин.

Как только было достигнуто соглашение об объединении войск и власти, началась общая осада Кремля и Китай-города. С отступлением войск гетмана Ходкевича и окончательным объединением русских сил участь «кремлевских сидельцев» была решена. Напрасно они взывали о помощи: ни Ходкевич, ни польский король в ближайшее время им помочь не могли. Еще два месяца продолжалось бессмысленное сопротивление интервентов, отвергнувших предложение Пожарского о сдаче, сделанное 15 сентября. Насколько спесивые польские военачальники не понимали сути сложившейся ситуации, видно из их дерзкого ответа Пожарскому с советом распустить народную рать по домам: «Пусть мужик вернется к сохе, поп – к церкви, купец – на свой торг».

Одновременно с осадой Кремля Дмитрий Пожарский принял меры для защиты тыла русского войска, так как к тому времени стало известно, что Сигизмунд III собирает крупные силы для похода на Москву. В районе Замоскворечья были проведены большие инженерные работы, восстановлены разрушенные в ходе боев укрепления – острожки. Берега Москвы-реки обнесли тыном с земляной насыпью, на которой расставили пушки с таким расчетом, чтобы можно было вести огонь как по противнику, наступавшему с тыла, так и по вражескому гарнизону, засевшему за кремлевскими стенами. Русские ратники выкопали неподалеку от Кремля глубокий ров, укрепили его, поставив у Пушечного двора батарею, и повели обстрел кремлевского гарнизона. Осторожный и предусмотрительный воевода Пожарский лично наблюдал за тем, как ведутся осадные работы.

Результатом их стало то, что доставлять в Кремль осажденным продовольствие, хотя бы эпизодически, как это делалось прежде, стало невозможно. Начался голод. Поляки съели кошек, собак, всю живность, варили кожаные переплеты книг, пошла в ход и трава. В ходе боев 22 и 24 августа польский гарнизон заметно увеличился, а продовольствия не было. Командование, чтобы уменьшить количество едоков, выпустило из Кремля бояр, сидевших с ними в осаде, с женами и детьми, предварительно ограбив их. Среди них глава «семибоярщины» князь Мстиславский, жена Филарета Романова (сам он находился в заточении в Польше) с сыном Михаилом (будущий русский царь – основатель династии Романовых) и другие.

Безрассудное упорство польских панов и наемников, не желавших сдаваться, объясняется боязнью ответственности за свои злодеяния.

22 октября 1612 года, когда начались переговоры о сдаче Китай-города, на штурм его устремились казаки, не желавшие никаких уступок полякам. Много шляхтичей было перебито, оставшаяся часть перешла в Кремль. Голод в осажденном гарнизоне еще более усилился.

Дни гарнизона польских интервентов, засевшего в Кремле, были сочтены.

Убедившись в бесполезности дальнейшего сопротивления, командование осажденных польских войск на этот раз не прервало переговоры о сдаче, 26 октября кремлевский гарнизон согласился на капитуляцию. Договор был подписан и скреплен крестным целованием. В нем говорилось, что интервентам будет сохранена жизнь, если они сдадут в казну имевшиеся у них государственные ценности.

27 октября началась сдача осажденного гарнизона. Полк Струся, вышедший в лагерь Трубецкого, вопреки договору был почти полностью истреблен казаками, среди которых находилось много беглых крестьян и холопов из мест, подвергшихся во время польской интервенции разорению. В полку Будилы, сдавшемся Пожарскому, также имелись убитые, но в значительно меньшем количестве. Кроме того, князь Дмитрий, когда принимали бояр, не допустил

кровапролития и заставил прибывших вооруженных казаков вернуться в свой лагерь. Поляки и наемники были разосланы по городам, где они находились до обмена их на томившихся в польском плену русских.

В тот же день, 27 октября 1612 года, ополчение торжественно вступило в опустошенный и оскверненный интервентами Кремль.

В воскресенье 1 ноября 1612 года утром на Красной площади, у Лобного места, под приветственные крики москвичей сошлись народное ополчение и казачество. После благодарственного молебна открылось торжественное шествие в Кремль. Земское ополчение, во главе которого ехали Дмитрий Пожарский и Кузьма Минин, под звон колоколов и пушечный залп, двигаясь от Арбата, вошло во Фроловские (Спасские) ворота. Ополченцы несли опущенные польские знамена, отбитые у гетмана Ходкевича. В самом Кремле победителей встретили полковники Струсь, Будила и другие польские военачальники, которые покорно сложили наземь знамена королевского войска. В это время казачество во главе с боярином-воеводой князем Трубецким вступило в Кремль через Боровицкие и Троицкие ворота.

Москвичи праздновали победу.

Очистив полностью стольный город Москву от иноземных захватчиков, народное ополчение положило прочное основание делу освобождения всей страны от польских и шведских интервентов и восстановления независимости Российского государства. Одержанная победа окружила ореолом славы героев битвы за Москву «выборного человека всею землею» Кузьму Минина и воеводу князя Дмитрия Пожарского.

Так победно завершился великий подвиг русского народа во имя освобождения Москвы — столицы Родины от иноземных захватчиков. Но до полного освобождения страны было еще далеко. Западные и северо-западные области Российского государства находились под польскими и шведскими оккупантами.

СЛУЖЕНИЕ РОДИНЕ

Освобождение Москвы от интервентов еще не означало полного изгнания их из Российского государства. Эта задача оказалась очень трудной и потребовала от народа больших усилий.

Прежде всего надо было отразить новое наступление польских войск. Магнаты Речи Посполитой не отказались от своих планов захвата Российского государства. Сигизмунд III и его сын Владислав, собрав войско в 1300 всадников польской шляхты и 3 тысячи немецких ландскнехтов, в конце ноября из Смоленска двинулись к Москве. В Вязьме к королю присоединились остатки войска гетмана Ходкевича.

Население и гарнизоны русских городов оказывали интервентам героическое сопротивление. Польский король пытался взять Волок Ламский (Волоколамск), но три штурма его войска успешно отразил гарнизон этой крепости, который возглавляли казацьи атаманы Нелюб Марков и Иван Епанчин. Город не сдался. Даже маленький городок Погорелое Городище устоял против натиска интервентов. Вновь большое беспокойство им доставили партизанские отряды из вооруженных крестьян, которые своими действиями держали поляков в постоянном напряжении.

В конце ноября к столице подошло посольство Сигизмунда III с тысячным отрядом. Польский король настаивал на «законных правах» королевича Владислава и добивался его воцарения на русском престоле. Пожарский в переговоры с посольством вступать не стал, а отряд был разгромлен и отогнан от Москвы. Между тем наступили морозы. Сигизмунд не имел средств вести зимнюю кампанию. В довершение всего высланный из Москвы под Волок Ламский большой конный отряд русских войск совместно с местными повстанческими отрядами народных мстителей в двухдневном бою разбил отборное войско короля, потерявшего только пленными более тысячи человек. К тому же короля смутили показания дворянина Философова из рати Пожарского, захваченного поляками. Этот патриот на допросе под пытками умышленно преувеличил численность народного ополчения и уверял в том, что русские люди скорее умрут, чем признают иноземного королевича. Похвальбы Сигизмунда III «великое Российское государство под себя и под Польшу... привести» не осуществились. Узнав о капитуляции кремлевского гарнизона, король ушел обратно в Польшу.

После освобождения Кремля Пожарский поселился в кельях Воздвиженского монастыря, вблизи лагеря земского ополчения. Князь Дмитрий Трубецкой поспешил занять большой дворец, построенный для царя Бориса Годунова. Они вместе с испытанным соратником князя Дмитрия «выборным человеком» Кузьмой Мининым и составляли московское правительство. Теперь под властью «Совета всея земли» находилась почти вся территория страны, за исключением захваченных польскими интервентами западных пограничных волостей, оккупированной шведами Новгородской земли и Юго-Восточного Поволжья, весьма отдаленных от Москвы.

Решая государственные дела, Пожарский и Минин в Смутное время проделали большую организаторскую работу в целях очищения Московского государства от вооруженных отрядов польских и русских «воров». Это были и остатки войска Ходкевича, и отряды других польских панов, и люди атамана Ивана Заруцкого. Едва гетман 24 августа отступил от Москвы, как из его войска ушли казаки и часть шляхтичей, которые отправились на север грабить незащищенные русские города. 22 сентября они напали на богатый торговый город Вологду. Там их не ждали, и «воры» захватили богатую добычу.

Подобных разбойных отрядов поляков, «черкасов» и казаков зимой 1612/13 года по стране ходило немало. Например, в районе Белоозера и Каргополя находился отряд пана Просовецкого, под Старицей и Устюжкой – казачьего атамана Наливайко. В Сольвычегодске разорял и грабил местное население отряд атамана Яицкого. Несколько польских отрядов действовало в Кашинском, Угличском и Костромском уездах. На пути их движения оставались сожженные посады, села и деревни, разоренные и посеченные мирные жители. В декабре 1612 года поляки захватили Путивль, а Гонсевский в январе 1613-го пытался захватить Осташков. На юге страны бесчинствовала бежавшие из-под Москвы казачьи отряды Ивана Заруцкого.

Для борьбы с ними Пожарский снаряжал отряды ополченцев во главе с опытными воеводами, организовывал самооборону на местах. Во вновь освобожденные города и уезды из Москвы назначались новые, надежные воеводы. Одновременно руководители ополчения принимали срочные меры для пополнения русских войск и снабжения их вооружением, одеждой и продовольствием. В рассылаемых грамотах требовалось отправлять в Москву служилых людей «с готовыми запасами на службу», а население городов и сел призывалось к вооруженной борьбе с интервентами и разбойными шайками.

Много безвестных народных героев сложили свои головы при защите родной земли в Смутное время. История донесла и обессмертила имя одного из них. В начале марта 1613 года крестьянин деревни села Домнино близ Костромы Иван Осипович Сусанин был насильственно взят проводником польским отрядом. Костромской крестьянин, сознательно идя на смерть, завел отряд иноземцев в 60 конников в непроходимое лесное болото, где они и погибли, замерзнув. Погиб и Сусанин, зарубленный шляхтичами. Его подвиг стал примером для многих патриотов Российского государства.

Сильно беспокоила военная опасность со стороны Швеции. Новгород и прилегающие к нему земли оставались в руках шведского наемного войска под командованием Делагарди. Не имея достаточных сил для его изгнания, Пожарский стремился посредством переговоров удержать шведов от захвата других северных городов.

Швеция, как и польский король, под предлогом отсутствия на Руси царя стремилась посадить на русский престол своего королевича. В Москву прибыли шведские послы во главе с Богданом Дубровским и заявили, что королевич Карл-Филипп уже прибыл в Выборг и собирается в Новгород, где он хочет венчаться на царство русское. На это предложение послы получили достойный ответ князя Дмитрия Пожарского: «Того у нас и на уме нет, чтобы нам взяти иноземца на Московское государство... мы рады с вами... биться и идти на очищение Новгородского государства».

В конце 1612 года шла подготовка по решению «Совета всея земли» всенародного избрания на престол нового русского царя. Это должен был сделать Земский собор. В пригласительных грамотах предлагалось прислать от каждого города с уездом по «десяти лучших и разумных» людей из всех сословий населения.

Всего в Москву съехалось свыше 600 членов Земского собора, который начал заседать в середине января 1613 года. Почти все его члены настаивали на избрании царя из русских княжеских и боярских родов. Разгорелись споры. Родовитая знать предлагала кандидатуры князя Федора Мстиславского и князя

Ивана Голицына. Казаки настаивали на князе Дмитрие Трубецком. Лишь 7 февраля стало ясно, что большинство членов Земского собора высказываются за шестнадцатилетнего Михаила Романова. На его избрании настаивали дворяне — наиболее многочисленная группа собора, которых поддерживали сторонники Романовых среди боярства и казачества. Кандидатуру Михаила поддержали и влиятельные круги православной церкви.

23 февраля 1613 года Земский собор провозгласил Михаила Романова русским царем. 11 июля того же года произошло царское венчание в Успенском соборе. Новый самодержец и его ближайшее окружение понимали, что не видеть бы роду Романовых царского престола, если бы войско Пожарского не очистило Москву от врагов. Члены собора и народ требовали признания заслуг выборного земского воеводы. Царь подписал указ о даче боярства двум стольникам: царскому родственнику князю Ивану Черкасскому и воину-освободителю князю Дмитрию Пожарскому.

На другой день царь пожаловал «выборного человека» Кузьму Минина в думные дворяне. Ему, как и Пожарскому, обязана была Москва своим освобождением. Теперь он заседал в Боярской думе — высшем совете Российского государства. Выше его по званию там стояли только бояре и окольные. В течение 1614–1616 годов Кузьме Минину было не раз вверено «сбережение» Москвы во время отъезда царя. Он подписывал все грамоты и другие важные государственные документы. Но московская знать всегда помнила о посадском происхождении думного дворянина.

Поселившись в Москве на постоянное жительство, Кузьма Минин часто выезжал по государственным делам как представитель Боярской думы в самые отдаленные города России.

И после избрания царем Михаила Романова война поглощала все силы истерзанной страны. Войска Сигизмунда III вновь перешли русские рубежи. Они сожгли Козельск, Болхов, Перемышль и встали у стен Калуги. Чтобы не допустить врага к столице, посланное на запад войско под командованием земских воевод Дмитрия Черкасского и Михаила Бутурлина отогнало интервентов от Калуги, освободило Вязьму, Дорогобуж, Белую и осадило Смоленск. Но полного изгнания иноземных захватчиков с западных рубежей не произошло: царские власти не смогли собрать русские войска в единый кулак. В разгар боевых действий под Смоленском правительство направило против шведов под Новгород князя Дмитрия Трубецкого с войском более чем 5 тысяч ратников. С ним ушла последняя тысяча казаков, некогда осаждавших Кремль. Бездарный боярин на севере потерпел полную неудачу.

Неблагоприятная ситуация складывалась и на южной степной границе. Крымские татары в 1614–1615 годах многократно вторгались на Русь на всем пространстве границы от Алатыря до Брянска.

Швеция использовала сложившуюся обстановку для расширения интервенции. Король Густав-Адольф решил завладеть Псковом. В 1615 году шведская армия осадила город. Падение Пскова означало бы крушение всей русской обороны на северо-западе страны. Но почти три месяца псковичи мужественно отражали приступы королевской армии и заставили ее отступить.

В свое время Дмитрий Пожарский и Кузьма Минин всячески старались не допустить одновременной войны и с Речью Посполитой, и с Швецией. Тогда их дипломатические усилия имели успех. Теперь достигнутый мир нарушился. Испытанные вожди народного ополчения при новом царе не участвовали в этих военных действиях. Царское окружение стремилось ограничить влияние Пожарского и Минина на народные массы, поставившие их к руководству страной, и на войска в момент высшей опасности.

Но пришло время, когда наконец, вспомнили о воеводском таланте «худородного» князя Пожарского. Причиной тому стал отряд пана Лисовского, около четырех лет промышлявший в псковских землях. Этот отряд ушел за Смоленск и захватил Карачев. В Москву дошли вести, что Лисовский (его конников называли «лисовчиками») усиливается в Северной стороне. Бояре переполошились. Они не забыли его опустошительных набегов. Долго думали, кому поручить разгром стремительного и неуловимого противника. Никто из именитых воевод не выразил желания помериться силами с «лисовчиками». Прошло уже более двух лет после освобождения столицы, заполненных битвами, и все это время князь Дмитрий не получал никаких воеводских назначений. Вождя освободительной войны высокородное боярство унизило, но никто не смог отнять у него заслуженной славы. Хотя назначение воеводой войска для борьбы с лихим

конником Лисовским не сулило легких побед, Пожарский принял его без колебаний.

Главная трудность состояла в том, что в Москве не осталось почти никаких воинских сил. Вместо семи обещанных царем тысяч Пожарскому с трудом удалось отыскать менее тысячи человек дворян, стрельцов и казаков. В помощь воеводе назначили дворянина Степана Исленьева и дьяка Заборовского. Князю Дмитрию были даны широкие полномочия; принять под свое начальство ратников, собрать их из областей Москвы, Тулы, Орла и Калуги, проводить смотры служилых людей, строго спрашивать с тех, кто будет отлынивать. Идти предстояло через Боровск, Калугу, Белев и Болхов, оставлять нужное число войск для охранения разных городов, посылать разъезды для разведки неприятеля, ставить полевые укрепления, где нужно, учреждать порядок для боя, сражаться сколько будет сил, отступать при неудаче, допрашивать с пыткой лазутчиков, уведомлять местные власти о своем движении, собирать в города хлебные запасы.

Зная образ ведения войны конников Лисовского, воеводам дали наказ в походе и на стоянках соблюдать величайшую осторожность. Им предписывалось постоянно вести разведку противника по пути продвижения войска и в местах привалов и ночевки, тем самым обезопасив себя от внезапного нападения врага.

Разграбив Карачев, Александр Лисовский стремительным маршем пошел к Орлу, рассчитывая овладеть им до прибытия войска Пожарского. Узнав об этом, князь Дмитрий немедленно двинулся к Орлу. Встреча с «лисовчиками» произошла недалеко от города, где передовой отряд русской рати под командованием дворянина Ивана Пушкина с ходу завязал бой с главными силами Лисовского. Тем временем подоспел Пожарский. Схватка в поле под Орлом продолжалась несколько часов. Московский воевода с большой настойчивостью атаковал Лисовского, но тот сумел провести удачную контратаку против позиции, где стояли отряды Исленьева и Заборовского. Ратники не устояли против натиска превосходящих сил шляхетской конницы и отступили в лес.

Полк главного воеводы выстоял. Но с ним осталось не более 600 ратников. Русские с такой яростью отбивались от почти 3 тысяч конников Лисовского, что тот на время был вынужден прекратить атаки. Князь Дмитрий использовал передышку и приказал укрепиться в обозе, окружив свой отряд повозками, поставленными в несколько рядов. Получилась небольшая полевая крепость.

На предложение некоторых дворян отступить из-под Орла Пожарский отвечал: «Лучше желаю на месте умереть, нежели вспять возвратиться». Искусно устроив лагерь, воевода лишил конницу Лисовского маневра на флангах. Стойкое сопротивление русских с фронта не позволило противнику продвинуться вперед. Сражение было утомительным и имело переменный успех. Ратники Пожарского перекрыли дорогу Лисовскому к Москве, в центральные области страны. Не надеясь одолеть их упорное сопротивление, Лисовский решил уклониться от выстрелов, приносивших в ряды его смерть. Он остановился в двух верстах от укрепленного обоза, потеряв в бою много людей убитыми и ранеными, до 300 человек пленными. Приказ князя Дмитрия стоять насмерть его ратники выполнили.

Под утро воевода Исленьев и другие беглецы возвратились к кострам, горевшим в русском лагере. На другой день Пожарский, видя вновь около себя сильную рать, начал наступление на Лисовского. Тот быстро снялся с места и, преследуемый русским войском, поспешно отступил к Кромам. Однако дойти до Кром польскому отряду не удалось. Чтобы оторваться от погони, Лисовский сделал крутой поворот, в одни сутки его конники прошли 150 верст и явились под Болховом, что поставило под угрозу Белев и Калугу.

Отбитый от Болхова воеводой Волынским, Лисовский сжег Белев. Усилив часть своих войск гарнизон Калуги, Пожарский продолжал преследование. Князь Дмитрий, подкрепившись в Лихвине казанской ратью (набор был проведен царскими властями по всему Казанскому краю), вынудил «лисовчиков» уйти из разоренного Перемышля и заставил их отступать между Вязьмой и Можайском. Угроза Москве на калужском направлении была ликвидирована.

После многодневных утомительных конных переходов во время невероятно быстрой погони за «самым неутомимым из наездников» (так называли Лисовского современники) Пожарский тяжело заболел и был отправлен в Калугу. Преследовать неприятеля он поручил своему двоюродному брату Лопате-Пожарскому, Однако преследование по пятам Лисовского вскоре прекратилось: казанские ратники без разрешения ушли в Казань, а оставшиеся воины терпели бедствия из-за плохого снабжения.

Витесненный из-под Калуги войском Пожарского, Лисовский ушел, потеряв в ходе боев добрую половину своих людей. В его войске оставалось с тысячу человек шляхты и украинских казаков – «черкас» и с полтораста русских казаков. А его немецкие наемники, позарившись на повышенное жалование, перешли на сторону царских войск. Теперь серьезной угрозы «лисовчики» уже не представляли.

Война требовала от царской казны все новых средств. В 1616 году в Москву съехались выборные представители от городов и волостей. Финансовая система государства пришла в расстройство, и власти не могли собрать с населения деньги без поддержки Земского собора. Царское окружение решило прибегнуть к услугам популярных в народе деятелей, Выборные люди согласились на сбор «пятой деньги» по всей стране и создали особый земский финансовый орган. Пост главы в нем занял князь Дмитрий Михайлович Пожарский. Помощниками его стали дьяк земского ополчения Семен Головин и трое монахов. Была одобрена кандидатура и Кузьмы Минина.

Земский собор не забыл того, что всеми финансовыми сборами при Пожарском ведал нижегородец Кузьма Минин. Лишь благодаря его колоссальной воле и энергии народное ополчение получило средства для московского похода. О лучшем помощнике князь Дмитрий не мог и мечтать. Но во время заседания Земского собора Минин был в отъезде.

Зимой 1615 года в Поволжье восстали татары и черемисы. Местные воеводы подавили восстание. В конце года московские власти послали в Казань князя Ромодановского и думного дворянина Кузьму Минина для выяснения причин недовольства тамошнего населения. Минин собрал жалобы казанцев и установил, что местный дьяк дворянин Сава Аристов отягощал население чрезмерными штрафами – «продажами» и налогами. Минин велел арестовать Аристова и подвергнуть его пытке, невзирая на его дворянское происхождение.

Казанская посылка оказалась последней службой «выборного человека всею землею». Минин был немолод, когда обратился к нижегородцам с призывом встать на защиту Родины. Организация народного ополчения во многом легла на его плечи. Освободительный поход на Москву потребовал от него невероятного напряжения как физических, так и духовных сил. С освобождением Москвы Кузьма Минин мог считать, что свой гражданский долг перед родной страной он выполнил. После победы Минин прожил менее четырех лет: сказались старые раны, казанская поездка ускорила его кончину. По пути из Казани в Москву в 1616 году Кузьма Минин почувствовал себя плохо и умер.

При дворе царя Михаила Романова заслуги земского старосты были быстро забыты. Для него он остался человеком «низкого» происхождения. Власти не удостоили национального героя, каким он являлся для широких народных масс, торжественных похорон. По просьбе земляков – жителей Нижнего Новгорода Кузьму Захаревича Минина похоронили в нижегородском Преображенском соборе.

Пожарский был намного моложе своего боевого соратника. Ему суждено прожить еще четверть века. Жизнь его проходила в ратных трудах, государственных заботах и болезнях. Пожарский после воцарения Романова участвовал во всех значительных событиях своего времени, но при этом почти всегда оставался в тени. При царе Михаиле Романове выдающиеся способности князя Дмитрия не могли развернуться в полную силу. Приходилось довольствоваться второстепенными должностями. Боярская знать оттирала «худородного» князя от важных постов. Он уже не занимал первенствующего положения в государстве. Но все же любое поручение Пожарский выполнял с полным сознанием долга перед Отечеством, народом, всегда честно и успешно, проявляя недюжинный организаторский талант и распорядительность. Царь и его советники вспоминали о нем лишь тогда, когда требовался человек с большим жизненным опытом.

В разные годы боярин князь Дмитрий Пожарский руководил работой различных приказов. В 1619 году он служил начальником Ямского приказа – налаживал почтовую связь между городами, облегчал передвижение по обширной стране. В 1624–1628 годах возглавлял Разбойный приказ – тщательно разбирал «разбойные» дела, беспощадно карал убийц, грабителей и воров. В 1630–1632 годах Пожарский служил начальником Поместного приказа – старательно вникал в нужды местного населения. В 1636–1637 и 1640–1642 годах начальствовал Судным приказом – защищал обиженных и наказывал виновных.

Но все-таки главным в жизни князя Дмитрия Пожарского была деятельность по защите Российского государства от вражеских нашествий. Это – воинский

долг, и он выполнял его добросовестно, с честью, на любых воеводских должностях.

Война с Речью Посполитой и Швецией затягивалась, принося России все новые и новые бедствия. Пожарский лучше других понимал невозможность продолжать борьбу разом на всех границах и был среди тех, кто настаивал на немедленном заключении мира со шведами. В конце 1616 года Земский собор в Москве одобрил условия мирного договора, выработанные в Посольском приказе при участии князя Дмитрия. 27 февраля 1617 года в деревне Столбово был подписан вечный мир между Россией и Швецией. Русское государство утратило устья Невы и Нарвы вместе с Ижорской землей, а также Карелию, но вернуло себе «Новгородское государство» с Новгородом Великим, Старой Руссой и Ладогой.

В 1620–1624 и 1628–1630 годах Пожарский служил воеводой в Новгороде, многое сделал для возвращения к жизни разоренного войной обширного северного края.

Мир со шведами был заключен как нельзя вовремя. Король Сигизмунд III вновь собрал большое войско, назначил командующим гетмана Ходкевича, и королевич Владислав отправился завоевывать московский трон. Захватив Дорогобуж, интервенты 19 октября 1617 года овладели Вязьмой. Путь на Москву был открыт. Русское государство опять находилось в тяжелом положении.

В то время когда главное войско Владислава стояло в Вязьме, дожидаясь из Польши обещанного жалованья, гетман Ходкевич направил отряды панов Чаплинского и Опалинского на Калугу. В случае ее захвата поляки выходили на южные подступы к Москве.

Узнав о том, что интервенты взяли Мещовск и Козельск и идут на родной город, опустошая все на своем пути, калужане отправили к царю гонцов с просьбой направить к ним на помощь Дмитрия Пожарского – так велика была в народе слава освободителя Москвы.

18 октября Пожарский уже находился на пути к Калуге. Его сопровождали десятка два московских дворян и сотни три стрельцов. По существу, воеводе предстояло на месте сформировать новое войско. В Калугу он пришел раньше польских отрядов. В городе к нему присоединилось около 800 детей боярских, дворян и стрельцов. Еще с дороги Пожарский, везший пять тысяч казенных рублей на жалованье, послал грамоту за Угрю к есаулу Ивану Сапожку. В свой полк князь Дмитрий сумел собрать более 2 тысяч казаков. Когда осенью спала угроза очередного вторжения крымцев, из степных пограничных крепостей в Калугу прибыла тысяча гарнизонных стрельцов, дворян, казаков и запорожцев, в большинстве своем вооруженных огнестрельным оружием. В самом городе воевода призвал в ополчение всех мужчин, способных носить оружие. Более тысячи их приняло участие в обороне города.

Когда к Калуге подошли отряд пана Чаплинского из Козельска и отряд тяжеловооруженной гусарской конницы пана Опалинского из Вязьмы, русское войско уже было готово сразиться с ними, а Калуга подготовлена к обороне. Поэтому поляки засели в селе Товаркове, на расстоянии одного перехода от города. Интервенты чинили «великую шкоду калужанам». Пожарский тоже не бездействовал: несмотря на превосходство противника в коннице, русские чинили «многую тесноту Опалинскою». Бои шли с переменным успехом.

Тогда и поляки решили прибегнуть к хитрости. Глубокой ночью солдаты Опалинского, соблюдая меры предосторожности, подошли к внешней линии укреплений и сумели проникнуть в город. Однако нападение не застало воеводу врасплох. Руководимые им русские ратники отбили ночной штурм врага, предприняли вылазку и, преследуя разбитого противника, нанесли ему большой урон.

Интервенты пытались перерезать дорогу, связывающую Калугу со столицей. Пожарский не допустил этого. Он без промедления атаковал появившийся на Московской дороге отряд рейтар и рассеял их, а у Горок выстроил острожек. Опалинский со своими гусарами пытался овладеть им, но взять деревянную крепостицу не смог. Наконец Пожарскому удалось ворваться к полякам в укрепленный Товарковский городок и истребить там у них все запасы продовольствия я фуража.

Видя, что успехов под Калугой ему не добиться, Опалинский попытался овладеть Серпуховом, но и там был разбит воеводой Бегичевым, оставленным князем Дмитрием, чтобы закрыть неприятелю пути продвижения на Москву. В результате тяжелых поражений Опалинский и Чаплинский, не выполнив приказа

гетмана, вынуждены были отойти к Вязьме, потеряв при этом свыше половины своих отборных войск.

В июле 1618 года королевич Владислав из района Вязьмы начал наступление на Москву. Главными силами русских войск в окрестностях Можайска командовал воевода князь Борис Лыков, который не смог избежать осады своей рати в Можайске. Ожесточенные бои вокруг этого города не прекращались ни на один день. Артиллерия врага обстреливала Можайск, в городе возникла угроза голода. Более того, с юго-запада по направлению к столице приближалось 20-тысячное казачье войско малороссийского гетмана Петра Канашевича-Сагайдачного, разорившего на пути Путивль, Ливны, Елец, Лебедянь.

Видя, что обстановка для царских войск складывается крайне неблагоприятно, Михаил Романов приказал воеводе Пожарскому идти на выручку осажденному Можайску и прорвать наконец кольцо окружения вокруг главных сил русской армии. Князь Дмитрий перешел из Калуги под Боровск и в тяжелом бою разбил там поляков. Пожарский, не имея достаточных сил для нанесения удара по войску гетмана Ходкевича, составил свой план ведения боевых действий. Он поставил острог у стен Пафнутьева монастыря и прочно оседлал Можайскую дорогу. Из острога его конные сотни постоянными набегами тревожили осадный лагерь интервентов.

К этому времени обстановка еще более осложнилась. Королевич Владислав штурмовал Можайск, стремясь прорваться к Москве. Воевода Ивашкин отступил из Борисова, к которому устремилась конница противника. Московским боярам пришлось забыть о местничестве. Откуда бы ни подходили в Москву подкрепления, они тотчас направляли их в Боровск к Пожарскому. Так, к нему прибыл отряд стрельцов из Астрахани, мурза Кармаш с татарами. Привел 670 московских, ярославских и костромских дворян окольный князь Григорий Волконский. Это был первый случай, когда бояре подчинили Пожарскому знатного и родословного думного человека. Но ситуация была критическая, и выбирать не приходилось.

Дмитрий Пожарский сумел предотвратить захват поляками брошенной крепости Борисов. Более того, своими настойчивыми действиями он помог полкам воеводы Лыкова ночью выйти из Можайска, оставив в городе для его обороны гарнизон. Осажденные смогли выйти на соединение с войском Пожарского.

Польское войско, отказавшись от намерений овладеть Можайском, направилось к Москве. На соединение к королевичу Владиславу шел гетман Сагайдачный. Царское правительство решило попытаться остановить запорожцев на Оке. В час опасности имя Дмитрия Пожарского вновь было у всех на устах. Воевода получил царский указ разгромить запорожцев Сагайдачного на переправах через Оку и не допустить их к Москве. Присутствие прославленного военачальника вселяло в ратников уверенность и бодрость. Но войско Пожарский возглавил уже будучи тяжело больным. Довести до конца поход ему не удалось. В Серпухове приступы тяжелого недуга возобновились, и царь велел воеводе ехать в столицу, а войско передать своему помощнику князю Григорию Волконскому. Тот не смог выполнить поставленной задачи и отступил с Оки к Коломне.

Когда рать лишилась авторитетного воеводы, между дворянами и казаками начались распри. Казаки не пожелали терпеть голод и ушли из Коломны под Владимир «собирать корм» в боярских владениях. Исключение было сделано лишь для владений князя Дмитрия Пожарского. «В Вязниках у казаков в кругу, — доносили в Москву гонцы, — приговорено, что им боярина князя Дмитрия Михайловича Пожарского в вотчины, в села и в деревни не въезжати и крестьян не жечь и не ломать и не грабить». Приговор казачьего круга показывал, что в народе Пожарский по-прежнему пользовался большой популярностью.

20 сентября 1618 года со стороны Волоколамска к столице подошла королевская армия. «Московский староста» Гонсевский и гетман Ходкевич вновь стояли у городских ворот, на этот раз вместе с «царем» Владиславом. Они рассчитывали на помощь своих приспешников из московских бояр. Но те были до смерти напуганы недавним выступлением ратных людей и москвичей, ворвавшихся вооруженной толпой в Кремль и потребовавших у Мстиславского «со товарищи» объяснений по поводу отступления боярина Лыкова из Можайска. Это выступление едва не привело к кровопролитию.

23 сентября противник обложил русскую столицу. С юга к городу подошли коши запорожцев гетмана Сагайдачного, спешившего на помощь войску королевича Владислава. Неразбериха и замешательство в боярских верхах вновь грозили обернуться бедой. С начала сентября в Москве стал заседать Земский собор. Он решил привлечь к обороне города-крепости всех москвичей, способных носить

оружие. Царю и его ближайшим боярам волей-неволей пришлось вспомнить, какую роль в освобождении Москвы сыграло народное ополчение. Москвичи требовали оружия, чтобы защитить столицу от интервентов.

Разрядный приказ расставил по крепостным стенам и воротам вместе с ратниками посадских людей и купцов. В Белом городе и Замоскворечье охрану стен несли шесть с половиной тысяч человек. Среди них преобладали «черные» посадские люди. Около двух тысяч добровольцев-горожан имели пищали, две с половиной тысячи несли караул с рогатинами. Царское правительство позаботилось о том, чтобы в этот критический момент оказать «милость» тем людям, которые пользовались доверием простого народа. За несколько дней до решающего столкновения с королевским войском царь Михаил пригласил князя Дмитрия во дворец к столу, напомнил собравшимся о его заслугах перед государством и наградил прославленного воеводу золоченым кубком и собольей шубой.

В ставке королевича Владислава его военачальники подробно разработали план захвата русской столицы. Накануне приступа на сторону царских войск перебежали два наемника-француза, служившие минерами в королевской армии. Они сообщили о готовящемся штурме Москвы и указали пункты крепости, куда будет наноситься удар. Бояре заподозрили их как лазутчиков, но все же послали подкрепления к западным городским воротам.

В ночь на 1 октября 1618 года польские роты и казацкие отряды двинулись на штурм Москвы. Под покровом ночи королевские солдаты взорвали ворота деревянного острога Земляного города и подошли к Арбатским и Тверским воротам Белого города. Но здесь противник был встречен градом пуль. Яростная пальба разбудила спящую столицу. Вооруженные москвичи и ратники бросились к местам разгоревшегося ночного боя.

Князь Пожарский в сопровождении вооруженных родных и слуг в числе первых прибыл к Арбатским воротам со своего двора на Арбате. Появление в рядах сражающихся знаменитого воеводы воодушевило защитников города. Дмитрий Михайлович взял на себя руководство боем. Вновь, как и в лучшие годы, князь Дмитрий «на боях на приступах бился, не щадя головы своей». Кровавопролитный бой длился несколько часов, до рассвета. Едва ночная мгла стала редеть, были распахнуты ворота, и русские воины ударили по врагам. Тем пришлось спешно отступить к своему лагерю. Не лучше обстояли дела и у отряда интервентов, пытавшихся ворваться в Белый город через Тверские ворота. Безуспешными оказались и все другие попытки захватчиков ворваться в город. Во время осады Москвы Пожарский находился на самых трудных участках обороны. Еще не вполне оправившийся после тяжелой болезни, он с бесстрашием и отвагой бился в первых рядах защитников столицы. Под его водительством стойко сражались ратники и московские ополченцы. Заслуги Дмитрия Пожарского были так велики, что царь счел необходимым отметить их в особой грамоте. В ней говорилось, что во время осады Москвы князь Пожарский против польского войска королевича Владислава стоял крепко и мужественно, в боях бился, не щадя головы своей, «и ни на какие королевичевы предложения не прельстился и, будучи в осаде, во всем оскудение и нужду терпел».

В который раз потерпев неудачу под Москвой, гетман Ходкевич со своим войском отступал к Троице-Сергиеву монастырю. Там их встретили пушечными залпами. Королевская армия вынуждена была отступить на старую гетманскую стоянку в село Рогачево. Вновь, как и прежде, польские отряды разбрелись грабить замосковские города и села. Но на этот раз их везде ждали военные неудачи. На Нерехте и в Пошехонье ярославские воеводы разгромили отряды чужеземных захватчиков.

Войско гетмана Сагайдачного ушло из-под Москвы к Калуге, но взять город-крепость не смогло. В рядах простых запорожцев зрело широкое недовольство против чуждой им войны, хотя при помощи казацкой старшины польский король смог использовать малороссийское казачество в войне против России. Королевич Владислав довольно скоро смог убедиться в ненадежности запорожцев. Сказалась кровная близость русского и украинского народов. Так, на русскую службу с отрядом в 600 сабель перешел полковник Ждан Коншин. Подобных примеров было много.

Королевской армии в Рогачево предстояло выдержать трудную зиму. Поляки вновь не имели надежных сообщений — с первых дней очередного вражеского нашествия за оружие взялись крестьяне-«шиши». Ходкевичу не удалось овладеть ни одной из русских крепостей, находившихся у него в тылу. И в довершение

всего польский сейм с 1619 года отказывался финансировать войну, в которой не виделось победного конца, – сказались усилия сторонников мирных отношений с Россией.

Интервентам вновь угрожала народная война – в Нижнем Новгороде и Ярославле спешно формировались ополченские полки. Вражеское нашествие вновь всколыхнуло Россию.

В таких неблагоприятных для польских интервентов условиях 1 декабря 1618 года в селе Деулине между Российским государством и Речью Посполитой было заключено перемирие на четыре года и шесть месяцев. Дорого заплатил русский народ за предательство «семибоярщины» и за неспособность царя Михаила Романова и его окружения возглавить народно-освободительную войну против польских и шведских интервентов. По условиям перемирия, Россия лишалась Смоленска, Чернигова, Новгорода-Северского, Дорогобужа, всего около 30 городов. Более того, Сигизмунду III достались пограничные крепости, отразившие все нападения интервентов. Польша же возвращала России Вязьму, Козельск, Мещовск, Мосальск, Стародуб и... старейшину царской семьи Филарета Романова, бывшего в плену.

Российское государство после 14 лет интервенции получило продолжительную передышку, чтобы восстановить силы. Народ отстоял родную землю, свою национальную независимость. Но прошли многие годы, прежде чем страна оправилась от пережитого Смутного времени, от тяжелых последствий польской и шведской интервенции.

Освобождение Смоленщины сделалось едва ли не главной внешнеполитической целью страны. В апреле 1632 года Москва с энтузиазмом приветствовала сообщение о том, что поход на Смоленск возглавят самые известные из героев освободительной войны – бояре Михаил Шеин и Дмитрий Пожарский. «Худородный» князь Дмитрий получил назначение, о котором мог мечтать любой воевода. Но признание его ратных заслуг перед Родиной со стороны царского окружения пришло слишком поздно. В пятьдесят три года Пожарский был совсем больным человеком, приступы «черной немочи» преследовали его неумолимой чередой. И он, осознавая всю ответственность исторического момента, отклонил запоздалую честь. Вместо него царь назначил окольного Артемия Измайлова.

Война началась победой русского оружия. Успешно продвигаясь вперед и опираясь на помощь восставшего населения оккупированных областей, воевода Михаил Шеин 14 октября обложил Смоленск. В августе 1633 года новый польский король Владислав во главе 35-тысячного войска потеснил русскую армию и снял блокаду со Смоленска. В это время Россия вновь оказалась меж двух огней. В 1632 году крымский хан предпринял крупное вторжение на Русь, а в июле следующего года до 20 тысяч его конников прорвали русскую оборону на Оке и двинулись к Рязани. В самый трудный момент смоленской войны крымские татары связали московские силы по рукам и ногам. Окруженная армия Шеина таяла – лагерь покидали повстанцы и ратники из южных областей, которые уходили на защиту своих родных мест. Воевода писал в Москву: «Рать твоя, государь, разбежалась!» А помощи Смоленску не было.

Царь Михаил пытался послать на выручку Шеину новое войско под командованием князя Дмитрия Черкасского и князя Дмитрия Пожарского. Но они из-за нераспорядительности боярского правительства не успели выступить: не все ратные люди собрались. Денег тоже не было. Так и не дождавшись помощи, Шеин сдался королю Владиславу на весьма тяжелых условиях: русское войско уходило из-под Смоленска без артиллерии и обоза. Московские бояре жестоко отомстили Михаилу Шеину – перед выступлением в поход он в речи напомнил бывшим членам «семибоярщины» о их предательстве в трудные для государства времена. Никогда на Руси неудачливым воеводам не секли головы. Боярская судная комиссия во главе с князем Иваном Шуйским сделала исключение для Шеина и Измайлова, приговорив их к смертной казни. Палач обезглавил героя смоленской обороны за городом «на пожаре».

Последние военные назначения Дмитрий Пожарский получил в 1637–1638 годах, когда возникла угроза большой войны с Крымом и Османской империей. Донские казаки при помощи запорожцев в 1637 году овладели Азовом – сильной турецкой крепостью в устье Дона. Крымский хан немедленно отправил в набег на Русь свою орду. Царь принял решение укрепить Москву. Князь Дмитрий руководил работами от Яузы до берега Москвы-реки.

Дмитрий Михайлович Пожарский скончался 20 апреля 1642 года. Погребли его в родовой усыпальнице Пожарских в суздальском Спасо-Евфимиевском монастыре.

Из столицы прах князя Дмитрия провожали тысячи людей. Так закончился жизненный путь видного русского государственного и военного деятеля Дмитрия Пожарского – друга и сподвижника народного героя Кузьмы Минина.

НАВЕЧНО В ПАМЯТИ НАРОДНОЙ

Соратники в служении Отечеству Кузьма Минин и Дмитрий Пожарский навечно остались в памяти нашего народа. Имена их в истории России неразделимы.

Весной 1695 года в Нижний Новгород для постройки флота прибыл Петр I. Двадцатилетний царь готовил в ту пору большой поход на Азов, чтобы отвоевать для государства Российского выход к морю. Прибыв в Нижний, Петр прежде всего спросил: где похоронен Кузьма Минин? С великим трудом местные власти разыскали могилу народного героя.

Петр распорядился немедленно перенести прах великого патриота России в Нижегородский кремль и похоронить его в усыпальнице Спасо-Преображенского собора. Когда это было сделано, он опустился на колени перед гробницей, сказав: «Здесь лежит спаситель России».

Эти свои слова Петр I, которого после его смерти назовут Великим, и велел написать на гробнице «выборного человека всею землею» Кузьмы Минина. В 1826 году в Нижнем Новгороде, в кремле, на высоком волжском берегу, был воздвигнут памятник Минину и Пожарскому по проекту архитектора А.И.Мельникова в виде высокого остроконечного гранитного обелиска на двойном гранитном пьедестале.

С одной стороны обелиска, обращенной к Волге, на бронзовой доске надпись: «Гражданину Минину благодарное потомство. 1826 г.» С обратной стороны обелиска, обращенной к городу, также на бронзовой доске, вторая надпись: «Князю Пожарскому благодарное потомство. 1826 г.» Ниже этих бронзовых досок к пьедесталу прикреплены еще две с барельефными изображениями. На одной из них изображен Кузьма Минин, на голову которого два добрых гения-покровителя возлагают венок из дубовых листьев; на другой – Дмитрий Пожарский, на голову которого гении возлагают такой же венок.

В 1943 году во время Великой Отечественной войны в Нижнем Новгороде (тогдашнем Горьком) на площади, носящей имя Кузьмы Минина, был воздвигнут памятник великому русскому патриоту по проекту скульптора А.И.Колобова.

В 1885 году на могиле Дмитрия Михайловича Пожарского в Спасо-Евфимиевском монастыре был сооружен памятник на средства, собранные по народной подписке на добровольных началах. Могила его была вновь открыта в 1852 году большим любителем российской старины графом А.С.Уваровым, что было засвидетельствовано специальной ученой комиссией. Дело в том, что во второй половине XVIII века надгробный камень с именем «знаменитого победителя ляхов» Дмитрия Пожарского был снят с могилы и употреблен на поправку паперти по приказанию архимандрита Ефрема, озлобившегося на отнятие у монастыря при секуляризации церковных имений более 11 тысяч душ крестьян.

Самый известный памятник великим русским патриотам воздвигнут в Москве, на Красной площади. Он сооружен по проекту талантливого архитектора-скульптора Ивана Петровича Мартоса на собранные народом деньги. Бронзовый монумент изображает Кузьму Минина, который поддерживает израненного Дмитрия Пожарского и призывно указывает ему на Московский Кремль. На великолепном пьедестале памятника высечена надпись: «Гражданину Минину и князю Пожарскому благодарная Россия. Лета 1818». Этот памятник как бы увековечивает память тысяч безвестных героев, погибших в борьбе с иноземными захватчиками в Смутное время. Память эта для нас священна.

До 1930 года памятник стоял на Красной площади возле здания ГУМа (Государственного универсального магазина), против Кремлевской стены. Затем он был передвинут к собору Василия Блаженного, к тому месту, где в сентябре 1812 года воевода князь Дмитрий Пожарский и «выборный человек всею землею» Кузьма Минин вместе с ратниками народного ополчения и москвичами торжествовали великую победу над интервентами.

В конце 1829 года Москву посетил Виссарион Григорьевич Белинский. Обращаясь к героическим образам Кузьмы Минина и Дмитрия Пожарского, бронзовым монументом заставшими на века против Кремля на Красной площади, великий мыслитель и революционный демократ писал: «... вот два вечно сонных исполина веков, обесмертившие имена свои пламенной любовью к милой Родине. Они всем

жертвовали ей: именем, жизнью, кровию. Когда Отечество их находилось на краю пропасти, когда поляки овладели матушкой-Москвой, когда вероломный король их брал города русские – они одни решились спасти ее, одни вспомнили, что в их жилах текла кровь русская. В сии священные минуты забыли все выгоды честолюбия, все расчеты подлой корысти – и спасли погибающую Отчизну. Может быть, время сокрушит эту бронзу, но священные имена их не исчезнут в океане вечности. Поэт сохранит оные в вдохновенных песнях своих, скульптор в произведениях волшебного резца своего. Имена их бессмертны, как дела их. Они всегда будут воспламенять любовь к Родине в сердцах своих потомков, Завидный удел! Счастливая участь!»

В Оружейной палате Кремля хранятся сабли народных героев Кузьмы Минина и Дмитрия Пожарского, чья рать в свое время двинулась с берегов Волги, от Нижнего Новгорода и Ярославля, освобождать Москву. Проста сабля Кузьмы Минина, во как велик был посадский человек, бросивший в родном городе всенародный клич освобождения! Если в былые годы Москва не раз грудью вставала на защиту Нижнего и других понизовых земель, то теперь Волга протянула руку помощи Москве. На сабельном лезвии – зазубрины; не раз Кузьма Захарьевич с этой вот, теперь недвижно дремлющей, саблей бросался в горячие схватки. Желтые пятна на белой рукоятке – тоже следы времени. Существует предание, что Минин подарил саблю Троице-Сергиеву монастырю, сыгравшему героическую роль в ту пору, на память о событиях, которые не должны забываться. Холоден персидский булат сабли Дмитрия Михайловича Пожарского, тоже зазубренной, с серебряной рукоятью, слегка поврежденной, – оружие прославленного воеводы не пребывало в праздности.

Народ воспел подвиг Кузьмы Минина и Дмитрия Пожарского в изумительных словах, полных гордости за своих великих сынов:

*Поднялися те добры молодцы,
Поднялися те Руси верные,
Что Пожарский князь с купцом Мининым,
Вот два сокола, вот два ясные.
Вот два голубя, вот два верные,
Поднялися вдруг, пустилися.
Пособравши рать, рать последнюю.*

Священные имена Минина и Пожарского не исчезнут в океане вечности. На протяжении столетий русский народ вел тяжелую борьбу за свое самостоятельное историческое развитие. Смутное время с польской и шведской интервенцией было одной из самых трагических страниц в этой вековой кровопролитной борьбе. Бедствия не сломили дух народа. Широко развернувшуюся войну с иноземными захватчиками возглавили Кузьма Минин и Дмитрий Пожарский, Победа была куплена дорогой ценой, но она обеспечила возрождение русской государственности. В отечественной истории не порывается связь времен. Каждый раз, когда Отчизне угрожает смертельная опасность, ее защитников вдохновляют светлые имена Кузьмы Минина и Дмитрия Пожарского. Так было в Отечественную войну 1812 года. Так было в тяжелую годину Великой Отечественной войны. Когда немецко-фашистские полчища стояли под Москвой, вся страна 7 ноября 1941 года услышала с Красной площади слова, обращенные к советскому народу и героическим защитникам социалистической Родины: «Пусть вдохновляет вас в этой войне мужественный образ наших великих предков – Александра Невского, Дмитрия Донского, Кузьмы Минина, Дмитрия Пожарского, Александра Суворова, Михаила Кутузова!»

Славные имена руководителей народного освободительного движения – Кузьмы Минина и Дмитрия Пожарского, показавших образцы горячей любви к Родине и мужественной решимости защищать государство Российское, живут и будут жить в благодарной памяти народа.